

05,4

Театро искусство.

XIII годъ изданія —
Воскресенье, 20 Декабря

№ 51

1909

Послѣднія изданія „Театра и Искусства“:

- ***Во имя ребенка**, (Судь Соломона), п. въ 3 д. Вріе, ц. 2 р. Прав. В. № 268 с. г.
- ***И-ше Давидъ**, ком. въ 4 д. А. Оедорова. (Реперт. т. Корша Спб. Малаго т.), ц. 2 р., цев. 4 р., роли 2 р. 50 к.
- ***Братъ**, др. въ 4 д. А. Оедорова (реперт. т. Невлобйна), ц. 2 р., роли 2 р. 50 к.
- ***Около любви**, п. въ 4 д. А. И. Фингерта, (Реперт. т. Корша), ц. 2 р.
- ***Афинянка-лизистрата**, ком. Аристофана въ IV д., приспособлен. Л. Грейперомъ, перев. А. И. Долинова, (ближ. новинка Спб. Малаго т.), ц. 2 р.
- ***Манкави**, др. въ 5 д. Оттона Людвига, пер. Н. К. Мельникова (Сибиряка), ц. 2 р.
- ***Пути любви**, др. въ 5 д. О. Дымова, (м. 3, ж. 4) ц. 2 р., роли 3 р. Пр. В. № 252 с. г.
- ***Живые-мертвые**, (Старый обрядъ) др. въ 4 д. А. Будишева (Реперт. Спб. Малаго т. и Москов. Импер. Малаго т.) (м. 7, ж. 8) ц. 2 р., роли 2 р. 50 к.
- ***Анатэма**, Леонида Андреева, ц. 2 р. Цев. 4 р., роли 3 р.
- ***Цезарь и Клеопатра**, В. Шоу, пер. Э. Бескина и Лебедева, (Реперт. Спб. Драмат. и Моск. Мал. т.) ц. 2 р. Роли 3 р.
- ***Анфиса**, Леонид Андреева ц. 2 р., цевзур. 3 р., Роли 2 р. 50 к.
- ***Чужое счастье**, п. въ 4 д. И. Н. Потапенко ц. 2 р., роли 2 р. 50 к. (Влижайшая новинка Спб. Малаго т.). Пр. В. № 230.
- ***Скандалъ**, въ 4 д. Батайля, перев. М. Потапенко, ц. 2 р. Пр. В. № 252 с. г.
- ***Вѣчная ложь**, виводъ въ 3 дѣйст. Н. Острожскаго (Репертуаръ театра Корша) ц. 2 р. Роли 2 р. 50 к. Прав. В. № 230.
- ***Легенда**, п. въ 4 д. I. В. Радзивилловича, (м. 6, ж. 3), ц. 2 р., роли 2 р. 50 к.
- ***Хозяйка жизни**, п. въ 5 д. Г. Яшинскаго. ц. 2 р., роли 3 р. Пр. В. № 230.
- ***Цѣною слезъ**, (комедія ошибокъ) въ 3 д. Ю. Жулавскаго (автора „Эросъ и Психея“) пер. съ польскаго А. Френкели, ц. 2 р.
- ***Обыватели**, ком. въ 4 д. В. В. Рышкова (Реперт. Императ. Алекс. т.) (м. 6, ж. 6) ц. 2 р. Роли 2 р. 50 к. Пр. В. № 215 с. г.
- ***Нечистая сила**, др. въ 4 д. А. Бахметьева ц. 2 р. (Важ. новинка Спб. Малаго театра) (м. 7, ж. 4). Роли 2 р. 50 к. Пр. В. № 204 с. г.
- ***Освобожденные рабы**, ком. въ 3 д. Кадедльбурга и Влюментала, пер. Федоровича (репер. Корша), ц. 2 р. Роли 2 р. 50 к. Пр. В. № 168 с. г.
- ***Трагедія таланта** (Вѣчные странники), п. въ 4 д. Кайдарова, II-ое исправлен. изд. ц. 2 р.
- ***Гордость города**, ком. въ 5 д. Г. Вида, пер. съ нѣм. (Реперт. Корша), ц. 2 р. Роли 2 р. 50 к. Пр. В. № 204 с. г.
- ***Крупная игра**, др. въ 3 д. Дидринга, пер. О. Норвежскаго (м. 5, ж. 2) (Реперт. Спб. Малаго театра), ц. 2 р., Пр. В. № 124 с. г.
- ***Мелкій бѣсъ**, п. въ 5 д. О. Соллогуба (реперт. Спб. Драматическаго и т. Невлобйна), ц. 2 р., роли 3 р. Пр. В. № 215 с. г.
- ***Звѣзда нравственности**, ком. въ 4 д. В. В. Протопопова, ц. 2 р. Роли 2 р. 50 к. (Реперт. Спб. Малаго театра.) Пр. В. № 215 с. г.
- ***Бѣлая ность**, ком. въ 3 д. Шолоха Апа, (м. 8, ж. 7) ц. 2 р. Роли 2 р. 50 к. „Прав. Вѣсти“, № 87 с. г.
- ***Орелъ**, ком. въ 4 д. Ф. А. Червинскаго (м. 7, ж. 4) (Реперт. Спб. Малаго т.), ц. 2 р. Роли 2 р. 50 к. Пр. В. № 168 с. г.
- ***Исторія изъ трехъ**, (Осаль Вурдана), ком. въ 3 д., пер. Ярона и Пальмскаго, ц. 2 р. Роли 2 р. 50 к. Прав. Вѣсти. № 159 с. г.
- ***Золотая свобода**, ком. въ 3 д., пер. Ярона и Пальмскаго, ц. 2 р. Роли 2 р. 50 к. Пр. В. № 159 с. г.

Вышла въ свѣтъ и продается
НОВАЯ КНИГА
Русское сценическое
искусство за границей.

Артистическая поѣздка М. Г. Са-
виной съ труппой въ Берлинъ и
Прагу.

== Цѣна 5 руб. ==

Складъ изданія въ канцеляріи
Совѣта Императорскаго Театраль-
наго Общества (СПБ. Николаевская,
д. № 31).

Театральный КЛУБЪ.

Литейный пр., 42.

„КРИВОЕ ЗЕРКАЛО“

В. В. Холмской.

НОВАЯ ПРОГРАММА:

„Многострадальная“, „Роза и Ва-
силень“, „Великое открытіе“, „Грае-
грае-воропае“ и пр.

Цѣны мѣстъ отъ 1 р. 20 к. до 4 р. 20 к. Би-
леты продаются въ кассѣ Клуба отъ 12 ч. дня.

Начато въ 8^{3/4} час.

Режиссеръ баронъ Р. УНГЕРНЪ.

МОСКВА

ТЕАТРЪ САБУРОВА.

Репертуаръ съ 20 декабря:

„Наполеонъ“, фарсъ въ 3 д.
„Нуль“, фарсъ въ 3 д.
„Шальная дѣвчонка“ (Маленькая
поколадница), комедія въ 4 д.,
перев. Федоровича.
„Накопецъ мы одни!“ комедія въ
3 д.
„Сорвался“, шутка въ 1 д. Василь-
евскаго.
„Въ отдѣльномъ купѣ“. Приклю-
ченіе въ 1 д.
„Сынъ молніи“, фарсъ въ 3 д.

РОЯЛИ

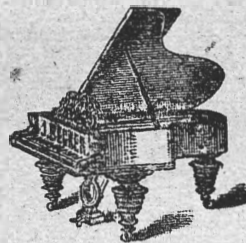

ПЛАНИНО

Я. БЕККЕРЪ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Морская, 35.

КАТАЛОГИ: № 15 ПО ВОСТРЕБОВАНІЮ.

Театры и сцены Свѣ. Городскаго Попечительства о народной трезвости.

ТЕАТРЪ НАРОДНАГО
ДОМА

ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ II.

Воскресенье 20-го Декабря: въ 1 ч.: „ДВѢ КАПИТАНА ГРАНТА“, въ 5 ч.: „БѢДНОСТЬ
НЕ ПОРОКЪ“, въ 8 ч.: „ФЛОТЪ“, 26-го въ 1 ч.: „РОВИНЗОНЪ КРУЗОЕ“, „БАСНИ
БРЫКОВА“, въ 5 ч.: „ЗАЧѢМЪ ПОЙДЕШЬ ТОНАЙДЕШЬ“, въ 8 ч.: „ПУТНИКЪ“, 27-го
въ 1 ч.: „РОВИНЗОНЪ КРУЗОЕ“, „БАСНИ БРЫКОВА“, въ 5 ч.: „ЖЕНИТЬБА“, въ 8 ч.: „РУСАЛКА“, 28-го: „80 ТЫСЯЧЪ ВЕРСТЪ ПОДЪ ВОДОЙ“, 29-го въ 1 ч.: „80
ТЫСЯЧЪ ВЕРСТЪ ПОДЪ ВОДОЙ“, въ 8 ч.: „ЕВГЕНІЙ ОНЕГИНЪ“, 30-го въ 1 ч.: „ВОРОБЬ ГОДУНОВЪ“, въ 8 ч.: „80 ТЫСЯЧЪ ВЕРСТЪ ПОДЪ ВОДОЙ“, 31-го: „ДЕ-
МОНЪ“, 1-го Января въ 1 ч.: „ХИЖИНА ДАДИ ТОМА“, въ 8 ч.: „ФЛОТЪ“, 2-го: „ИЖИ-
КОВАЯ ДАМА“.

Воскресенье 20-го Декабря: „ПЕРВАЯ ЛАСТОЧКА“, 26-го: „ГОРЕ ОТЪ УМА“, 27-го: „ПРЕСТУПНИЦА“, 28-го: „ЖЕНИТЬБА ВЕДУГИНА“, 1-го Января: „ХЛЕВА И ЗРЕЛИЩА“.

Общедоступныя развлеченія (бывшій Стекланный заводъ). Воскресенье, 20-го Декабря: „КАШИРСКАЯ СТАРИНА“, 26-го: „ЗА МОНАСТЫРСКОЙ СТѢНОЙ“, 27-го: „ТРИЛБИ“, 29-го: „ИЗМАЙЛЬ“, 1-го Января: „АННА КАРЕНИНА“.

ЗИМНІЙ „БУФФЪ“.

Адмиралтейская набер., 4.

Телефонъ № 19-58.

Сезонъ 1909—1910 гг.

== ЕЖЕДНЕВНЫЕ СПЕКТАКЛИ. ==

СОСТАВЪ ТРУППЫ (въ алфав. порядкѣ).

Женскій персоналъ: М. И. Антонова, Л. Е. Ветлужская, Е. В. Зборожь-Пашковская, А. Д. Каренина, Е. Л. Лератъ, Е. П. Маклакова, Н. В. Наташова, В. И. Понтовская, М. П. Раз-
манова, О. К. Рейская, С. Л. Сейтлова, Н. И. Тамара, В. Г. Торская, А. В. Федорова.
Мужской персоналъ: А. З. Вураковский, М. С. Дальскій, А. П. Дмитріевъ, И. В. Зяглицевъ,
Н. И. Крамской, М. Д. Клодницкій, И. И. Коржевскій, А. М. Любинъ, В. М. Майскій, Н. И.
Мартыненко, Л. Г. Мираевъ, А. С. Половскій, Н. Г. Радловъ, В. Я. Радомскій, І. Д. Рутковскій,
Н. Г. Сѣверскій, М. М. Шуваловъ.

Главный капельмейстеръ В. І. Шапокинъ.

Главный режиссеръ А. С. Половскій.

Режиссеръ В. М. Цивилевъ. Валетмейстеръ Ф. О. Жабчинскій. Капельмейстеръ Л. П. Шаповъ.
Уполном. дирекція Л. Л. Пальмскій.

Театръ „НЕВСКІЙ ФАРСЪ“.

Невскій, 56. ☎ Г. Г. ЕЛИСЕВА. ☎ Телефонъ 318—27.

Дирекція ВАЛЕНТИНЫ ЛИНЪ.

РЕПЕРТУАРЪ:

Сенсац. фарсъ въ 3 дѣйств. ПЕРВАЯ ЖЕНЩИНА—АДВОКАТЪ. Дѣйствіе 3-е—
Валъ суда.

2) Возрастающий
успѣхъ!

АБСОЛЮТНЫЙ НУЛЬ!!!

перев. Л. Л. Пальскаго и И. Г. Старова.

Въ 3-мъ д. трюкъ: Тайнственный замокъ съ превращеніями.
Новая декорация 3-го акта рѣб. декорат.-худож. Г. А. Вутова. Пост. В. Ю. Вадикова.
Главный капельмейстеръ А. А. Тонинъ. Капельм. М. Ю. Гардгенъ.
Режис. В. Ю. Вадикова и Л. А. Стельмачевъ. Администраторъ Л. А. Леонтьевъ.
Готов. къ постановкѣ. очень смѣшной фарсъ въ 3 д. ТЕОДОРЪ И КЪ. Перев.
текущій репертуаръ Михайловскаго театра В. И. Л.

2) ВЕСЕЛЫЙ ПЕТЕРБУРГЪ.

Начало въ 8^{3/4} часовъ вечера. Касса открыта съ 11-ти час. утра.
Всѣ новинки „Невскаго Фарса“ можно получить только у Л. А. Леонтьева,
Спб. Невскій Фарсъ.

26-го Декабря 1909 года. Открытіе спектаклей ТЕАТРА

СКАЗКА

ДИРЕКЦІЯ В. В. ХОЛМСКОЙ.

Новое театральное помѣщеніе въ домѣ Н. Н. ШЕБЕКО. Галерная, 33.

РОСКОШНЫЙ ЗАЛЪ ВЪ СТИЛѢ „РОКОКО“. ЗИМНІЙ САДЪ.

Одна минута разстоянія отъ Сената, пять минутъ отъ В. Морской, пять минутъ отъ Невскаго пр., пять
минутъ отъ Васильевскаго остр. Въ двухъ шагахъ остановка четырехъ маршрутовъ трамвая №№ 4, 6, 7, 8.

РЕПЕРТУАРЪ: СКАЗОЧНЫЯ, РОМАНТИЧЕСКІЯ И ФАНТАСТИЧЕСКІЯ ПЬЕСЫ.

Андерсенъ, Уайльдъ, Нѣмовскій, Гоффманъ, М. Лохвицкая, Тэффи и др.

Режиссеръ Баронъ УНГЕРНЪ.

Художникъ Б. Д. БУХАРОВЪ.

Продажа билетовъ въ кассѣ театра съ 11 до 6 час. вечера, въ дни спектаклей въ продолженіе цѣлаго дня.
Администраторъ Арт. Имп. театровъ Ф. ИЗРАИЛЕВЪ.

Открыта подписка на 1910 годъ на „ТЕАТРЪ и ИСКУССТВО“.

ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНИЯ.

52 №№ еженедѣльнаго иллюстрированнаго 12 ЕЖЕМѢСЯЧНЫХЪ КНИГЪ
журнала (около 1000 иллюстрацій). „Библиотеки Театра и Искусства“: около
20 новыхъ репертуарныхъ пьесъ, беллетристика, научно-популярныя статьи, отдѣлъ „Эстрада“ —
сборникъ стихотвореній, разсказовъ, монологовъ и т. д., пригодныхъ для чтенія съ эстрады.

Въ книжкахъ „Библиотеки“ будетъ напечатано нѣсколько капитальныхъ сочиненій по теоріи и
практикѣ театра. Изъ новыхъ пьесъ имѣются въ распоряженіи редакціи произведенія **И. Н. Потапенко,**
Виктора Рышкова, І. І. Колышко, А. Н. Будищева, А. Федорова и др. Отдѣлъ „Эстрады“ будетъ
пополняться, по преимуществу, новымъ матеріаломъ.

Подписная цѣна на годъ 7 р.

Главная контора — С.ПБ., Вознесенскій 4. Тел. 16-69. Для телеграммъ: Петербургъ, Театръ Искусство.
Допускается разсрочка 3 р. при подпискѣ, 2 р. — къ 1 апрѣля и 2 р. къ 1 юня. За границу 10 р.

Отдѣльные №№ по 20 коп. — Объявленія
40 к. строка пята (въ 1/2 стран.) позади
текста, 70 к. — передъ текстомъ.

На полгода 4 р. (съ 1 января
по 1-е юля). За границу 6 р.

ТЕАТРЪ

2-2

Харьковскаго Коммерческаго Клуба

съ 1-го Сентября 1910 года **СВОБОДЕНЪ**. Объ условіяхъ аренды
узнать въ Конторѣ Клуба: г. Харьковъ, Рымарская улица, собств.
домъ, № 21. Срокъ подачи заявленій до 7 Января 1910 года.
3-1 Окончательное рѣшеніе сдачи театра 15 Января.

* НОВАЯ ПЬЕСА. *
* М. И. Михайловъ (Рыбцкій) *
* „НА ХУТОРѢ У МИЛЫХЪ *
* ОКУНЬКОВЫХЪ“. *
* Простыя сцены въ 4 дѣйств. *
* цѣна 2 р. *
* Контора журнала „Театръ и Искусство“. *

ХІІІ-й сезонъ.

ХІІІ-й сезонъ.

ЗАЛЪ ДВОРЯНСКАГО СОБРАНІЯ ОБЩЕДОСТУПНЫЕ СИМФОНИЧЕСКІЕ КОНЦЕРТЫ

Графа А. Д. ШЕРЕМЕТЕВА.

Въ Воскресенье, 27-го Декабря 1909 г.

147-й КОНЦЕРТЪ 147-й

(съ благотворительною цѣлью).

При участіи: г-жъ Ф. В. Деряжковой, Е. С. Мамзиной; Гг. В. К. Зеленскаго, И. А. Головина,
Н. В. Троицкаго, большого симфоническаго оркестра и усиленнаго хора Графа А. Д. ШЕРЕМЕТЕВА.

подъ управленіемъ М. А. ГОЛЬДЕНБЛЮМА.

НАЧАЛО ВЪ 2 ЧАСА ДНЯ.

ПРОГРАММА:

Посвящается памяти Г. Ф. ГЕНДЕЛЯ (по поводу 150-ти-лѣтія со дня его смерти).

„САМСОНЪ“, ораторія въ 3-хъ частяхъ.

Гармоніумъ фабрики ШИДМАЙЕРЪ изъ депо Ю. Г. ЦИММЕРМАНЪ.

Цѣны билетамъ (разовыя) отъ 30 коп. до 1 р. 50 коп.

Продажа абонементныхъ билетовъ продолжается въ конторѣ Дирекціи Концертовъ, Невскій, 16 (уг.
Морской) съ 11 до 5 час. дня (телеф. № 120-41). Разовые билеты продаются тамъ-же, а также въ
Центральной Театральной кассѣ (Невскій, 23). Всѣ мѣста по 20 и 25 коп. абонированы.

Дирекція Театральной
Библиотеки
Иванъ А. В. ПУМАЧАРСКОГО

Театръ и искусство.

№ 51. — 1909 г.

СОДЕРЖАНИЕ:

По поводу юбилея И. Р. Муз. Общ.—Еще объ авторскихъ обществахъ. — Интересная книга. — Замѣтка. — Хроника. — Франкъ Ведекиндъ. (Оконч.). *Осипа Дымова*. — „М“ и „Ж“ театра. *А. Косоротова*. — Московскія письма. *Эм. Вескина*. — Два юбилея. III. *В. Каратыгина*. — Замѣтки. *Ното Новис*. — Харьковскія письма. *Г. Тауридова*. — Письма въ редакцію. — Маленькая хроника. — По провинции. — Провинциальная лѣтопись. — Объявленія.

Рисунки и портреты: В. С. Генбачевъ Долинъ, † Е. Ю. Лелина, Раутъ у А. Рубинштейна, Дирекція Спб. отдѣленія И. Р. М. О., „Сатана“ (4 рис.), „Мѣсяцъ въ деревнѣ“, В. Л. Юрсенева, М. П. Васильчикова, „Кривое Зеркало“ (2 рис.).

Приложение: „Библіотека Театра и Искусства“, кн. XII. Изъ карьера. Романъ изъ жизни нѣмецкихъ актеровъ. *В. Вольтерса*, перев. *Θ. Латернера*. (Окончаніе). Изъ вечернихъ пѣсень. Стихотвореніе. *Зои Бухаровой*. Ане-Мари. Изъ сатиръ „Слабый полъ“. *Густава Вида*, переводъ съ датскаго *В. В. Леонтьевой*. Этический индивидуализмъ Ибсена и его драмы. Статья *Лео Берга*. Перев. Е. К. „Благодѣтель“. (Крошечное воспоминаніе изъ далекаго прошлаго). *Ив. Малыгина*. Чужое счастье. Пьеса въ 4 д. *И. Н. Потапенко*. Эстрада. Выпускъ XII.

С.-Петербургъ, 20-го декабря 1909 года.

Юбилей Императорскаго Музыкальнаго Общества—крупное явленіе нашей художественной жизни. Заслуги Общества признаны Высочайшимъ рескриптомъ, даннымъ на имя Предсѣдательницы главной дирекціи. Рескриптъ указываетъ на „облагораживающее вліяніе искусства на народные нравы“, и въ нынѣшніе смутные дни, когда дѣлаются попытки къ реставраціи средневѣковыхъ воззрѣній, и воинствующие епископы, вродѣ саратовскаго Гермогена, анаеествуютъ противъ служителей искусства, съ особеннымъ вниманіемъ прочтутся слова Высочайшаго рескрипта. Безудержная хула на дѣятелей искусства, раздающаяся изъ устъ, призванныхъ благословлять, а не анаеествовать, останется печальнымъ эпизодомъ изъ эпохи нашего безвременья, и во всякомъ случаѣ, „облагораживающаго вліянія на народные нравы“ имѣть не можетъ.

Слава юбиляру, работавшему на поприщѣ музыкальнаго образованія въ теченіи 50 лѣтъ, и начавшему работу въ переходное время нашей общественности. Съ зарей лучшихъ дней взошла и заря русской музыки. Законъ общій остался вѣренъ и для настоящаго случая.

Нельзя не отмѣтить курьезнаго обстоятельства. Среди привѣтствій, полученныхъ Музыкальнымъ Обществомъ, не было, по словамъ газетъ, привѣтствія отъ дирекціи Императорскихъ театровъ! Сообщаютъ также о томъ, что на парадный спектакль, данный въ Маринскомъ театрѣ въ честь Общества, дирекція послѣдняго пришлось *купить* на 3,500 руб. билетовъ для почетныхъ гостей и приглашенныхъ. Предупредительность г. Теляковского оказалась на высотѣ его такта.

Намъ доставленъ экземпляръ того „беззаконнаго“ циркуляра, на основаніи котораго агенты московскаго Общества драматическихъ писателей пытаются взыскивать съ антрепренеровъ полный авторскій гонораръ, не смотря на то, что право имѣютъ только на половинный.

Вотъ этотъ циркуляръ:

Комитетъ Общества русскихъ драматическихъ писателей и оперныхъ композиторовъ проситъ гг. агентовъ Общества строго придерживаться существующаго въ Обществѣ правила, изложеннаго въ агентской инструкціи (форма № 2 и 3) и обязательно получать авторскую плату полностью за пьесы членовъ

Общества, написанныя въ сотрудничествѣ съ лицами, несостоящими его членами (какъ-то „Первая муха“, „Идіотъ“, „Акробаты“, „Баба“ и проч.). Предсѣдатель Общества Шпажинскій. Секретарь Общества Кондратьевъ.

Beati possidentes—московское Общество ставить ультиматумъ: „не желаете платить и половину, мнѣ по существу не принадлежащую — запрещаемъ дальнѣйшую постановку нашихъ пьесъ! Мелкій антрепренеръ — подчиняется. Съ крупнымъ конечно разговоръ иной. Петербургскіе театры спокойно уплачиваютъ половину гонорара Союзу и половину московскому Обществу за пьесы двухъ авторовъ, изъ которыхъ одинъ состоитъ членомъ Союза, а другой московскаго Общества. То же самое наблюдается въ Кіевѣ, Одессѣ, Харьковѣ, Саратовѣ и другихъ крупныхъ городахъ, гдѣ московскіе агенты, не смотря на циркуляръ, не пытаются даже предъявлять столь дикое требованіе. Не то въ глухой провинціи...

Намъ кажется, единственный пока путь—самимъ антрепренерамъ судиться съ мѣстными агентами московскаго Общества и требовать отъ нихъ обратно ту половинку гонорара, которую они насильственно удержали.

Интересная подробность: получивъ двойной гонораръ за *одного* своего автора, московское Общество однако не передаетъ ему этого усиленнаго гонорара; вторая половинка остается въ нѣдрахъ Общества!!

Пора, въ концѣ концовъ, урегулировать взаимныя отношенія между петербургскимъ Союзомъ и московскимъ Обществомъ. А то паны дерутся — у хлопцевъ же чубы болятъ. Намъ указываютъ на то, что молодой Союзъ дѣлалъ въ этомъ направленіи неоднократныя попытки, но всѣ онѣ будто разбивались о своеволие или капризъ московскихъ заправиль... Фактически намъ дали такую справку. „Въ первые же мѣсяцы организациі дѣятельности Союза, когда функціи по охранѣ авторскихъ правъ перешли къ нему отъ Театральнаго Общества, были отосланы въ московское Общество 94 р. 20 к. (въ іюнѣ 1904 г.), ошибочно взысканные агентами Союза за членовъ московскаго Общества. При этомъ посылъ было мотивированное письмо съ просьбой вернуть въ Союзъ такія же суммы, ошибочно удержанныя московскими агентами за пьесы членовъ Союза. Московское Общество деньги милостиво приняло, въ отвѣтъ же прислало только письменное поученіе Союзу, какъ онъ долженъ держать себя въ дальнѣйшемъ, но ни копейки авторскаго гонорара членовъ Союза, за которыхъ, пользуясь переходнымъ временемъ, московскіе агенты взыскивали захватнымъ способомъ, не препроводили. При такомъ отношеніи москвичей, у Союза должна была отпасть всякая охота къ мирнымъ, товарищескимъ дѣйствіямъ... Тѣмъ не менѣе Правленіе Союза еще нѣсколько разъ пыталось возобновить переговоры по части приличнаго и справедливаго урегулированія отношеній. Однако московскіе олимпійцы гг. Кондратьевъ, Майковъ, Шпажинскій практически ни на какую совмѣстную работу не шли и неизмѣнно пребывали въ молчаливомъ созерцаніи своего собственнаго величія“...

Такова фактическая сторона. Съ трудомъ вѣрится, что это такъ. И однако это такъ. Что мое—мое, и что твое—тоже мое. При этомъ „ниже каблука своего считаю“ и даже въ разговоры не вступаю. И это „литературное“ общество! И во главѣ его стоитъ старый драматургъ, съ сѣдою бородой, г. Шпажинскій!

Вышла очень интересная книга по истории русского театра, издание А. Е. Молчанова—„Артистическая поездка М. Г. Савиной съ труппой въ Берлинъ и Прагу“, какъ видно изъ предисловія, первый томъ изъ задуманной издателемъ серии. Въ предисловіи А. Е. Молчановъ скромно замѣчаетъ: „Театру я посвятила всю мою жизнь; могу сказать, что „отъ юности моя жизнь сія страсть боролась“. Задуманный трудъ—попытка отвѣтить на вопросъ: „можетъ ли русская сцена, самая младшая въ Европѣ по возрасту и Европой же порожденная, предстать предъ своей „родительницей“ съ новымъ словомъ?“ Объемистый томъ, изданный А. Е. Молчановымъ и содержащій „грудь“ отзывовъ и матеріаловъ о заграничной поездкѣ Савиной, безъ сомнѣнія, отвѣчаетъ на вопросъ утвердительно.

Мы посвятимъ въ ближайшихъ № особую статью разбору матеріала этого обширнаго тома. Сейчасъ же приводимъ выдержки изъ разсказа М. Г. Савиной о Высочайшей аудіенціи 27 апрѣля 1899 г., послѣ возвращенія артистки изъ Берлина.

Государь сказалъ:

— Поздравляю васъ со взятіемъ Берлина! Императоръ Вильгельмъ въ восторгѣ отъ вашего таланта и писалъ мнѣ о своемъ впечатлѣніи.

Я должна была разсказать, какъ возникла мысль о нашихъ заграничныхъ спектакляхъ, какъ осуществилась наша поездка, и когда я упомянула, что императоръ Вильгельмъ еще до нашего пріѣзда въ Берлинъ выразилъ желаніе видѣть насъ въ русской исторической пьесѣ, то Государь воскликнулъ:

— Жаль, что я этого не зналъ!..

Затѣмъ Его Величество заговорилъ о театрѣ вообще:

— Я очень люблю театръ. Эту зиму, по случаю траура, я не могъ бывать въ театрѣ, но слѣдилъ за нимъ по отчетамъ. Кромѣ Островскаго, у васъ, кажется, ничего хорошаго не было. Неужели драматурги перевелись? Отчего у васъ такой вялый репертуаръ и такъ мало интересныхъ литературныхъ пьесъ? Зачѣмъ вы играете въ Михайловскомъ театрѣ только переводныя пьесы? Можно давать иностранныя пьесы, но русскіе актеры должны, прежде всего, играть русскіхъ авторовъ, тѣмъ болѣе, что у насъ есть и французскій, и нѣмецкій театры.

Въ дальнѣйшемъ разговорѣ Государь, коснувшись снова нашей поездки и думая, что я намѣрена продолжать заграничныя гастроли, посоветовалъ мнѣ ѣхать въ Италію, гдѣ драматическое искусство такъ высоко поднялось, особенно за послѣднее время.

Я высказала, что мой нынѣшній опытъ я приняла, исключительно желая подвести болѣе всесторонній итогъ моей артистической дѣятельности за 25 лѣтъ.

— А вы довольны вашей службой на Императорской сценѣ за эти 25 лѣтъ?—спросилъ меня Государь и, на мои слова, что наступаетъ пора подумывать *de m'éclipser*, сказалъ:

— Я буду просить васъ этого не дѣлать. 25, а потомъ еще 25, какъ Жулева. Покойный Государь очень любилъ вашъ талантъ, и я съ дѣтства привыкъ восхищаться вашей игрой!..

Что я испытала въ эту минуту!!! Отрадныя сладкія слезы умиленія застлали мои глаза, и у меня совершенно невольно изъ глубины души вырвалось восклицаніе: „Пошли вамъ Господь всякихъ благъ за вашу доброту!“!..

Я сама не помнила себя отъ смущенія за этотъ, совсѣмъ безотчетно вырвавшійся у меня порывъ, но милостивый царскій взглядъ, въ которомъ я прочла удовольствіе, быстро успокоилъ меня.

Затѣмъ, какъ-то отечески журя, Государь сказалъ:

— Вотъ вы не отличаетесь особенно крѣпкимъ здоровьемъ, а совсѣмъ не бережете своихъ силъ и часто, вмѣсто отдыха, ѣздите въ провинцію играть... Впрочемъ, вашъ девизъ: сцена—моя жизнь,—добавилъ онъ съ улыбкой!..

На прощанье Государь пожелалъ мнѣ здоровья:

„Заграничный успѣхъ долженъ подѣйствовать на васъ возбуждающе благотворно“, подаль руку, и... дверь закрылась!..

Любопытенъ отзывъ Императора Вильгельма.

„Императоръ замѣтилъ,—разсказываетъ г-жа Савина,—что моя игра настолько естественна, изящна и натуральна, что онъ нисколько не чувствовалъ приподнятости тона, обыкновеннаго въ костюмныхъ и классическихъ пьесахъ.

— Это не то, что наши актеры, которые рычатъ (*qui hurlent*); имъ надо бы у васъ поучиться!—сказалъ онъ, и затѣмъ спросилъ:

— А въ какой школѣ получили вы сценическую подготовку?

Услыхавъ, что ни въ какой, императоръ очень живо обернулся къ нашему послу и къ свитѣ и воскликнулъ:

— Я говорилъ, я говорилъ, что этому нельзя научить: съ этимъ надо родиться!.. Это—крупный самородокъ!.. Вы—большой талантъ!.. Вы—гениальный самородокъ!.. Вы большой, большой талантъ!..

Эра въ исторіи капиталистическаго театра. На дняхъ въ Парижѣ открывается „Театральный банкъ“. Цѣль театрального банка содѣйствіе развитію театральной промышленности. Во главѣ предпріятія стоитъ группа меценатовъ, и конечно, Ротшильдъ, пустившійся въ драматургію (пьеса его „La Rampe“ на дняхъ еще шла въ нашемъ Михайловскомъ театрѣ). Кредитъ предполагается, на нашъ взглядъ, очень недорогой, примерно отъ 4 до 50%.

Если читатели припомнятъ, мы нѣсколько разъ говорили о необходимости учрежденія при Театральномъ Обществѣ банка—не ссудо-сберегательнаго товарищества, что особая статья, и не учрежденія мелкаго личнаго кредита, вродѣ учрежденнаго г. Лихаревымъ общества—а именно банка для театральныхъ предпринимателей. Само собою понятно, что такой банкъ могутъ учредить только сами театральные дѣятели, хорошо знающіе другъ друга и обстоятельно знакомые съ театральнымъ дѣломъ. Конечно, съ учрежденіемъ такого банка является опасность появленія театрального „треста“ антрепренеровъ. Но вѣдь, вообще, капитализмъ скрываетъ въ себѣ шипы и терніи и разъ все равно укладъ жизни капиталистическій, такъ ничего не подѣлаешь. Сейчасъ въ театральному дѣлу ошущаются лишь одни неудобства капиталистическаго хозяйства и ни одного удобства.

ХРОНИКА.

Слухи и вѣсти.

— 12 декабря выѣхала изъ Петербурга въ гастрольную поездку труппа П. Н. Орленева. Начинаетъ свои гастроли г. Орленевъ въ Вильнѣ, затѣмъ объѣздитъ наиболѣе крупныя города Привислянскаго края и средней Россіи и закончитъ Сибирью, по составленному маршруту въ іюль мѣсяцѣ. Въ сентябрѣ предполагается поездка за границу. Въ составъ труппы вошли: г-жи Грюнвальдъ, Т. Павлова, Волконская, Иванова, гг. Верховскій, Гурскій, Двинскій, Анисимовъ, Хмѣльницкій, Набатовъ и другіе. Администраторъ г. Орловъ. Кстати, въ Литейномъ театрѣ гастроли Орленева сборовъ не дѣлали.

— Въ воскресенье, 20-го декабря—послѣдніе предпраздничные спектакли въ Императорскихъ театрахъ, такъ какъ 21 и 22 по случаю похоронъ Великаго князя Михаила Николаевича Императорскіе театры будутъ закрыты.

— И. М. Ураловъ, приглашенный въ труппу Александринскаго театра 2 года тому назадъ, прислалъ дирекціи Имп. театровъ заявленіе, что онъ съ будущаго сезона свободенъ и готовъ вступить въ труппу Александринскаго театра.

— 26 декабря исполняется 25-лѣтіе сценической дѣятельности режиссера Александринскаго театра А. И. Долинова.

— Венефисъ кордебалета далъ сбору 10,022 руб. Въ прошломъ году сборъ былъ 9,900 руб.

— „Рус. Слово“ сообщаетъ изъ „достоверныхъ“ источниковъ, будто В. А. Теляковскій послалъ на имя управляющаго московской конторой Императорскихъ театровъ г. фонъ-Бооля официальное заявленіе, въ которомъ предлагаетъ ему сообщить: когда (?) фонъ-Бооль ознакомился съ пьесой Л. Андреева „Анфиса“, сколько времени отъ этого момента прошло до генеральной репетиціи „Анфисы“ въ Маломъ театрѣ (т. е. до дня распоряженія г. фонъ-Бооля о снятіи „Анфисы“ съ репертура) и чѣмъ именно г. фонъ-Бооль руководствовался, снимая „Анфису“ послѣ генеральной репетиціи.

Очень любопытно. Но если у г. фонъ-Бооля даже полная автономія, существуетъ-ли у директора театровъ „автономія“ не читать пьесъ, принятыхъ къ постановкѣ?

— Кисловодскій театръ на лѣто сданъ снова г. Валентинову подъ оперные спектакли.

— Композиторъ М. Черновъ, ученикъ Римскаго-Корсакова, написалъ оперетту „Топси“ на слова Н. А. Тэффи. Музыка не трудна и легко запоминается. Къ опереттѣ написана увертюра въ строго классической формѣ. По слухамъ, „Топси“ принята къ постановкѣ въ театръ Буффъ.

— По словамъ „Рѣчи“, „истинно-русскіе“ круги ведутъ въ высшихъ сферахъ энергичную кампанію за снятіе пьесы „Анатэма“. Въ своихъ домогательствахъ союзники рѣзко нападаютъ на главное управленіе по дѣламъ печати и министра внутреннихъ дѣлъ, обвиняя ихъ въ попустительствѣ къ кошунству. Сильную поддержку кампанія эта находитъ въ лицѣ членовъ Игнатьевского кружка, и, какъ полагаютъ, запрещеніе „Анатэмы“ состоится.

— Е. Н. Рощина-Инсарова получила приглашеніе отъ К. Н. Незлобина изъ Москвы и выступитъ въ „Анфисѣ“. На слѣдующій зимній сезонъ г-жѣ Рощиной-Инсаровой слѣдано предложеніе отъ Н. Н. Синельникова, арендовавшаго Харьковскій театръ.

— Опереточная труппа г. Новикова предполагаетъ постомъ играть въ Кіевѣ, въ театрѣ „Соловцовъ“, съ 15 мая на два мѣсяца изъ Кіева труппа переѣзжаетъ въ Одессу въ гор. театръ, а затѣмъ—въ Ялгу въ собственный театръ г. Новикова, гдѣ пробудетъ, вѣроятно, до октября. На постъ и сентябрь театръ „Пассажъ“ сданъ г. Сабурову.

Кстати курьезъ. Гор. Дума, высоко держащая знамя чистаго искусства, категорически высказалась противъ сдачи театра подъ оперетту. И лишь тогда успокоилась, когда антрепренеръ г. Вагровъ объяснилъ, что это будетъ не оперетка, а комическая опера. Воистину—комическій трюкъ...

— Въ Маломъ театрѣ въ одинъ день два несчастья. Зарѣзана выходной актеръ Коноваловъ, страдавшій, какъ говорятъ, алкоголизмомъ. Второе несчастье—поскользнулся и ушибся на смерть, ударившись вискомъ о желѣзо, плотникъ рабочій. Спектакль продолжался, публика о несчастьи ничего не знала. Произошло это въ пятницу, 18 декабря. Шедшая въ этотъ вечеръ въ 1 разѣ одноактная пьеса Ю. Д. Бѣльева „Путаница“, святочная шутка, имѣла большой успѣхъ. Автора нѣсколько разъ вызывали.

— Господа „вторые актеры“ продали нашъ билетъ на свой бенефисъ („Свѣтлая личность“ Е. П. Карпова). Такая предупредительность со стороны „вторыхъ актеровъ“ по отношенію къ театральному органу заслуживаетъ быть отмѣченной.

— Театръ „Сказка“, открывающійся 26 декабря, уже потерпѣлъ несприятность. Цензура запретила сказку, передѣланную изъ „Короля“ Уайльда... Вмѣсто сказки Уайльда будетъ поставлена сказка Нѣмцова „Счастье“. Можетъ быть, и впрямь: не бывать-бы счастьемъ, да несчастье помогло...

— Бенефисъ (юбилейный) М. Г. Савиной состоитъ въ февралѣ.

— Въ понедѣльникъ въ Театр. Клубѣ докладъ А. И. Коротова о писателѣ и актерѣ.

— По слухамъ, между правленіемъ Екатерининскаго клуба и С. В. Брагинимъ—недоразумѣнія изъ-за платежей. Полагаютъ, что контрактъ будетъ нарушенъ, и театръ на будущій сезонъ будетъ снова сдаваться. На постъ театръ снятъ г. Августовымъ.

— Новинки заграничныхъ сценъ: Гер. Зудерманъ—„Дѣти моря“, Баръ—„Концертъ“ 3 акт. комедія (Лес.-театръ), М. Превю—„Пьеръ и Тереза“ др. въ 4 д. (Жимназъ), В. Морелло „Кругъ несчастья“ (Римъ-театръ Аргентино).

Московскія вѣсти.

— Въ театрѣ Корша первой новинкой послѣ праздниковъ пойдетъ комедія Федорова „Мадамъ Давидъ“. Заглавная роль поручена г-жѣ Мартыновой.

— Кромѣ поѣздки артистовъ Малаго театра въ Варшаву на 4 недѣли поста, другая часть труппы ѣдетъ въ Варшаву въ маѣ мѣсяцѣ съ репертуаромъ текущаго сезона.

† Д. П. Дара-Владиміровъ. 14 декабря въ Москвѣ скончался популярный провинціальный драматическій актеръ Дмитрій Павловичъ Дара-Владиміровъ, знакомый Петербургу по Народному Дому. Неудачная антреприза въ дачномъ Малаховскомъ театрѣ окончательно надорвала его силы. Зимній сезонъ онъ началъ въ Херсонѣ, но не закончилъ его и уѣхалъ въ Москву сдѣлать операцію. У артиста началось сѣуженіе пищевода отъ рака въ желудкѣ. Но болѣзнь оказалась слишкомъ запущенной и Д. П. скончался до операціи. Послѣ него осталась жена, артистка Дара-Чарова, и двое маленькихъ дѣтей.

† Е. Ю. Лелина. 11 декабря скончалась Елена Юрьевна Лелина, по мужу Степанова.

Покойная начала свою артистическую дѣятельность лѣтомъ 1888 г. въ Озеркахъ, въ антрепризѣ В. А. Линской-Не-

метти, затѣмъ служила въ опереточной труппѣ С. А. Пальма въ Маломъ театрѣ и Аркадіи.

Въ продолженіи своей болѣе чѣмъ двадцатилѣтней службы на сценѣ Е. Ю. играла въ многихъ провинціальныхъ городахъ: нѣсколько сезоновъ во Псковѣ въ дирекціи мѣстнаго Музыкально-драматическаго кружка, два сезона въ Костромѣ въ антрепризахъ гг. Бѣльскаго и Трефилова, въ Рыбинскѣ въ антрепризѣ г. Максимова, въ Тюмени въ антрепризѣ г-жи Ковалевой, въ Вяткѣ и др.

Скончалась Е. Ю. на сороковомъ году отъ туберкулеза легкихъ.

† Александръ Іогансонъ. 6 дек. въ Ревелѣ, скончался послѣ долгой, изнурительной болѣзни (чахотка легкихъ) эстонскій актеръ—Рев. эст. г. „Эстонія“ Александръ Іогансонъ. Покойный былъ однимъ изъ лучшихъ актеровъ въ труппѣ, особенно въ классическомъ репертуарѣ. Въ виду его молодости (умеръ 21 года) на покойнаго возлагались большія надежды, но имъ не суждено было сбыться: злой недугъ свелъ его въ землю. По отзывамъ служившихъ съ нимъ—это былъ прекраснѣйшей души человекъ и хороший, отзывчивый товарищ. Да будетъ легка ему земля. *Альбертъ Юксинъ.*

В. С. Генбачевъ-Долинъ (н. ф. Генбачевъ), портретъ котораго помѣщенъ въ этомъ №, происходитъ изъ потомственныхъ дворянъ Полтавской губерніи. Свою театральную карьеру началъ въ гор. Таганрогѣ, куда былъ приглашенъ по окончаніи московскаго Театральнаго училища въ 1894 г. Служилъ въ городахъ: Москвѣ, Таганрогѣ (2 сезона), Ростовѣ н/Д., Костромѣ, Астрахани, Орлѣ, Ставрополѣ Кавказскомъ, Николаевѣ; зимній сезонъ 98—99 гг. держалъ антрепризу въ г. Бердянскѣ; Севастополѣ, Псковѣ (2 сез.), Житомирѣ (2 сез.), Перми (2 сез.), Екатеринбургѣ, Курскѣ, Казани, Липецкѣ, Иркутскѣ, на Дальнемъ Востокѣ—Харбинѣ, Владивостокѣ, Тифлисѣ, Ялтѣ и послѣдніе 2 сезона въ Гельсингфорсѣ.

Бенефисъ кордебалета. Кордебалетъ отстоялъ честь классическихъ танцевъ. И вотъ предъ нами „Щелкунчикъ“—забытый, было, маленькій шедевръ Чайковскаго и балетмейстера Л. Иванова. Прыгаютъ дѣти вокругъ елки, снѣжная метелица гуляетъ въ лѣсу, воюютъ кошки съ мышами, вѣнчается принцъ Коклюшъ съ феей Дратъ. Сказка. Наивность. Пустячки. Да, пожалуй. Но согласитесь, интересная, поэтичная сказка лучше нескладно скроенной трагедіи. И когда смотришь на такіе легкіе, безъ претензій балетики, въ которыхъ очаровательная музыка, красивая декорация, лишенная акробатизма танцы, слились въ пріятную гармонию,—какъ-то эстетически отдыхаешь. А притягиваніе за волосокъ якобы эллипсическихъ прістествъ, гдѣ обязанности „полногрудыхъ данаекъ“ исполняютъ скелетообразныя танцовщицы съ толстыми ногами и съ плетными руками—развѣ это не покушеніе съ негодными средствами? Балетмейстеръ занимается реставраціей „напрягши умъ, наморщивши чело“, а у меня эти попытки возбуждаютъ лишь горькую усмѣшку. Отъ души въ поспѣйтесь въ „Щелкунчикѣ“ надъ комичнымъ китайцемъ (г. Стуколкинъ), воспоминете востокъ, смотря на танцы „кофе“, полюбуетесь прелестнымъ зимнимъ пейзажемъ второй картины и, если хотите, можете понаблюдать за стальными носками балерины (г-жа Кшесинская въ вариацияхъ). Въ „балабинѣ“ ужъ настоящей балетъ, тотъ балетъ—который любятъ присяжные балетоманы. Здѣсь выдѣляется г-жа Ваганова. Я прежде не любилъ эту танцовщицу за то, что она владѣла только ногами и неглиже относилась къ остальному корпусу. Теперь съ удовольствіемъ отмѣчаешь хорошій ансамбль въ ея движеніяхъ. Изъ молодыхъ силъ очень удачно зарекомендовала себя г-жа Лопухина 2-я: она показала отличную пуантировку въ танцѣ Коломбины; при работѣ изъ нея можетъ сдѣлаться первая солистка. Слишкомъ „всерьезъ“ танцевала „шоколадъ“ г-жа Павлова; вмѣсто сказочнаго нумера получается танецъ какъ будто изъ „Донъ-Кихота“.

Спектакль закончился дивертисментомъ, въ которомъ послѣ годичнаго перерыва выступила въ pas de deux г-жа Трефилова. Ей былъ при выходѣ устроенъ настоящій триумфъ: и балерина вполне оправдала этотъ авансъ: и вариации, и адажію,—выражаясь словами Рауля изъ „Гугенотовъ“—„все прелестно въ ней, все въ ней восхищеніе“. Казаюсь, что г-жа Трефилова сдѣлала еще шагъ прогресса, тогда какъ другія балерины стоятъ или на точкѣ замерзанія или уже поналились по наклонной плоскости. „Русская пляска“ (съ г-жей Сѣдовой) была настоящей ложкой дегтя въ интересной программѣ спектакля. Какъ г. Легатъ могъ поставить такое шарманочное уродство?

Конст. Кудринъ.

Фраккъ Ведекиндъ.

ОЧЕРКЪ.

(Окончаніе *).

6.

Таковы эти люди, которыхъ Ведекиндъ открылъ въ нашемъ современномъ обществѣ и которыми населится городъ будущаго. Ницше мечталъ о сверхъ-человѣкѣ и Ведекиндъ рисуетъ его портретъ. Онъ при этомъ странно болѣзненно усмѣхается—гримасы искажаютъ его лицо и нельзя разоб-
раться съ достаточной точностью: благословляетъ ли онъ или

В. С. Генбачевъ-Долинъ.

(Къ 15-лѣтію сценической дѣятельности).

проклинаятъ. Словно не онъ, а кто-то другой говоритъ его устами и онъ часто самъ изумляется и смѣется надъ своими собственными словами. Въ «Hidalla» пугаетъ искусственнаго подбора красиваго и сильнаго мужчины съ красивой и сильной женщиной Гетманъ думаетъ улучшить человѣческую расу, получить новую породу людей. Но вѣдь они бесплодны—но вѣдь они не желаютъ дѣтей и ищутъ только мукъ любви!..

Его называютъ многіе проповѣдникомъ новой морали. Любопытно отмѣтить какъ онъ самъ глядитъ на свое творчество.

— «Задача драматурга—говорилъ онъ и серьезно на репетиціяхъ въ Deutsches Theater Reinhardt'a: поучать публику. Авторъ кладетъ въ основу своего произведенія важную и важную идею, мысль, поученіе и въ рядѣ сценъ и образовъ старается иллюстрировать ее, доказать, передать наиболѣе убѣдительнымъ способомъ.

Трудно, конечно, примкнуться съ подобными словами. Ясно, что Ведекиндъ-теоретикъ несравненно ниже Ведекинда-художника. Мы смѣло можемъ не считаться съ его словами. Мы пойдемъ противъ него, отстаивая его же.

Герои Ведекинда вѣтъ мѣрилъ нашей обычной нравственности. Если Толстой сказалъ про Мопассана, что онъ нравственно помѣшанный, то про Ведекинда онъ могъ бы сказать, что онъ нравственно мертвъ. Этотъ авторъ словно издѣвается надъ нами, заставляя своихъ героевъ въ послѣдовательномъ порядкѣ нарушать всѣ десять заповѣдей.

Герои Ведекинда энергичны, сильны, обладаютъ большою волей и наряду съ этимъ, если оглянуть всю книгу ихъ жизни, а не отдѣльныя главы ихъ дѣйствій—чувствуется безмѣрная, абсолютная покорность чему-то, почти обречен-

ность; и тогда убѣжденно кажется, что они «не свои слова говорятъ», «не по своимъ поступкамъ поступаютъ». Словно все ихъ существованіе только исполняющееся велѣніе, совершившееся пророчество. Ихъ рѣчи такъ просты и такъ искренни, что за ними угадывается уже другой голосъ,—быть можетъ, голосъ рока. Они растутъ на землѣ какъ деревья, какъ колосы въ полѣ и весь кругъ ихъ существованія заранѣе предначертанъ и точно обозначенъ—какъ обозначенъ дремотный путь дерева или сонная жизнь амебы.

«Сытые не могутъ быть счастливы; только голодные счастливы»,—говоритъ Ведекиндъ въ «Ящикѣ Пандоры». Герои Ведекинда часто голодны—голодомъ, женщиной, желаніемъ денегъ, славы. И когда насыщаются, умираютъ.

— Вотъ жертва, вотъ палачъ—говоритъ желѣзнымъ голосомъ сама Земля и ставитъ рядомъ мужчину и женщину. Они глядятъ другъ на друга съ затаенной ими неосознанной мукой въ душѣ. Власть земли, власть пола, дѣлающая людей только орудіемъ своей таинственной цѣли, жестокой насмѣшкой ожесточаетъ сердце. Потому что наемный палачъ—вѣдь та же жертва. Каменнымъ ужасомъ вѣетъ отъ пестраго сборища людей, какими Ведекиндъ населилъ городъ. Среди этихъ сотенъ мужчинъ и женщинъ холодныхъ, не знающихъ радости жизни, чуждыхъ религіи, общественности, начавшихъ добра, только одинъ образъ—одиноко напоминаетъ намъ о вѣжливѣйшихъ началахъ чело-
вѣчности, о тихой пѣснѣ и беззавѣтныхъ дѣлахъ доброты. Это графиня Гешвицъ. Она рискуетъ своей жизнью, она отдаетъ свое богатство, здоровье, она душу свою за други отдаетъ. Графиня Гешвицъ, о которой Лулу говоритъ такъ:

— Ты полуженщина и полумужчина. Такой ты вышла изъ чрева матери.

Не знаменательно-ли? Единственный человѣкъ, чье сердце бьется горячей любовью къ ближнему—оказывается у Ведекинда двуполымъ... Настоящій же, рѣзко выраженные мужчина и женщина—напоминаетъ живыхъ машинъ, пущенныхъ въ Божій свѣтъ съ неизвѣстной цѣлью. Значитъ вотъ проклятіе души, вотъ отреченіе духа—его медленная, неизбѣжная скамья пытокъ: Полъ! Тѣло!

† Е. Ю. Лелина.

7.

Его герои озарены двойнымъ свѣтомъ: здѣшнимъ, городскимъ, электрическимъ и какимъ-то инымъ, не нашимъ.

Лулу такъ обнажена, что почти теряетъ свою реальность. Она неотдѣлима стѣ мѣрно проносящагося потока жизни и всплываетъ на поверхность словно русалка въ лунномъ свѣтѣ. Оставаясь въ жизни, тутъ-же среди насъ, съ нашими маленькими и мелкими повседневными интересами, фигуры Ведекинда въ то же время сохраняютъ напряженно-ощущаемую связь съ первичными изначальными основами

*) См. №№ 49 и 50.

Земли и жизни. Они всѣ «духи земли», Erdgeiste—настоящіе духи, надѣвши на свои лица маски людей. Нѣкоторые одѣваются самыми настоящими, всамѣлшными масками, переодѣваются, мѣняютъ костюмы, носятъ черныя, скрывающія глаза, очки. Ихъ какъ-бы тяготитъ собственное лицо.

За словами, обычными и незначительными, за ихъ поступками, стремлениями и мыслями, даже за ихъ молчаніемъ чувствуется великое безмолвіе ночи. Ихъ городъ, ихъ улицы, дома, театры и площади ярко освѣщены электричествомъ; но дальше—тамъ, гдѣ исчезаютъ послѣдніе заборы и развертываются въ смиренномъ молчаніи поля, тамъ лежитъ отъ вѣка неподвижно и глядитъ мѣдными глазами Ночь. Городъ Уэллса и Ведекинда—не болѣе какъ оазисъ, какъ крохотный островокъ среди темныхъ межпланетныхъ пространствъ. Желаннымъ беспокойствомъ, цѣннымъ трепетомъ заражаетъ душу Ведекинда. Онъ изъ глубины своего духа возсоздаетъ міръ, свое отношеніе къ нему. Припомнимъ то, что говоритъ Вейнинггеръ—писатель ему близкій—о «Я» человѣка.

«Геній» (или выдающійся человѣкъ) творитъ изъ цѣльнаго своего «Я», въ которомъ заключена вся полнота міра, тогда какъ другіе люди никогда не доходятъ до сознанія своего истиннаго «Я»—то и всѣ вещи получаютъ для него опредѣленный смыслъ, что-нибудь значать для него, становятся для него символами. Дыханіе для него—больше, чѣмъ простой обмѣнъ газовъ черезъ стѣнки тончайшихъ капилляровъ, синева неба—больше, чѣмъ частично поляризованный, разсѣиваемый туманностями атмосферы солнечный свѣтъ, змѣи—больше, чѣмъ безногія рептиліи, лишанныя плечевого пояса и конечностей... Онъ принимаетъ вещи въ ихъ дѣйствительномъ значеніи. Море и горы, свѣтъ и мракъ, весна и осень, кипарисъ и пальма, голубь и лебедь—все это для него символы, онъ не только прозрѣваетъ, онъ познаетъ во всѣхъ этихъ вещахъ нѣчто болѣе глубокое. Все это возможно для него только потому, что вѣншній міръ связанъ въ немъ такъ же могуче и богато, какъ внутренній; вѣншняя жизнь для него—всего лишь частный случай внутренней жизни».

Надо помнить терминологию Вейнинггера и не пугаться слова геній. Оригинальному и выдающемуся дарованію Ведекинда подходитъ эта характеристика. Мужчина и женщина—ихъ страсть, ихъ отношенія, и слова и даже ихъ жичища—все это для него символы. «Всѣ вещи получаютъ для него опредѣленный смыслъ», «онъ не только прозрѣваетъ, онъ познаетъ здѣсь нѣчто болѣе глубокое», «вѣншняя жизнь для него—всего лишь частный случай внутренней жизни».

Этимъ и только этимъ дорожитъ намъ Ведекиндъ, какъ и всякій художникъ Божьей милостью. Не своими «идеями», не своими «учеиѣмъ», не «вѣрнымъ изображеніемъ жизни», «призывомъ», «бунтомъ», «убличеніемъ общества» и еще чѣмъ-то, что такъ усердно и такъ кощунственно дерзко требуетъ толпа отъ художника—а только тѣмъ, что «вещи получаютъ для него опредѣленный смыслъ» и «вѣншняя жизнь для него всего лишь частный случай внутренней жизни».

Черная ночь съ мѣдными глазами за городомъ. Люди, словно призраки, выходцы ея, сгущенные кусочки тѣней, освѣщенные электрическимъ свѣтомъ. Лицо Ведекинда теперь серьезно и строго. Вотъ на кладбище вмѣстѣ съ свистящимъ вѣтромъ приходитъ «замаскированный человѣкъ» «незнакомецъ въ маскѣ и учить жизни. Кто это? Мудрость смерти или иронія жизни?» Маркизь фонъ-Кайгъ геніальный мошенникъ хромъ, у него ступня одной ноги не въ мѣру разрослась и похожа на лошадиное копыто. Выть можетъ, это самъ сатана пожаловалъ и превратилъ всю жизнь вокругъ себя въ шабашъ вѣдмъ, въ угарную безсмысленную, безцѣльную оргію, только съ виду похожую на обычное людское существованіе. Авторъ гордо стыдливъ и скроменъ и вѣрить нашему чутью повидимому съ излишнимъ упованіемъ: поэтому его такъ часто не слушаютъ, не понимаютъ, проходятъ мимо. Онъ говоритъ о смерти такъ тихо, такъ своеобразно, что съ трудомъ улавливаешь его голосъ. У него нѣтъ рѣзкой границы между

этимъ и тѣмъ берегомъ. Ушедшіе возвращаются. Несчастный гимназистъ, покончившій жизнь самоубійствомъ, выходитъ изъ своей могилы, держа голову подъ мышкой. С. б. ственно, однимъ только этимъ онъ и отличается отъ здѣшнихъ обитателей. И если бы не эта жутко-смѣшная подробность, ни по его словамъ, ни по его ощущеніямъ мы не узнали бы мертвеца. Страшно сходство мертвецовъ съ живыми людьми, съ этими сверхъ-человѣками, безъ морали, поэзіи и религіи населенными городъ XXV вѣка, съ ходячими машинами, холодно исполняющими жизнь какъ кѣмъ-то, заданную скучную работу.

Наша здѣшняя жизнь въ Городѣ, гдѣ царитъ автомобиль и шоколадъ Cailler, для Ведекинда—«пляска мертвыхъ». И съ болью затаивъ стоить, скрывъ рыланіе подъ маской балаганнаго смѣха, этотъ печальный Шерро спрашиваетъ: «когда мы мертвые воскреснемъ?»

И мучительно хохочетъ надъ своимъ вопросомъ.

Ос. Дымовъ.

„М“ и „Ж“ театра.

Какъ-то осенью понадобилось по мелкому личному дѣлу зайти за кулисы одного изъ большихъ театровъ. Шла репетиція новой пьесы и нужное мнѣ лицо было занято. Пришлось обождать. Ожиданіе не было скучно, такъ какъ незанятые артисты обоого пола, всѣ болѣе или менѣе мнѣ, какъ драматургу, знакомые, немедленно окружили гостя отѣнно любезнымъ вниманіемъ. Разспросивши съ такой участливостью, будто отъ этого зависѣла ихъ собственная судьба, о томъ, гдѣ и какъ я провелъ лѣто, актеры восторженно констатировали, что я «замѣчательно поправился», а актрисы—что «страшно похорошѣлъ!» и при этомъ дѣлали мнѣ такіе глаза и такъ лгнули, что въ смущенной душѣ начинали поигрывать мысли не соответствующія ни моему возрасту, ни моей дѣйствительной, очень средней наружности. Атмосфера была, такъ сказать, насыщена благосклонностью. Дошло до того, что даже актеръ, съ которымъ я прошлой весной крупно поборанился, и тотъ не выдержалъ. Походивши кругомъ и такъ и этакъ, наконецъ съ опаскою протянулъ мнѣ руку... — и надо было видѣть это лицо, когда я не отвергъ рукопожатія.

Сбитый съ толку, больше, — подавленный столь внезапнымъ и, казалось-бы, незаслуженнымъ наплывомъ всеобщей любви, улизнулъ я въ полуосвѣщенные коридоры, забрался въ темную ложу и сталъ смотрѣть репетицію.

У самой рампы, спиною ко мнѣ, сидитъ режиссеръ, а рядомъ съ нимъ авторъ, — извѣстный драматургъ. Долговязый, модно одѣтый, съ вѣчной трубкой въ зубахъ, похожій больше на американскаго заводчика, чѣмъ на писателя. Онъ тутъ ставить чуть-ли ужъ не десятую пьесу. Такъ, гомерически спокоенъ и методиченъ, что кажется, будто онъ не на репетиціи своего эфемернаго дѣтища, а въ амбарномъ складѣ, — распределяетъ по полкамъ вновь полученные товары.

— Иванъ Петровичъ, станьте сюда. А вамъ-бы, Анна Степановна, э-э, лучше-бы эту фразочку вотъ отсюда и, понимаете, этакъ—броскомъ, въ публику. Вѣдь публика, — сами знаете, что ей, собственно, надо.

Анна Степановна, премьерша, разсѣянно повинуется, — ея мысли сейчасъ заняты чѣмъ-то другимъ. Стоя у рампы, она вперила глаза въ темную залу по направленію прямо ко мнѣ. Если-бы у меня въ ложѣ не было такъ темно, можно-бы было подумать, что она видитъ меня и ждетъ моего поклона. Она продолжаетъ глядѣть и какъ-бы подмигиваетъ: «ну, дескать, что же? Не мнѣ же первой!» Смущенный, на всякій случай привстаю, кланяюсь, — и сейчасъ же радостный отвѣтный кивокъ и даже — о, честь, вѣдь, премьерша! — безешка по воздуху.

А. В. Мартыновъ, А. Шустовъ, В. А. Фохтъ, Д-ръ Рубинштейнъ, Каклявъ, Г. В. Кювлянгеръ, Ф. Хр. Гомялюсъ, Иоганнъ Пикель, Ив. Ив. Зейфертъ, К. Шубертъ, А. А. Бриксъ, М. И. Де-Сантисъ, А. Ф. Дробинъ, И. Шустовъ, Бенингъ, Ник. Рубинштейнъ, Родзянко, Г. Ф. Мейеръ, Г. А. Вейкитъ, В. А. Кологривовъ, Ф. Г. Стилъ, И. П. Дягилевъ, Ю. Петерсень, А. Рубинштейнъ, Р. Ф. Альбрехтъ, Штанге, Д. В. Стасовъ, Полямавъ, А. А. Герке, Фицгумъ фонъ-Эшtedтъ, А. Д. Скордула, Лавотусъ.

Музыкальный вечеръ у А. Рубинштейна.

Оказывается, меня ужъ замѣтили и другіе. У всѣхъ положительно какіе-то кошачьи глаза!.. Елена Сидоровна, вторая актриса театра, вдругъ что-то забеспокоилась и, освѣдомившись у режиссера, нельзя-ли ей покинуть сцену на десять минутъ, исчезаетъ въ кулисы. Черезъ минутку, слышу, скрипнула въ ложѣ дверь. Шелестъ юбокъ. Нѣчто женское, благоуханное, опустилось рядомъ, прильнуло, ловитъ руку нѣжными ручками.

— Милый, милый! Приѣхали наконецъ. Я такъ рада, такъ рада! Вѣдь вы знаете, я одна изъ самыхъ горячихъ вашихъ поклонницъ...

Фу, пропасть! Опять по сердцу такъ и поплы ходунотъ самыя шаловливыя, самыя юнкерскія мысли. Или я въ самомъ дѣлѣ такъ за одно лѣто помолодѣла и похорошѣла?..

А она уже дальше, — какъ кошечка возлѣ крынки со сливками:

— Драма? Комедія? Или что-нибудь историческое?

Не понимаю.

— О чемъ вы?

— О вашей пьесѣ, о новой, что съ собой привезли. Ужъ вы меня-то, надѣюсь, ролькою не обидите...

О, мое сердце, о, мое юнкерство, — гдѣ вы?.. Сбираюсь въ комокъ, отвѣчаю сдавленнымъ звукомъ:

— Я никакой пьесы не написалъ.

Сначала не вѣрять, — все льпегъ, но уже не такъ экспансивно. Наконецъ повѣрила, рѣзко встала, ушла, даже не попрощавшись! Гляжу ей вслѣдъ. Ужасно неловко и даже нѣсколько страшновато: простить-ли прелестница столь щедро и столь понапрасну просыпанный на меня «авансъ»?.. Забывъ о дѣлѣ, тихонько выхожу въ коридоръ, украдкой пробираюсь на улицу, — мнѣ все кажется, что ужъ и всѣ тамъ узнали о моемъ преступленіи и тоже сердятся...

Отойдя сотни двѣ шаговъ отъ театра, оглядываюсь и сдается, что самое зданіе, съ его колоннами, арками и разными символическими финтифлюшками на фасадѣ, жадно глядитъ на меня и подмигиваетъ и зазываетъ. Оно, очевидно, еще не знаетъ того, о чемъ ужъ узнали всѣ тамъ внутри... А если узнаетъ... — Нѣтъ, отъ грѣха, лучше по-дальше! Беру поскорѣй извозчика, — улелетываю.

Съ той поры весь театръ со всѣмъ его содержимымъ, начиная съ антрепренера и кончая послѣднимъ платникомъ, представляется мнѣ не иначе какъ въ видѣ прелестной дѣвы или вдовы, денно и ночно ждущей «хорошаго» жениха. Ей не важно, — молодѣ-ли онъ или старѣ, красивъ или уродъ, уменъ или глупъ. Ей важно только одно, — чтобы онъ могъ ей дать приличное положеніе въ свѣтѣ.

Я отнюдь не намѣреваюсь предать униженію или посягну на честь и инныя многочисленныя достоинства театра. Напротивъ, никто больше меня не убѣжденъ, что онъ — женщина честная. Я же знаю, что напримѣръ прелестница на Фонтанкѣ, съ истиннымъ удовольствіемъ выйдя замужъ за «Теодора Іонновича», честно, всецѣло принадлежала ему разъ сто, до самой его кончины. Съ такой же продолжительною любовью и честностью отдавалась потомъ она и сыщику «Шерлоку Холмсу». Прелестница съ Аполлономъ на діадемѣ, правда, нѣсколько оскорбительно отвергла однажды предложеніе «Дяди Вачи», но это произошло не отъ безчестности, а лишь по недомыслию, и когда она убѣдилась воочію, что «Дядя Валя» господинъ не изъ бѣдныхъ и даже совсѣмъ солиднаго положенія въ обществѣ, — сейчасъ же сама, по самому честному, взяла его за ручку и повела подъ вѣнецъ.

Я только хочу обратить ваше вниманіе на то «вѣчно женственное», которымъ пронизано все существо театра.

Существо эмоціональное по преимуществу, женщина искреннѣйше увлекается тѣмъ, чѣмъ живетъ возлюбленный мужъ. Мужъ чиновникъ, — и она только и бредитъ, что наградами, чинами да орденами. Мужъ художникъ — и она эстетка. Мужъ лабазникъ — и она съ нимъ. И, собственно, надо Бога благословлять, что онъ такъ устроилъ. Потому что вообразите, что мужъ «народной свободы», а жена «черносотенка», — что за адъ былъ бы у очага!.. Такъ точно театръ увлекается тѣмъ,

что приноситъ ему просперирующий въ данный моментъ авторъ. Понятно, что и это тоже хорошо, — впрочемъ, однако, уже не въ такой степени, какъ въ первомъ случаѣ. Не совершенно такъ хорошо вотъ по какой причинѣ. Въ бракѣ между мужчиной и женщиной вообще разводы не такъ-то легки, а брачься можно только до трехъ разъ. Въ бракѣ же театра съ авторомъ разводы возможны безсчетное множество разъ, а многобрачіе даже и поощряется. Благодаря этому, перемѣна убѣжденій и настроеній въ театрѣ становится похожей на какой-то головокружительный вихрь, послѣ котораго, въ лучшемъ случаѣ, зарождается въ организмѣ театра тошнота пресыщенія. Это самое случилось, напримѣръ, только что съ В. Ф. Комминсаржевской, отказавшейся наконецъ вовсе отъ какихъ бы то ни было «браковъ» съ авторами. Это, я говорю, — въ лучшемъ случаѣ. Въ большинствѣ же случаевъ жена-театръ становится совершенно равнодушной къ мужьямъ и вступаетъ на путь измѣны онымъ съ любовникомъ-публикой.

Публика — это, собственно, не одинъ человекъ, а два. Одинъ изъ нихъ — человекъ серьезный, образованный, хорошаго тона, но бѣденъ. Другой — пошлякъ, но богатъ безмѣрно. Въ гостинной четы «театръ-авторъ» оба являются одинаково «друзьями дома», но съ тою разницей, что одинъ, если и любить, то только платопячески, съ полнымъ уваженіемъ къ очагу, другой же и спитъ и видитъ какъ бы втянуть хозяйку дома въ бездну великаго грѣха. И ужъ конечно, если жена отважится на измѣну, то не за первымъ пойдетъ, а за послѣднимъ.

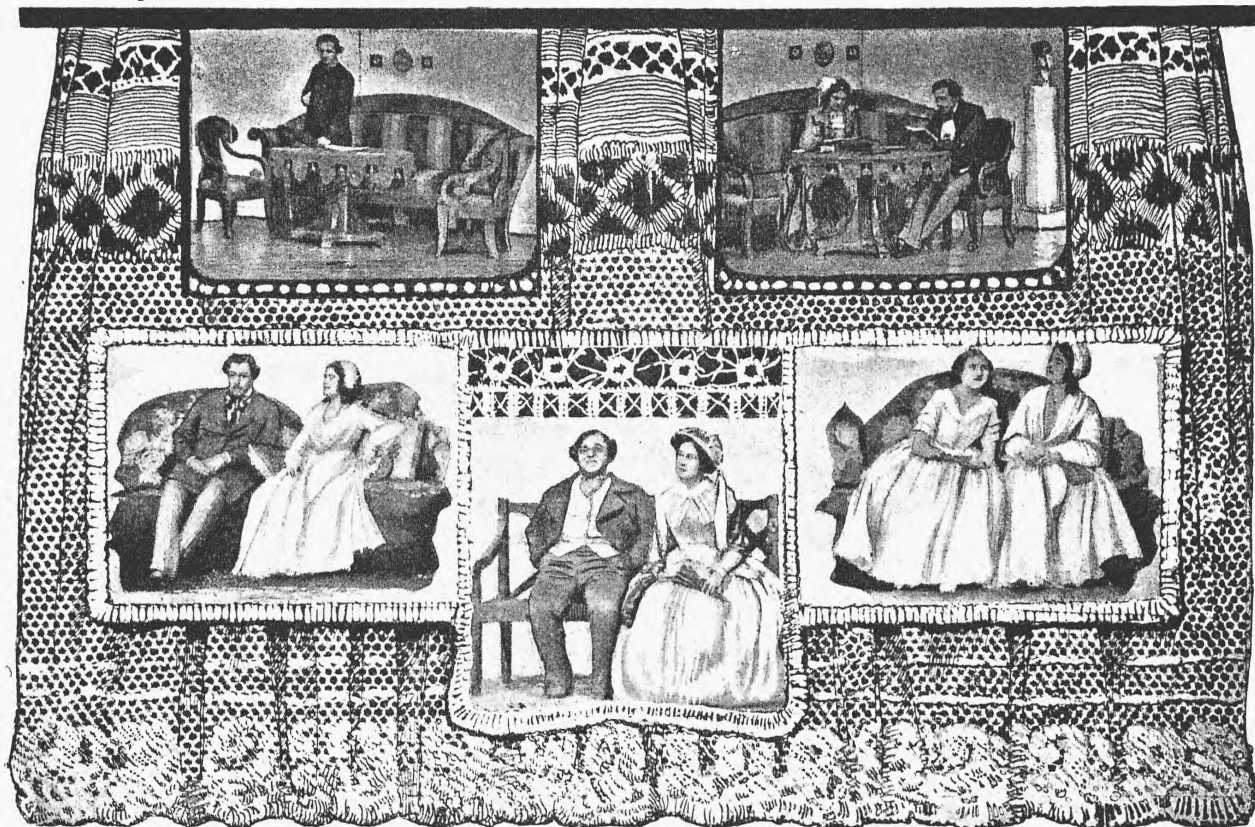
Слышу вопросъ: «Все это, можетъ быть, и не лишено нѣкоторой игры остроумія, но голословно. Почему же все-таки, на какомъ серьезномъ основаніи вы считаете только автора мужскимъ, т. е. наиболѣе устойчивымъ и солиднымъ элементомъ театра?» Полагаю, что на этотъ вопросъ уже достаточно отвѣчено мною въ предыдущей статьѣ. Повторю вкратцѣ. Носитель главной, основной, общей идеи спектакля есть авторъ пьесы. Идея всегда — мужское пачало, а матерія, въ союзѣ съ которой она получаетъ свое воплощеніе, — начало женское. Я не знаю, какъ можно яснѣе и точнѣе обосновать исходное положеніе этой моей статьи.

Возвращаясь къ семейной драмѣ четы «театръ-авторъ». Въ жизни мужчины и женщины вообще очень часто измѣна мужу является, собственно, только лишь перемѣною мужа: бросила надоѣвшаго, — пошла за новымъ возлюбленнымъ. Въ жизни четы «театръ-авторъ» такой «чистой перемѣны» произойти не можетъ, потому что безъ автора театръ все-таки ни въ какомъ случаѣ жить не можетъ. (Есть, правда, театры и безъ автора, какъ напримѣръ, «Аполло», «Крестовскій», «Акваріумъ». Но, въ сущности, какіе же это театры? Такъ попросту, — уличныя дѣвочки. И у насъ, конечно, не о такихъ идетъ рѣчь). И вотъ, такимъ образомъ, въ случаѣ измѣны съ любовникомъ, получается не разрывъ, а еще хуже, — самый постыдный, самый поганый видъ сожительства: ménage-à-trois. И въ этомъ менажѣ богатый пошлякъ-любовникъ развращаетъ не только жену, но и мужа. И это самое, собственно, и переживаетъ теперь современный театръ. Вотъ на этомъ, въ концѣ концовъ, и остановимъ наше вниманіе.

Если я до сихъ поръ слишкомъ много вѣшалъ винъ на шею современныхъ актеровъ, актрисъ и режиссеровъ, то это вовсе не значитъ, что я готовъ выдать медаль за геройство современнымъ авторамъ. Увы, можетъ быть, по совѣсти, ни одна изъ поименованныхъ четырехъ фигуръ не казалась мнѣ болѣе достойной сожалительнаго осужденія, чѣмъ эта послѣдняя.

Въ большинствѣ случаевъ въ измѣнахъ жены виноватъ самъ мужъ, потому что или самъ, своею собственной пошлостью и слабоволіемъ, толкаетъ ее на путь грѣха, или настолько «серьезенъ», настолько не понимаетъ и не цѣнитъ ея чисто женскихъ прелестей, что она поневолѣ ищетъ утѣшенія на сторонѣ. Такъ точно и драматурги въ значительной мѣрѣ сами сбили театръ съ истиннаго пути.

— *М* МОСКОВСКИЙ ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕАТРЪ. *М* —

Вѣляевъ (г. Болеславскій).
Ракитинъ (г. Станиславскій),
Нат. Петровна (г-жа Книпперъ).

Шапогелскій (г. Грибунинъ) и
Лизавета (г-жа Муратова).

Нат. Петр. и Ракитинъ.
Вѣрочка (г-жа Коренева),
Нат. Петр. (г-жа Книпперъ).

„Мѣсяцъ въ деревнѣ“.

Рис. А. Л.—ва.

Одни изъ нихъ устроили себѣ изъ театра какую-то каюнду морали, философіи или социологіи, другіе, наоборотъ, разъ навсегда отказались отъ всякой «идейности» и «словесности» и жарятъ, какъ блины, попросту — роли «подъ» того или другого излюбленнаго публикою артиста. Но все-таки, — если ужъ взвѣшивать то и другое на вѣсахъ высшей справедливости, — я всегда предпочту благочестныя ошибки первыхъ карьеризму вторыхъ. Вѣдь дѣйствительно же эти вторые, основывающіе свою драматургію не столько на оригинальности своихъ собственныхъ образовъ и идей, сколько на томъ, какъ очаровательно «проломить» въ своей роли Вѣра Аркадьевна или «промимируетъ» Владиміръ Николаевичъ или «поставить народную цепу» Александръ Акимовичъ, — такіе авторы, говоря я, совершенно похожи на тѣхъ нравственныхъ и умственныхъ банкротовъ, которые устраиваютъ благополучіе своего очага не собственными заслугами, а всецѣло при помощи женскихъ прелестей своей половины. И если вы требуете «укрощенія слова» драматурговъ-философовъ или драматурговъ-социологовъ, то я, въ отвѣтъ, шлю удвоенное проклятіе на голову драматурговъ-сутенеровъ театра. Если первые сдѣлали его «синимъ чулкомъ», то вторые — Богъ знаетъ чѣмъ. — страшно произнести настоящее слово.

Говорю: «сдѣлали». Точнѣе будетъ сказать — «стремятся сдѣлать», ибо театръ хоть и женщина, но женщина не обыкновенная, а вѣчная, способная быстро и постоянно возрождаться какъ Фениксъ изъ своего пепла, стоитъ только ей стать на настоящій жизненный путь. И русскій театръ, послѣ всѣхъ пережитыхъ передрыгъ и паденій, конечно, еще возродится, и даже, можетъ быть, скоро. Но это возрожденіе пойдетъ все-таки не оттуда, откуда думаютъ защитники «эмансипаціи» театра отъ «писателя». Писатель сдѣлалъ ошибку, — и онъ же самъ сумѣетъ исправить ее.

А. Косоротовъ.

Московскія письма.

23.

Художественный театръ сыгралъ Тургенева «Мѣсяцъ въ деревнѣ». Этому спектакля ждали. Всѣхъ интриговало, какъ возьмется Художественный театръ за величайшаго изъ русскихъ лириковъ, какимъ представить его, — особенно послѣ неудачи надъ Гоголемъ («Ревизоръ»), Грибоедовымъ («Горе отъ ума») и Пушкинымъ («Борисъ Годуновъ»). Конечно, во всѣхъ этихъ случаяхъ рѣчь можетъ идти только о неудачахъ по духу, а не по матеріи, побуждать которую театръ Станиславскаго и Немировича-Данченко всегда умѣлъ наилучшимъ образомъ. Съ «Мѣсяцемъ въ деревнѣ» произошла, болѣе или менѣе обычная исторія. Если брать отдѣльные уголки постановки, отдѣльныя картинки, какъ этюды внѣ цѣлаго, то постановку слѣдуетъ признать изумительной. Но если взять Тургенева такимъ, какимъ мы его воспринимаемъ «тамъ—внутри», если взять, такъ сказать, музыку его, то насъ въ «Мѣсяцѣ въ деревнѣ» у художественниковъ многое и очень многое не удовлетворить.

Прежде всего на лицо то, что всегда особенно характерно для Художественнаго театра — натурализація быта. Музей эпохи, безъ души ея. Археологія. Въ этомъ отношеніи достигнуть большаго совершенства, чѣмъ того достигъ «Мѣсяцъ въ деревнѣ» Художественный театръ, врядъ ли возможно. Разбудите портныхъ времени «Мѣсяца въ деревнѣ» и они придутъ въ восторгъ отъ пальто Станиславскаго. Шапочникъ — отъ головного убора Большинцова. Куафферъ — отъ прически Наталіи Петровны. Но въ Тургеневѣ есть то плѣнительное, что дѣлаетъ его именно Тургеневымъ, что живетъ въ насъ, въ сегодняшнемъ днѣ, что не знаетъ «вчера» или «завтра», что всегда «сегодня». Это «сегодня» —

красота тургеневских переживаний, его пѣсня, его лирика, его душа. Мало дать реквизитъ и бутафоры «дворянскаго гнѣзда», надо заставить зрителя чувствовать его, переживать забытые страницы, переворачивать ихъ съ любовью — не съ однимъ любопытствомъ. Для этого нужно не выдвигать быть, какъ таковой, а дать стильное вѣѣнее въ гармоніи съ вѣѣбытовымъ, въ извѣстномъ равновѣсіи съ психологической сущностью дѣйствія. Въ этомъ секретъ художественнаго реализма, и его отличие отъ театра натуралистическихъ тенденцій, ставящаго своей задачей копировать, протоколировать жизнь, а не претворять ее. Въ такомъ театрѣ всякая страница «вчерашняго» — будетъ намъ чужда. Въ такомъ театрѣ насъ не тронетъ Шекспиръ. Въ немъ всякая красота будетъ красотой парнасской, холодной красотой дѣланности.

Парнаскимъ холодомъ вѣяло и отъ той вѣѣшне красивой и выдержанно стильной рамки, въ которую Художественный театръ вставилъ Тургенева. Декорации писалъ Добужинскій. Тотъ Добужинскій, который съ такой любовью зарисовываетъ старый Петербургъ. Тотъ Добужинскій, вниманіе котораго привлекаютъ кривыя улицы старой

ТЕАТРЪ КОРША.

„Сатана“ Гордина.

Сатана (г. Щепановскій) и Гершеле Дубровнеръ (г. Борисовъ).

Вильны, крутой скатъ крыши какого-нибудь костела. Онъ любитъ эту археологію, онъ до нѣкоторой степени даже одухотворяетъ ее. Но одно дѣло — черепица литовской крыши, и другое — тургеневскій гобеленъ. Тургеневъ еще слишкомъ нашъ. Его театръ, пройдя сквозь Чехова, и временно остановленной сарабондой декадентщины, еще живетъ въ нашихъ душахъ. Его грусть — наша грусть. Его улыбка — наша улыбка. Его слеза — наша слеза.

Въ декорацияхъ же Добужинскаго превалируетъ «исторія». Даже природу Тургеневского парка Добужинскій даетъ хоть и красивой, но мертвой, сумракъ какого-то засушеннаго спектра, въ краскахъ безъ солнца. Природа Добужинскаго только ласкаетъ, но не трогаетъ, не даетъ настроенія. Точно такъ же и внутренность усадьбы «Мѣсяца въ деревнѣ». Она архитектурно вѣрна. Но въ ней больше графическаго щегольства, чѣмъ жизни. Линіи кочанъ изысканно холодны. Онѣ герметичны. Въ нихъ, если можно выразиться, нѣтъ психологіи, субъективности автора. Добужинскій далъ все, что могъ, и далъ очень много, но отъ Тургенева его отдѣляетъ прежде всего самый складъ его дарованія.

Но Добужинскій оказывается въ полной гармоніи съ тѣмъ, что театръ дѣлаетъ надъ Тургеневымъ. Какъ Добужинскій, и онъ беретъ Тургенева археологически и создаетъ вмѣстѣ съ нимъ свой рѣдкостный ансамбль. Именно свой. Внѣ автора, внѣ творенія великаго «барина» и Петропія русской литературы.

Взять хотя-бы самого Станиславскаго. Онъ играетъ Ракитина. «Ракитинъ — это я!» — сказалъ Тургеневъ Савиной. У Ракитина душа поэта, умѣющаго любить и чувствовать красиво, но безвольно. Ракитинъ — аристократъ отъ головы до пятокъ. Станиславскій же взялъ костюмъ у Добужинскаго и костюмъ этотъ надѣлъ на какой-то ракинскій экстрактъ. Тягучая, однотонная рѣчь. Медленные движенія почти безъ поворота головы. Устремленный вперед себя взглядъ. И все. Это не только не Ракитинъ, это вообще что-то безконечно надуманное, что-то не отъ жизни. А если отъ жизни, такъ просто меланхоликъ. Нельзя такъ упрощать Ракитина. Нельзя такъ жертвовать многогранными душевными переживаниями его въ угоду вѣѣшнему рисунку. Нельзя вмѣсто музыки Ракитина дать одно пальто его, какъ бы исторически вѣрно оно ни было.

Забыты о вѣѣшнемъ, о тургеневскомъ бытѣ давили на весь спектакль. Даже въ молодой парѣ Вѣрочки и студента не было жизни. Чувствовалась поддѣлка. Видны были репетиціи и въ смѣхѣ, и въ словахъ. И потому ихъ юность не заражала. Когда у студента (Болеславскій) во второмъ актѣ въ сценѣ объясненія съ Ракитинымъ упала фуражка, какъ растерялся молодой актеръ. Въ другомъ театрѣ — нагнулся и поднялъ. Просто. А здѣсь это, видимо, было событіемъ, ни одной изъ репетицій не предусмотрѣннымъ. И г. Болеславскій сразу и съ тона сбился и такъ жалостливо озирался кругомъ, не зная, что начать. А межъ тѣмъ тотъ же г. Болеславскій можетъ играть студента. И хорошо играть. Какъ могла-бы сыграть хорошо и Вѣрочку г-жа Корепева, будь и у того и у другой меньше натасканности и больше своего, индивидуальнаго, отъ нутра, а не отъ режиссера.

Единственно живой, а не исторической фигурой всего «Мѣсяца» была Наталья Петровна въ исполненіи г-жи Книпперъ. Въ ея рисунокѣ было много женственно-капризнаго и въ то же время пассивнаго, что такъ характерно для тургеневскихъ героинь. Онѣ не умѣютъ сказать «да» и не умѣютъ сказать «нѣтъ». Онѣ чувствуютъ красоту жизни и боятся условностей ея. И въ этомъ трепетѣ, въ этой дымкѣ неопредѣленности, недоказанности вся ихъ прелесть, все ихъ чарующее, зовущее обаяніе. Картину именно такого обаянія дала и г-жа Книпперъ. И когда въ антрактахъ спорили, откуда скопировано заключительное *mise-en-scene* въ объясненіи Натальи Петровны съ Вѣрочкой (3-й актъ), Боровиковскій-ли это или Брюловъ, до боли было обидно, что зритель забылъ самое главное, забылъ, что незави-

„Сатана“.

Ребъ Лейзеръ (г. Борисовскій) и Хацкеле-Шкаль (г. Кручининъ).

Театръ Корша.

„Сатана“.

Цыпеню (г-жа Дымова).

симо отъ Брюлова или Боровиковскаго это былъ Тургеневъ, котораго дала г-жа Кнпперъ.

И если-бы во всемъ спектаклѣ было меньше музея и больше поэзіи, меньше Брюлова и больше Тургенева, какъ выигралъ-бы отъ этого «Мѣсяцъ въ деревнѣ»? Какимъ благоуханнымъ цвѣткомъ могъ-бы онъ распуститься и на сценѣ нашихъ дней, не вызывая обвиненія въ устарѣлости и несценичности, какъ это было послѣ спектакля въ Художественномъ театрѣ!

Эм. Бескинъ.

Два юбилея.

(См. №№ 49 и 50).

III.

Знакомство Кюи съ Балакиревымъ (въ 1857 г., у инспектора петербургскаго университета и учредителя университетскихъ концертовъ, барона А. И. Фитцгумъ-фонъ-Экштедта) имѣло огромное значеніе для всей музыкальной карьеры нашего композитора. Въ извѣстномъ смыслѣ, вліяніе Балакирева можно даже считать рѣшающимъ: Римскаго-Корсакова, Бородина, Мусоргскаго, всѣхъ этихъ великихъ музыкантовъ-художниковъ надо было поставить

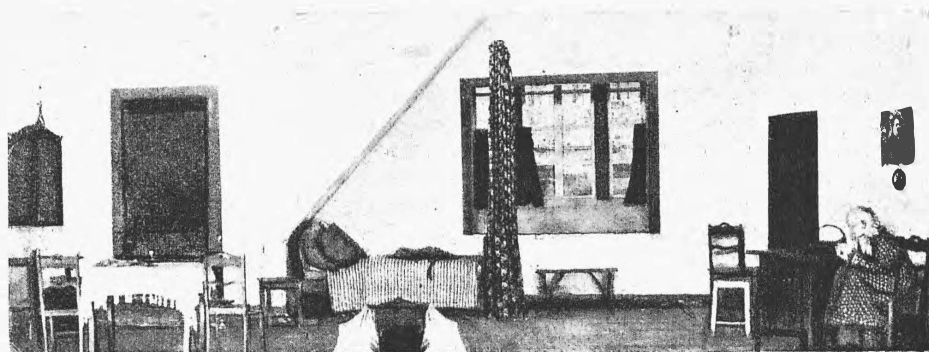
на ноги, дать имъ элементарную, практическую технику, разбудить дремавшія въ ихъ душѣ стремленія къ «новымъ берегамъ», зажечь энтузіазмомъ музыкальныхъ подвиговъ ихъ крупные и ярко-индивидуальные таланты. Одинъ Кюи нуждался въ большемъ. Онъ, какъ вѣрно сказалъ однажды Стасовъ, «не былъ рожденъ реформаторомъ». А потому ему нужно было дать цѣлое, такъ сказать, «революціонное» воспитаніе, надо было *сдѣлать* его тѣмъ, чѣмъ онъ, въ сущности, не былъ *рожденъ*, надо было заразить его идеями «реализма» и всячески поддерживать эту заразу, мало того, надо было создать композитору нѣкоторую, хотя бы искусственную фizioномію, такъ какъ то, что въ его музыкальной личности было дѣйствительно вполне личнаго, своего, — то никогда не было достаточно яркимъ. Этими условіями опредѣляются главные, характерныя черты творчества Кюи: во-первыхъ, полная постепенность его музыкальной эволюціи, отсутствіе въ ней рѣзкихъ скачковъ и крутыхъ переломовъ; во-вторыхъ, опять-таки очень постепенный, но явный регрессъ въ его творчествѣ, какъ только совершилось окончательное распаденіе Балакиревскаго кружка, какъ только кончился, слѣдовательно, тотъ постоянный «надзоръ» за правотворностью музыкальной дѣятельности Кюи, который являлся результатомъ постоянной взаимной критики, постоянного общенія мнѣній между всѣми членами кружка; въ-третьихъ, извѣстная выѣшность музыкальной индивидуальности Кюи, раз навсегда подпавшаго подъ обаяніе нѣмецкаго романтика, Шумана. Правда, вліяніе Шумана (также Листа, Берліоза и Шопена) чувствуется перѣдко и у Бородина, у Р.-Корсакова, и даже у наиболѣе «нигилистическаго» изъ Балакиревыхъ, Мусоргскаго. Но здѣсь это только «вліяніе»,

ничуть не мѣшающее развитію¹³ личныхъ музыкальныхъ элементовъ, тогда какъ у Кюи — сплошной культъ Шумана, и хотя композиторъ, безъ сомнѣнія, индивидуализировалъ его на свой ладъ, но, при этомъ, ему не удалось въ какомъ-нибудь смыслѣ развить, продолжить шумановскихъ мыслей и пріемовъ. Здѣсь, именно, индивидуализація Шумана, а не органическая сумма индивидуальностей учителя и ученика. Наконецъ, четвертымъ и послѣднимъ выводомъ изъ вышеуказанныхъ условій музыкальнаго развитія Кюи является нѣчто, уже вполне положительнаго характера. Это — его полная трезвость, полная ясность, точность его взглядовъ и вкусовъ, — обстоятельство весьма выгодно отразившееся на мѣткости и убѣдительности критическихъ статей композитора и, вѣроятно, въ не малой степени зависящее отъ отсутствія въ его натурѣ рѣзко аффективныхъ, рѣзко-революціонныхъ порывовъ.

Первыми серьезными сочиненіями Кюи, если не считать разнаго рода юношескихъ опытовъ его (мазурка g-moll и пр.), были три оркестровыхъ «Скерцо» и рядъ романсовъ. Скерцо F-dur, сочиненное въ 1857 г. на темы двухъ именъ, собственно имени композитора (C.-C. — Cesar Cui) и имени его невѣсты (B.-A.-B.-E.-G. — М. Р. Вамбергъ), было первымъ произведеніемъ Кюи, публично исполненнымъ подъ упр. А. Г. Рубинштейна въ 4-мъ концертѣ, только что народившагося тогда Русскаго Музыкальнаго Общества. День исполненія этого скерцо, 14 декабря 1859 г., — и есть та официальная дата начала музыкальной дѣятельности Цезаря Антоновича, которая даетъ нынѣ право маститому композитору на празднованіе своей «золотой свадьбы» съ богиней Эвтерпой.

Въ февралѣ 1858 г. Кюи женился на М. Р. Вамбергъ, ученицѣ Даргомыжскаго. Молодой женѣ своей композиторъ посвятилъ, кромѣ уже упомянутаго «Скерцо», первую свою одноактную комическую оперу: «Сынъ Мандарина» на либретто В. Крылова. Опера эта (въ духѣ Обера), сочиненная въ 1859 г., была въ томъ-же году исполнена на домашней сценѣ. Между прочимъ, увертюру играли въ 4 руки Балакиревъ и авторъ, а одну изъ главныхъ ролей оперы, мандарина Кау-Цинга исполнялъ, и очень удачно, Мусоргскій.

Въ дальнѣйшихъ сочиненіяхъ Кюи вліяніе балакиревской школы получаетъ мало-по-малу преобладающее значеніе. Балакиревъ познакомилъ Кюи съ музыкой Бетховена, Шумана, Листа, Берліоза, Глинки и другихъ выдающихся ком-

„Сатана“ Гордина, 4-ая картина.

позиторовъ. Изъ всѣхъ этихъ авторовъ Шуманъ сразу и безраздѣльно покори́лъ сердце молодого музыканта. Мягкій и вѣско́лько пассивный лиризмъ Кюи нашелъ наиболѣе благоприятную почву для своего развитія въ музыкѣ Шумана. Ни націонализмъ, ни юморъ, ни эпическія настроенія, столь свойственныя всѣмъ товарищамъ Кюи по «школѣ», не нашли въ его душѣ никакого иного отзвука, кромѣ теоретическаго сочувствія и литературной поддержки. Только декламационныя тенденціи осложнили вскорѣ творчество Кюи. И послѣдовательно, хотя отнюдь не слишкомъ крайнее

С. М. Сомовъ, А. И. Чайковскій, Г. П. Лобойковъ, А. И. Вышнеградскій, А. К. Глазуновъ, Н. В. Арцыбашевъ, М. Л. Нейшилльеръ, М. М. Курбановъ, И. В. Шимковичъ.

Дирекція Спб. Отдѣленія Императорскаго Русскаго Музыкальнаго Общества. (Къ 50-лѣтію Общества).

проведеніе въ своихъ дальнѣйшихъ композиціяхъ принципа «правды въ звукахъ», соотвѣтствія между музыкой и текстомъ, между фразой музыкальной и литературной, все это въ связи со своеобразнымъ «шуманизмомъ» (въ смыслѣ общаго характера музыки) творчества даетъ себя очень опредѣленно чувствовать въ двухъ главныхъ сочиненіяхъ Кюи, его операхъ «Вильямъ Ратклифъ» и «Анджело». 3-хактная опера «Вильямъ Ратклифъ» (сюжетъ Гейне) написана въ періодъ 1861—1868 гг. и впервые поставлена на Марининской сценѣ 14 февраля 1869 г. По общимъ формамъ своимъ, опера эта не представляетъ еще существенныхъ отклоненій отъ обычныхъ оперныхъ формъ. Но что въ музыкѣ «Ратклифа» заключалось для своего времени не мало свѣжести и новизны, это съ несомнѣнностью явствуется хотя-бы изъ того факта, что вся современная критика (за исключеніемъ Р.-Корсакова, написавшаго о «Ратклифѣ» восторженную статью) отнеслась къ оперѣ Кюи рѣзко отрицательно, что вокругъ оперы сразу-же сгустилась отвратительная атмосфера всяческихъ интригъ, инсинуацій, сплетенъ, которыя имѣли своимъ естественнымъ послѣдствіемъ снять «Ратклифа» съ репертуара. И дѣйствительно, стоитъ взять въ руки клавиръ «Ратклифа», чтобы даже теперь, черезъ сорокъ лѣтъ послѣ его созданія, оцѣнить значительныя красоты многихъ страницъ этой оперы, напримѣръ, «Вступленія» или послѣдняго дуэта. И хотя 2-й актъ «Тристана и Изольды» (кстати сказать, въ нынѣшнемъ году и эта трагическая чета справляетъ свою «золотую свадьбу») рѣшительно мѣшаетъ мнѣ согласиться съ мнѣніемъ Р.-Корсакова, будто «любовный дуэтъ 3-го акта въ Ратклифѣ—лучшій любовный дуэтъ во всей музыкальной литературѣ того времени», тѣмъ не менѣе проникновенный, хотя не лишенный слащавости, лиризмъ этого дуэта до сихъ поръ не утратилъ способности плѣнять слушателей.

Драматизмъ и комизмъ несвойственны таланту Кюи и потому такіа, напр., сцены, какъ знаменитая въ свое время «Сцена у Чернаго камня» или пѣсня Леслиа (съ хоромъ), представляются нынѣ наиболѣе слабыми мѣстами оперы. Общій стиль оперы скорѣе камерный, чѣмъ оперный. Заключенныя аріи Кюи избѣгаютъ, настоящимъ речитативомъ

еще не владѣетъ и потому даетъ рядъ мелкихъ аріозо, въ концѣ концовъ утомляющихъ слушателя однообразіемъ формы. Вліяніе Шумана чувствуется во всемъ: и въ обстоятельной разработкѣ второстепенныхъ подробностей, и въ ритмикѣ, и въ мелодіи (первый хоръ, напр.,—точно самими Шуманомъ написанъ), и въ оркестровкѣ, такой-же безцвѣтной и вялой, какъ у Шумана. Со всѣми этими недостатками и даже съ какой-то органической несамостоятельностью музыкальной личности Кюи можно было-бы легко помириться ради многихъ неоспоримыхъ достоинствъ его музыки, если-бы послѣдняя даже въ лучшихъ своихъ моментахъ не производила нѣкотораго страннаго впечатлѣнія. Оговорюсь,—быть можетъ, это совершенно субъективное, мое ощущеніе, но когда я слушаю многія, въ значительной мѣрѣ «устарѣвшія» вещи Глинки, Даргомыжскаго, Балакирева, мнѣ всегда кажется, что у нихъ кромѣ того, что устарѣло и даже въ томъ, что устарѣло, вездѣ разбѣяны звуки и образы вѣчно живые. Чувствуется, что художникъ какъ-то выше, глубже, сложнѣе своихъ произведеній и потому слушаешь ихъ охотно и часто, чтобы черезъ нихъ, даже черезъ ихъ старомодности и условности, приблизиться къ пониманію творческаго духа художника. И вотъ этого-то момента я не нахожу въ музыкѣ Кюи. Авторъ не больше, не выше своихъ звуковъ; его личность точно «конгруируетъ» съ его музыкальными образами, и потому послѣдніе не манятъ къ себѣ, не дразнятъ воображенія; музыку Кюи мнѣ никогда не хочется слушать во второй разъ, что, впрочемъ, никогда не мѣшаетъ мнѣ-же признавать ея высокія достоинства, которыя еще болѣе замѣтны во второй оперѣ Кюи «Анджело». Опера эта сочинена композиторомъ 1871—1876 гг. на сюжетъ В. Гюго (въ переработкѣ Буренина). Здѣсь Кюи является уже мастеромъ декламационныхъ формъ. Кантилена, аріозо, свободный мелодическій речитативъ, отдѣльные куски красивой симфонической музыки (превосходное вступленіе съ мрачными гармоніями на параллельныхъ квинтахъ)—все это смѣняетъ другъ друга въ разнообразныхъ послѣдованіяхъ, вездѣ видны хорошій вкусъ, гармоническая изобрѣтательность, серьезное, любовное и вмѣстѣ съ тѣмъ критическое отношеніе къ своей работѣ. Лучшіе моменты «Анджело»—опять-таки лирическія сцены

его. Въ этомъ смыслѣ особенно содержателенъ и красивъ по музыкѣ 2-й и отчасти 4-й акты оперы. По поводу «Анджело» интересно указать также на одну черту въ музыкѣ Кюи, которая до сихъ поръ, кажется, не была отмѣчена нашей критикой достаточно опредѣленно. Это родство музыкальных мыслей и приѣмовъ Кюи съ нѣкоторыми вдохновениями не только Шумана, но и нашихъ, остальныхъ «кучкистовъ». Здѣсь, разумѣется, и рѣчи не можетъ быть о прямыхъ заимствованіяхъ, но лишь объ извѣстномъ сходствѣ музыкальнаго мышленія у людей одной «школы» и эпохи. Посмотрите, напр., хоръ 2-го акта «Однажды царь великій». Развѣ это не тѣ самыя квартетныя педали и мелодіи изъ параллельныхъ сектаккордовъ, которыя мы привыкли считать чрезвычайно типичными для Бородина? Или монологъ Анджелино въ 1-ой сценѣ 4-го акта: «И потому-то шопотъ и крики должны умолкнуть предъ моею властью! Я вырву вамъ языкъ клещами пытки». Кто первый изобрѣлъ проходящую на этихъ словахъ характерную фразу, которая встрѣчается и въ «Морской Царевнѣ» Бородина, и въ «Свѣтулочкѣ» Р.-Корсакова («лейтъ-мотивъ» Весны), и въ «Борисѣ Годуновѣ» Мусоргскаго (въ дуэтѣ Марины съ Самозванцемъ)? «Официально» приоритетъ принадлежитъ, какъ-будто, Бородину, потому что его «Морская царевна» сочинена еще въ 1886 г. Но, кто знаетъ, какъ часто въ тѣ времена сочиненная музыка оставалась долго никуда непристроенной и даже не записанной, какъ часто вещи передѣлывались, измѣнялись, уничтожались,—тотъ не станетъ утверждать, что главная g-moll'ная фраза изъ «Гаданья» Марѣ (въ «Хованщинѣ») сочинена подъ влияніемъ разсказа Тизбы («Мать моя была бродячая пѣвица»), что Кюи заимствовалъ нѣкоторые приѣмы у Бородина и т. п. Есть, правда, нѣкоторыя несомнѣнныя «вліянія». Такъ, Р.-Корсаковъ

самъ признается, что главная тема его «Антара» вышла довольно сходной съ главной темой «Ратклифа».

Для насъ важнѣе всего, что черезъ посредство указанныхъ взаимно-вліяній является возможность связать творчество Кюи не только съ «музыкой Шумана, но и съ твореніями прочихъ представителей той «школы», къ которой принадлежалъ самъ Кюи.

Къ сожалѣнію, явившись въ «Анджело» хорошимъ музыкантомъ-лирикомъ и виднымъ представителемъ новаго, декламационнаго теченія русской оперы, Кюи въ дальѣйшихъ оперныхъ композиціяхъ уже не могъ удержаться на прежней высотѣ. Слѣдующими операми его являются «Млада» (неизданный актъ оперы-балеты, сочиненнаго въ 1872 г. совмѣстно Кюи, Р.-Корсаковымъ, Бородинымъ и Мусоргскимъ), «Кавказскій плѣнникъ» (первая редакція относится еще къ 1857 г., въ 1881—1882 прибавленъ 3-й актъ и вся опера переработана), «Флибустьеръ» (по Ришпену, 1888—1889), «Сарадинъ» (по Дюма, 1889), «Пиръ во время чумы» (1900), «Mamzelle Fifi» (по Мопассану, 1903), «Слѣжный богатырь» (дѣтская опера, 1907), «Капитанская дочка» (1909). Во всѣхъ этихъ операхъ можно, безъ сомнѣнія, найти не мало милой, не лишенной вышняго изящества музыки, но оперный стиль композитора, чѣмъ дальше, тѣмъ больше вырождается въ романсный. Формы, а вмѣстѣ съ ними и самая музыка все мельчаютъ, лиризмъ превращается въ салонную приторную слащавость и нерѣдко граничитъ съ прямой банальностью музыкальной рѣчи. Всѣ оперы (кромѣ «Капитанской дочки», лишь недавно оконченной) исполнялись неоднократно то на русскихъ казенныхъ и частныхъ оперныхъ сценахъ, то—главнымъ образомъ, стараніями извѣстной покровительницы русской музыки и личной пріятельницы Кюи, графини Мерси д'Аржанто—въ нѣкоторыхъ заграничныхъ театрахъ. Однако

— ♪ — ПРОВИНЦІАЛЬНЫЯ АРТИСТКИ. — ♪ —

В. Л. Юрєнева въ пьесѣ Ал. Вознесенскаго „Хохоть“.
(Одесскій городской театр).

М. П. Васильчикова въ роли Ю-Ю
(Харьковскій городской театр).

„КРИВОЕ ЗЕРКАЛО“.

„Грае, грае, воропае“.

Черепокъ—Пройдѣвѣтъ (г. Хенкинъ).

Рис. М. Слѣпана.

ни одна изъ оперъ Кюи не имѣла прочнаго успѣха ни у насъ, ни за границей. Не маловажной причиной этого неуспѣха, кромѣ уже вышеуказанной мелкости формъ, недостатка драматизма и плохой оркестровки, является также крайне неудачныя либретто большинства оперныхъ сочиненій Кюи. По истинѣ странно, какъ это человекъ, всю жизнь отстаивающій важность хорошаго текста, сюжета, сценарія, придающій, вообще, большую и даже чрезмѣрную важность всей литературно-сценической сторонѣ театральнаго спектакля, самъ выбиралъ сюжеты, то поражающіе мелодраматической безвкусицей и крайней, хотя совершенно вѣшной, запутанностью (Ратклифъ, Анджело, Сарадинъ), то совершенно несоответствующіе исключительно лирическому дарованію композитора («Пиръ во время чумы», «Капитанская дочка»).

Какъ бы то ни было, а все же жалко, что «Ратклифъ» и «Анджело» нынѣ только изрѣдка появляются на нашихъ сценахъ. Эти первыя оперы «Новой русской школы» при всѣхъ своихъ недостаткахъ и при вѣкоторой общей монотонности и дряблости своей музыки все же заключаютъ въ себѣ много отдѣльныхъ эпизодовъ, достойныхъ вниманія даже со стороны людей избалованныхъ музыкальными деликатесами Р.-Корсакова, Вагнера, Регера, Скрябина и французскихъ импрессионистовъ. Кромѣ оперъ Кюи писалъ много фортепіаннхъ и оркестровыхъ вещей, нѣсколько камерныхъ ансамблей, рядъ сольных вещей для разныхъ инструментовъ и пр. Большинство этихъ вещей не возвышается надъ

посредственностью и скомпановано въ духѣ Шумана. Только въ мелкихъ вещахъ еще непріятнѣе, чѣмъ въ операхъ, это постоянное разбавленіе Шумана какой-то сахарной водицей, это «приспособленіе» Шумана къ уровню средняго буржуазнаго, «филистерскаго» пониманія.

«Сладость такая, что и рассказать нельзя», а надо самому проиграть разокъ любую изъ многочисленныхъ «миніатюръ», «маленькихъ сюитъ» и т. п. сочиненій Кюи, чтобы убѣдиться, что, если это и искусство, то ужъ очень маленькое, очень игрушечное, конфетное.

В. Каратыгинъ.

(Окончаніе смѣдуетъ).

З а м ѣ т к и.

Какъ-то такъ случилось, что въ послѣднее время меня все тянутъ къ «отвѣту», и не только на столбцахъ нашего журнала (см. статьи А. И. Косоротова). Вотъ на-дняхъ привелось мнѣ прочитывать укоръ (въ «Об. Теат.») по поводу моей статьи объ «Обывателяхъ» В. А. Рышкова. Оказывается, что «критика не должна хвалить такіа пьесы». Своего рода отрицательная обязанность критика. Солдатъ не смѣетъ уходить съ поста, а критикъ не смѣетъ одобрять «Обывателей» г. Рышкова. Тутъ характеренъ именно этотъ «категорическій императивъ»—«не долженъ». И это не обмолвка или неудачное выраженіе—тогда бы на немъ останавливаться незначѣмъ было бы—а такова именно мысль автора замѣтки, мысль, которую онъ, быть можетъ, безсознательно для себя, всосалъ изъ атмосферы, окружающей нашу художественную жизнь, нашу литературу, наше искусство, нашъ театр. Само собою понятно, что говоря «критика не должна», разумѣютъ не случаи завѣдомаго пристрастія или кумовства (объ этомъ, вообще, рѣчи не можетъ быть), а нѣкоторый «высшій принципъ», во имя котораго критикъ «не долженъ», хотя ему нравится, хвалить, или наоборотъ «долженъ» хвалить, хотя бы ему и не нравилось. Критика испытываетъ на себѣ всѣ тѣ прелести принудительной барщины на пользу тенденцій, «идейности» и пр., которая выпадали и выпадаютъ на долю авторовъ художественныхъ произведеній. Чеховъ «не долженъ» былъ писать сѣрыя, безцвѣтныя будни. «Видитъ заборъ—и пишетъ заборъ», укорялъ Чехова Михайловскій, и добавлялъ снисходительно: «нѣтъ міросозерцанія», т. е. міросозерцанія, нужнаго и важнаго для интеллигентскаго журнала. И сколько Чеховъ ни вопилъ (въ глубинѣ души онъ вопилъ все время и терзался страшно): «мнѣ нравится заборъ! Позвольте описывать заборъ! Люблю заборъ! Оставьте мнѣ заборъ!»—на его мучительные вопли о правѣ любить, что онъ хочетъ, и быть равнодушнымъ къ тому, что его не интересуетъ, не обращали никакого вниманія, а послали на Сахалинъ, гдѣ онъ схватилъ чахотку и откуда написалъ едва ли кому-либо нужную книгу съ массою географическихъ и этнографическихъ выписокъ. Изъ этой книги мы узнали то, что знали раньше—что каторга дѣло не шуточное, что жить на Сахалинѣ прескверно, но что, впрочемъ, и тамъ люди живутъ. А въ концѣ концовъ, и половину Сахалина отобрали японцы, такъ что и статистическое описаніе, сдѣланное Чеховымъ, оказалось ни къ чему не пригоднымъ.

Замѣчаніе Михайловскаго, что «у Чехова нѣтъ міросозерцанія» напоминаетъ сдѣланный мнѣ укоръ,

что «критика не должна хвалить «Обывателей». О томъ, что «отсутствіе міросозерцанія», если оно коренится глубоко въ нѣдрахъ художественной натуры, если оно само по себѣ не является синонимомъ душевной безсодержательности и пустоты, есть само по себѣ міросозерцаніе—какъ-то даже въ голову не приходило. Напримѣръ, «суета суеть и всяческа суета» — міросозерцаніе это или нѣтъ? «Послѣ насъ хоть потопъ» — міросозерцаніе это или нѣтъ? «Лучше совсѣмъ не родиться» въ «Царѣ Эдипѣ» — міросозерцаніе или нѣтъ? Повидимому, нѣтъ. Подъ міросозерцаніемъ, какъ видите, ужеразумѣется нѣчто, заключающее «положительную программу», а отсюда, понятно, одинъ шагъ до ссылки на Сахалинъ для статистическихъ описаній.

Критика «не должна» одобрять «Обывателей» и «Царя природы» Чирикова, а гг. Рышковъ и Чириковъ «не должны» ихъ писать. Я потому припомнилъ пьесу Чирикова, что вѣдь ей даже «энергически шикали» въ Москвѣ. Подумать, какой написалъ г. Чириковъ ужасъ, достойный лютой казни! А между тѣмъ г. Чириковъ написалъ комедію, которая въ художественномъ отношеніи едва ли стоитъ ниже «Евреевъ» или «Ивана Мironыча». Но въ «Евреехъ» была «идея»: нехорошо учинять погромы и травить несчастный народъ, заслуживающій лучшей доли. Поэтому г. Чириковъ «долженъ» это писать, а критика «должна» одобрять. А въ «Иванѣ Мironычѣ» «осужденіе» нашей школьной системы—слѣдовательно, опять все обстоитъ благополучно. Вотъ и у г. Рышкова есть въ прошломъ заслуга: онъ написалъ «Склепъ», безъ всякаго сомнѣнія, пьесу неизмѣримо болѣе элементарную и грубую, чѣмъ «Обыватели», но въ «Склепѣ» была идеяка: нехорошо пьянствовать, да еще дворянамъ, которые благодаря зеленому змію, вырождаются. И г. Рышкова «должны» были за «Склепъ» хвалить,—и хвалили. Пусть тутъ заслуга чиномъ не выше заслуги г. Чельшева, содержатели самарскихъ бань, воюющаго съ полу-штофомъ въ Государственной Думѣ. Пусть фельдшеръ изъ санаторіи для алкоголиковъ во всякомъ случаѣ реально излечиваетъ запойныхъ. Но все равно: «идея», а потому браво, и можете получить пальмы лауреата, даже и не ѣздивши на Сахалинъ.

Коли говорить по совѣсти, такъ я думаю, что какъ разъ наоборотъ—критика «не должна» захваливать и похваливать за идеяки. Какъ разъ наоборотъ. Если ужъ предположить, что критика не есть самостоятельный актъ претворенія въ себѣ художественныхъ цѣнностей въ новыя цѣнности искусства и мысли, если ужъ—такъ и быть—признать, что критика это отвѣщиваніе и отмѣриваніе «безъ всякаго пристрастія», а слѣдовательно, безъ чувства и темперамента, то и въ этомъ случаѣ, въ этомъ обиднѣйшемъ для критика случаѣ, съ «идейками», на удочку которыхъ ловится малообразованная и малоразвитая въ художественномъ смыслѣ публика, ей слѣдуетъ бороться. Въ самомъ дѣлѣ, вотъ вамъ живой примѣръ, до какой вопіющей антихудожественности, до какой презрѣнной обывательщины доходятъ «толкованія» «идейки» въ искусствѣ. Говорю объ «Огарочникахъ». Я этой пьесы не видалъ и не читалъ, но знаю, что люди со вкусомъ, ознакомившіеся съ ней, морщились отъ нея и отплевывались, какъ отъ кастороваго масла. А вѣдь, посмотрите, сколько эта пьеса выдержала представленій! Можно сказать—«гвоздь сезона»!

Тавтологія или тождество, или подмѣнъ искусства дѣйствительностью—вотъ истинное зло, истинный бичъ искусства. Подобно тому, какъ вырож-

дается религиозное чувство, переходя въ фетишизмъ, въ культъ тельцовъ и идоловъ, въ предметное обожаніе, такъ точно вырождается и чувство искусства, превращаясь въ чувство дѣйствительности, въ смѣшеніе процессовъ художественнаго воспріятія то съ физиологическимъ раздраженіемъ, то съ работою интеллекта. Но это крахъ искусства, это гибель его, это кошмаръ его. Здѣсь причина причинъ; здѣсь сумерки боговъ; здѣсь закатывается солнце и зажигается керосиновая лампа. Задача критики установленіе самоцѣнностей искусства. Если толпа, если публика заблуждается; если ее такъ легко ввести въ заблужденіе; если она смѣшиваетъ нуменъ т. е. сущность съ феноменомъ, т. е. съ явленіемъ, идею съ поэзію, бутафорию съ талантомъ, гримасу съ озареніемъ—то критика обязана разобраться во всемъ этомъ и найти цѣнность произведенія искусства, какъ «вещь въ себѣ», какъ Ding an sich. Публика могла рукоплескать четвертымъ стѣнамъ, воображая, что черезъ бутафорию и дѣланнныя гримасы постигаетъ «жизнь, какъ она есть». А критика «не должна» была этого дѣлать, потому что для нея должно было быть ясно, что имитация, поддѣлка жизни не есть художественное ея воспроизведеніе.

Итакъ, если говорить о томъ, что «должно» и что «не должно», то прежде всего должно бороться съ варварствомъ и мѣщанствомъ вкусовъ, не способныхъ отличать поэзію отъ жизни и смѣшивающихъ «сюжетъ» съ искусствомъ. Освобожденіе театра не можетъ произойти иначе, какъ путемъ установленія самоцѣнности красоты. Наше мѣщанство, наше варварство въ этомъ отношеніи безграничны. Предъ нами можетъ пройти и проходить красота, которую никто не замѣтитъ, которую всѣ проспятъ, потому что эта красота не занесена въ таблицы «серьзнаго искусства». У насъ нѣтъ комедій, у насъ нѣтъ комедійныхъ актеровъ, у насъ нѣтъ chanson, нѣтъ куплета—потому что наши «квалификаціи» искусства напоминаютъ старую табель о рангахъ, когда занимать должность

„КРИВОЕ ЗЕРКАЛО“.

„Грае, грае, воропае“.

Петрусь (г. Лукинъ). Рис. М. Слѣпня.

„КРИВОЕ ЗЕРКАЛО“.

„Роза и Василекъ“, Л. Урванцова.

Василекъ (г-жа Нелидова). Рис. М. Слѣпьяна.

значить имѣть извѣстный чинъ и наоборотъ, и пѣть шансонетки, на примѣръ, значить тоже, что выходить со слоємъ румянъ въ два пальца и хлестать шампанское въ шато-кабакахъ. Покойный И. М. Шуваловъ былъ очень средній актеръ, ну, этакъ на 3 съ минусомъ или на 3 съ плюсомъ, но онъ игралъ Эдипа, короля Лира, Иоанна Грознаго, и былъ «высокоталантливый», а рядомъ съ нимъ могли быть и были таланты прекрасные и яркіе, но по амплуа или по ролямъ состоявшіе въ чинѣ коллежскаго регистратора—кто ихъ замѣчалъ?

Искусство, какъ самоцѣнность—da ist die Braut, um die wir drehen, и чего никакъ не можемъ одолѣть. И особенно въ театрѣ. Мы еще понимаемъ, что Бенвенуто Челлини есть Бенвенуто Челлини и отъ того, что онъ «творилъ легенды» въ чашахъ и кубкахъ, не улучшалось качество вина, и бѣдныя отъ этого не богатѣли, и хотя Цезари Борджіа въ челлиніевскіе кубки наливали отраву, отъ этого Бенвенуто Челлини не сталъ хуже. Но въ литературѣ не такъ, не такъ и въ театрѣ. Тутъ-то, между прочимъ, и есть «грѣхъ слова», о которомъ мы спорили (благополучно склоняясь къ равнодѣйствующей) съ А. И. Косоротовымъ. Ибо «слово» есть орудіе всеобщее: и геометрическую теорему излагаютъ словомъ, и прокламацію, и циркуляръ департамента неокладныхъ сборовъ, и поэзію, и потому нѣтъ ничего легче, какъ смѣшать

житейское или логическое значеніе слова съ его художественною цѣнностью. Критика «должна» устанавливать эстетическую цѣнность чеканнаго слова, подобно тому, какъ устанавливаетъ эстетическую цѣнность челлиніевскаго кубка, изъ котораго пьютъ чистое вино, но случается, и ядъ.

Вотъ въ настоящее время стали «уважать» танецъ. Я говорю «уважать», потому что раньше «презирали». Помню, какъ одинъ провинціальный актеръ упрекалъ меня за то, что въ «Театрѣ и Искусствѣ» было напечатано нѣсколько статей о балетѣ. Презрѣніе къ балету было полное. И точно—никакой идейки ногами не вытанцуешь,—слѣдовательно, критика не «должна» хвалить балетъ. Для того, чтобы «серьезные» люди рѣшились «уважать» танецъ, понадобилась цѣлая теорія,—отдаленная связь съ «элевзинскими мистеріями», гдѣ черезъ скаканіе совершалось религиозное таинство. Тутъ кстати народилась школа Айседоры Дунканъ, и все устроилось къ лучшему. Что было невозможно черезъ трико, оказалось возможнымъ черезъ наготу. Теперь, благодареніе Создателю, можно говорить о танцѣ довольно свободно, не боясь внутренней цензуры. Но сколько времени танецъ былъ «внѣ искусства», считаясь достояніемъ, капризомъ лысыхъ старичковъ и кавалеровъ разныхъ родовъ оружія!.. Существовалъ какой-то насильственный разрывъ эстетической сферы, дававшій себя очень сильно чувствовать именно въ области театра. Пренебреженіе къ пластикѣ, отсутствіе жеста, мимики—обычное явленіе въ нашемъ театрѣ. Главное—говорить «хорошія» слова, говорить, говорить, говорить!.. Шуваловъ игралъ Эдипа, и потому былъ высокоталантливый, умная же премьерша никогда не играла «несимпатичныхъ» ролей, такъ какъ публика смѣшивала «симпатичныя слова» съ искусствомъ, и плохая актриса сходилась тоже за «высокоталантливую». Когда же критика поднимала голосъ въ защиту эстетическихъ самоцѣнностей, и пробовала установить грань между «жалѣніемъ» и художественнымъ впечатлѣніемъ, ей говорили «не смѣй», «ты не должна», и хоромъ провозглашали анафему.

Я вотъ что скажу: истинный эстетъ всегда пантеистиченъ. («Я и карася люблю»,—говорить у Горькаго такой (конечно, осмѣиваемый) пантеистъ въ «Дачникахъ»). Но дѣло въ томъ, что въ карасѣ есть не только вкусъ, а и красота, и что можно вообразить такой моментъ въ жизни карася, когда онъ становится предметомъ эстетическаго восхищенія. Представьте себѣ какой-нибудь очаровательный закатъ солнца, опаловое небо съ пучкомъ потухающихъ мѣдныхъ лучей на западѣ, тихія, голубяя воды, и рефлексы лучей и отраженій на дрожащемъ карасѣ, вздернутомъ рыболовной удочкой. Ну, тамъ еще что-нибудь представьте. И вотъ вамъ карась, въ качествѣ эстетическаго именинника. Почему «Angelus» Милье есть шедевръ, а не можетъ быть шедевромъ карась? Или не смѣсть, не долженъ быть карась эстетическою цѣнностью? Не достоинъ еси, рабъ карась, эстетическаго вѣнца?

О, сколько объ этомъ можно говорить! Безъ конца, безъ конца... Мы испортили себѣ жизнь, настроивъ оградъ. Все ограда—право, мораль, общественныя условности, имущественные интересы. Но мы не только жизнь, мы и искусство портимъ, наставлявъ рогатокъ: тутъ не смѣй, тамъ не моги! Смѣшно, но можно ли смѣяться, весело, но дозволено ли веселиться, красиво, но разрѣшено ли восхищаться? Даже плакать—не всегда позволительно. На примѣръ, на мелодрамахъ. Можнo только скучать, зѣвать, «и всѣхъ насъ гробъ, зѣвая, ждетъ...»

Homo novus.

Харьковскія письма.

56.

Положение обязывает. Съ этимъ ничего не подѣлаешь... Я не хотѣлъ бы полемизировать съ „дирекцией“ нашего драматическаго театра. „По-истинѣ недорогой цѣной“, — я знаю — дается мнѣ такая побѣда, но... Положение обязываетъ меня сдѣлать то, чего, — видитъ небо, — я не хотѣлъ бы...

Начну сначала съ кредитной канцеляріи министерства финансовъ, то бишь — съ „кассы“ драматическаго театра... „Конторщикъ, управляющій, уполномоченный“ — цѣлый департаментъ!.. Оказывается, я сообщилъ невѣрные свѣдѣнія о сборахъ, считая ихъ „слабыми“. Утверждаю, что я однажды привелъ одну цифру, именно въ № 41 нашего журнала, отъ 11 октября (стало быть, писано не позже 4 октября), что за первую половину перваго мѣсяца (съ 16 сентября по 1 октября) труппа г. Соколовскаго сдѣлала 6,000 р. „Касса“ театра утверждаетъ, что за *весь* этотъ мѣсяць сдѣлано 14,500 р. Въ чемъ же неточность? Я писалъ свою цифру 17 октября и сообщилъ, оказывается, сумму, противъ достовѣрности которой можно возразить лишь въ сотнѣ-другой руб... Далѣе, я ишу, гдѣ еще есть въ сообщеніяхъ моихъ *цифры* — и не нахожу ихъ! Въ №№ 42, 43, 44, 45, 46 — я говорю, что дѣла „поправляются“, что хотя сборы „слабѣе прошлаго года“, но что они „лучше, чѣмъ вначалѣ сезона“ и т. д., отмѣчаю бывшіе „хорошіе сборы“, указывая, что „дѣла въ общемъ поправились у г. Соколовскаго“ (№ 44, т. е. сообщеніе по 25 октября). „Касса“ театра приводитъ данныя по 15 ноября, но я далѣе 1 ноября и отмѣтокъ о сборахъ не дѣлалъ! Противъ чего же возражаютъ мнѣ?!

Теперь позволюте: если у васъ бюджетъ больше 22 тыс. руб. (такъ говоритъ г. Соколовскій въ этомъ году, а за прошлый онъ показалъ А. В. Шороховой, своей компаніонкѣ, 21 тыс. руб.), то какъ считать надо 14,500 руб. за „слабыхъ“ или „хорошихъ“ дѣла? Я такъ думаю, что *при од-ой трети недобора* — это скорѣе слабые сборы! А мои замѣчанія, вѣдь, именно касались только перваго мѣсяца!.. Что же „касса“ опровергаетъ?

Теперь скажу о выпадѣ въ мою сторону А. Н. Соколовскаго. Я „тенденціозенъ“? А не тенденціозенъ кто?.. А видите-ли, я сообщилъ, что „Анфиса“ прошла четыре раза, сдѣлала два полныхъ сбора и вѣроятно уже „кончилась“... Да, это я написалъ 12 ноября, а пьеса эта послѣ того прошла при хорошихъ сборахъ еще 8 разъ. Не угадалъ, значитъ, и только! Какая тутъ „преднамеренность“? Я не предсказатель сборовъ — и только!.. Но въ свою защиту скажу, что интересъ къ „Анфисѣ“ росъ несомнѣнно вмѣстѣ съ агитаціей противъ нея, и меня съ этой позиціи никто не собьетъ... Правда, Андреевъ можетъ сказать, какъ Гейне: мои сочиненія и безъ того имѣютъ успѣхъ и потому ихъ запрещать не для чего... Но, вѣдь, подстегиваетъ интересъ вся эта шумиха — это же несомнѣнно.

У г. Соколовскаго прямо въ отношеніи меня какая-то навязчивая идея: мои сообщенія въ „Т. и Иск.“ онъ смѣшиваетъ съ *своими предположеніями* о моихъ думкахъ... Пусть кто-нибудь изъ членовъ труппы г. Соколовскаго укажетъ мнѣ, что я въ отношеніи его былъ несправедливъ, пренебрегъ отзывомъ, когда онъ заслуживалъ быть отмѣченнымъ, что я игнорировалъ тѣхъ, кто дѣйствительно имѣетъ право на вниманіе. Что я писалъ о неудачѣ первыхъ спектаклей, особенно „Трехъ сестеръ“, но, вѣдь, тоже самое написано было и въ трехъ мѣстныхъ газетахъ!.. О самомъ „дѣлѣ“, когда оно заслуживало, я писалъ только хорошее, — не моя же вина, что такихъ поводовъ — увы! обидно было мало!..

Я тенденціозенъ, а не тенденціозенъ кто? — спросилъ я выше, — и вотъ почему: слѣдующее написано въ „Утрѣ“ о бенефисѣ премьерши труппы г. Соколовскаго Н. И. Кварталовой („Орленокъ“): „Вообще — не будемъ указывать на рядъ смѣшныхъ и грустныхъ погрѣшностей, — къ бенефисному спектаклю отнеслись въ городскомъ театрѣ съ полнымъ пренебреженіемъ“... Затѣмъ далѣе: „Если бы дирекція городского театра была на мѣстахъ публики, она невольно покраснѣла бы за этотъ спектакль“. А, вѣдь, спектакль былъ не рядовой! „Южный Край“ говоритъ о „слабомъ художественномъ успѣхѣ“, о „неувѣренномъ и блѣдномъ исполненіи“... „Харьковскія Вѣдомости“ говорятъ о „дикихъ несообразностяхъ и несоразностяхъ“... и указываютъ, что въ спектаклѣ было меньше всего „исторической правды“ и стилистичности. Грубая, антихудожественная, quasi-модернистскія декораціи (напримѣръ 2 и 3 акт.), декадентская мебель, современные костюмы, перемѣшанные съ костюмами разныхъ эпохъ конца XVIII и начала XIX столѣтія, современныя прически нѣкоторыхъ артистокъ... Словомъ, съ внѣшней стороны много смѣшного, нелѣпаго, жалкаго“...

Выходитъ, что и мѣстная печать относится къ нему „тенденціозно“?..

Дѣла за это время въ мѣстныхъ театрахъ шли недостаточно ровно, — на ряду со спектаклями, дававшими полные сборы, были такіе, когда театральная зала представляла ара-

війскую пустыню. Въ оперѣ гастроліи Н. Т. Ванъ-Брантъ прошли съ отличнымъ матеріальнымъ успѣхомъ и таковымъ же художественнымъ, но только по отношенію къ самой талантливой гастролершѣ, — ансамбль замѣтно страдалъ... Г-жа Брантъ все время была въ голосѣ и спѣтые ею девять спектаклей сильно форсировали интересъ публики къ оперѣ, — и эта заслуга гастролерши имѣетъ тѣмъ большую цѣну, что съ нею шелъ весь тотъ запѣтый репертуаръ, который самъ по себѣ ничего почти не даетъ. Артистка спѣла по 2 раза „Травиату“ и „Лакмѣ“, затѣмъ „Миньонъ“, „Риголетто“, „Фаустъ“ и „Севильскій цирюльникъ“ съ „Ромео и Джульетта“. На кругъ сдѣлано свыше 1300 руб., что въ наступившее глухое время надо считать блестящимъ результатомъ. Въ концѣ гастролей г-жи Брантъ выступилъ съ обычнымъ успѣхомъ г. Большаковъ, всегда жепанный гость въ нашей оперѣ. Талантливый пѣвецъ былъ все время въ ударѣ и особенные лавры пожалъ въ „Евгеніи Онѣгинѣ“, въ которомъ выступилъ также въ качествѣ гастролера г. Брагинъ, пріѣхавшій сюда на нѣсколько спектаклей. Г. Брагинъ имѣлъ особенно шумный успѣхъ въ „Демонѣ“, онъ споетъ еще четыре спектакля. Въ общемъ дѣла товарищества весьма недурны. За ноябрь товарищество раздѣлило по 70 к. на марку, покрывъ авансы предыдущаго періода. Вѣроятно, и предпраздничный періодъ дастъ оперѣ такой же результатъ. А на праздникахъ будетъ совсѣмъ хорошо. Опера остается въ Ком. клубѣ и на будущій сезонъ.

Въ драматическомъ театрѣ главныя усилія сосредоточены были на „Анатѣмѣ“, на ея постановкѣ и проведеніи черезъ „мѣстную цензуру“. По слухамъ, пьесу читали и духовное вѣдомство, и судебное, и административное. Кое-что каждое изъ нихъ выбросило, а затѣмъ просмотрѣли и пьесу дважды на репетиціи и, наконецъ, ее „пропустили“... Все это прямо пахнетъ анекдотомъ... „Анатѣма“ прошла два раза подрядъ при аншлагѣ и назначена она четыре дня подъ рядъ по бенефиснымъ цѣнамъ. Поставлена пьеса съ большою тщательностью и играютъ ее любовно, съ искреннимъ увлеченіемъ. Это трогающе и волнуетъ чуткихъ зрителей. Со стороны артистовъ сдѣлано все, чтобы вывить по мѣрѣ своихъ силъ желанія автора, — и въ этомъ отношеніи первенство принадлежитъ г. Шмиту, нашедшему превосходный тонъ для Лейзера, простой, сердечный, благостный и безъ всякихъ акцентуаций — не хватаетъ ему только въ моменты большого духовнаго напряженія силъ, — онъ сгибается подъ тяжестью своей драматической ноши. Много интереснаго даетъ г. Двинскій въ главную роли, ведя ее въ духѣ посартовскаго Мефистофеля, съ преобладаніемъ сарказма и ироніи надъ безстрастіемъ и окаменѣлой жестокостью. Талантливый артистъ сильно напомнилъ мнѣ прославленнаго нѣмецкаго Мефистофеля; взялъ онъ кое-что, вѣроятно, и у Левинскаго, — и сіе не въ укоръ ему: такими образами подражать не зазорно, а почетно... Изъ остальныхъ я могу отозваться съ похвалой о г. Литвиновѣ, удивительно подошедшемъ къ роли Наума, и о г. Сорочанѣ, рѣдко типичномъ, естественномъ Лейбке-музыкантѣ, — г. Сорочанъ самъ играетъ очень недурно на скрипкѣ... Нѣкоторые эпизоды пьесы производятъ глубокое впечатлѣніе, — и это, конечно, не тѣ, гдѣ трактуются вопросы философскіе: прологъ и эпилогъ всего меньше произвели впечатлѣнія... Поставлена пьеса А. Н. Соколовскимъ; онъ съ честью выполнилъ свою задачу; но жаль, что пьесу не подсократили, а то публика устаеетъ весьма замѣтно, — къ тому же антракты затягиваютъ спектакль до 2-хъ ч. ночи. Часѣ публики уходитъ задолго до конца. Декораціи написаны И. А. Суворовымъ съ обычнымъ талантомъ. Болѣе удачно вышла — лѣпная декорація пролога и эпилога.

Серія бенефисовъ, прошедшихъ до сихъ поръ, поражаетъ своей неудачей въ матеріальномъ отношеніи. Дѣйствительно, выдался рѣдкій въ этомъ отношеніи сезонъ! Сборы идутъ 130 р. („Эльга“) и не выше 650 р. („Орленокъ“), что здѣсь не бывало еще никогда! Мнѣ искренно жаль артистовъ, обреченныхъ уплачивать вечерovýchъ по 400 руб. Это треть полнаго сбора. Въ дюковскіе времена, когда бенефисы чуть ли не всѣхъ главныхъ персонажей шли съ аншлагами, вечерovýchъ было 250 р...

Въ театрѣ Грикке у г. Коралли-Торцова по праздникамъ биткомъ, а въ будни дѣлаютъ сборы — „Вѣльные вороны“, „Дѣти XX вѣка“, „Разгромъ въ 1812 г.“. Бенефисы и зѣвсъ малоудачные. Г-жа Линецкая поставила „Юланту“ и „Полудѣвъ“, а г-жа Высоцкая — „Княжну Тараканову“. Неудача постигла постановку „Бранда“ Ибсена, которому предшествовалъ рефератъ А. А. Станкевича о великомъ норвежскомъ писателѣ. Г. Новиковъ не справился съ своей ролью и публика осталась равнодушной къ пьесѣ, которую видѣла впервые, такъ какъ много лѣтъ тому назадъ „Бранда“ ставилъ здѣсь проѣздомъ г. Орленевъ.

„Голубой глазъ“ продолжаетъ свою мобилизацію, — въ составъ его входитъ все большее и большее число профессионаловъ — и это, конечно, къ его успѣху. Спектакли становятся теперь болѣе регулярными и разнообразными. Руководители этого симпатичнаго предпріятія, однако, далеко еще не овладѣли его идеей и топчутся на одномъ мѣстѣ... На праздникахъ „Голубой глазъ“, вѣроятно, покажетъ новый репертуаръ; пока же матеріальныя дѣла его среднія. *И. Тавридовъ.*

Хроника — продолжение.

Малый театр. „Въ странѣ любви“ г. Туношенскаго. Молодой помѣщикъ князь Сицкій—сынъ своего вѣка—увлекается воздухоплаваніемъ. Последній крикъ моды! Но, увы! изобрѣтенія его въ этой области терпятъ горькую, всероссийскую участь т. е. летаютъ исключительно въ воображеніи изобрѣтателя, отдающаго имъ всѣ свои силы, время и деньги. Между тѣмъ прелестная Нелли, жена князя, вышедшая за него по любви—оскорблена отношеніемъ мужа, въ жизни котораго она играетъ только второстепенную роль и мстятъ за „авіатику“ мужа, уѣзжаетъ въ Ялту, гдѣ окружаетъ себя безчисленными поклонниками, восхищающимися ея аристократической красотой и оригинальнымъ умомъ и тѣми же качествами возстановляетъ противъ себя всѣхъ мѣстныхъ дамъ. Князь, до котораго дошли слухи о предосудительномъ поведеніи жены—чувствуетъ, что любовь его къ ней вспыхнула съ прежней страстью (тѣмъ болѣе, что дирижабли потерпѣли фіаско!) является тайно въ Ялту—гдѣ переодѣвается татаринкомъ—проводникомъ и, желая испытать „добродѣтель“ супруги—ухаживаетъ за ней. Нелли, мгновенно узнавшая мужа—тѣмъ не менѣе долго мучается и дразнитъ его и все заканчивается великолѣпно: горе авіаторъ, убившись, что княгиня, несмотря на всѣ свои авантюры, не запятала княжескаго герба—заклываетъ ее въ свои объятія подъ шумъ и гамъ веселаго Ялтинскаго карнавала. Отнынѣ—никакія аваріи не будутъ угрожать княжескому благополучію.

Такова послѣдняя пьеса г. Туношенскаго, поставленная 14-го декабря въ Маломъ театрѣ.

Впрочемъ, у той части публики (къ сожалѣнію—преобладающей), которая не ищетъ въ театрѣ ничего кромѣ легкита, „веселыхъ“ впечатлѣній—пьеса имѣла успѣхъ и будетъ имѣть его. Героиней вечера слѣдуетъ признать г-жу Музиль-Бороздину, восхитительно кокетничавшую Нелли, показавшую рядъ туалетовъ чисто французскаго „сашетъ“. Очень хороша такъ же г-жа Холмская, блеснувшая тонкимъ типичнымъ юморомъ въ роли молодящейся, „жаждущей любви“ богатой купчихи Коромысловой. Мила и забавна г-жа Кирова (маленькая роль институтки), хотя вообще всѣ создаваемые ею образы подростковъ—слишкомъ похожи одинъ на другой. Партнеръ ея (гимназистъ) г. Василенко—также вызвалъ дружный смѣхъ и аплодисменты публики.

Г. Добровольскій не совсѣмъ выдержанно провелъ князя Сицкаго—но держится онъ на сценѣ увѣренно и изящно, а въ костюмѣ татарина—кстати—весьма ему идущемъ—комично имитируетъ акцентъ Г. Шмитдгофа—проводникъ Мехметъ—удачно подчеркнул животную тупость и пошлое фатовство этого дамскаго баловня. Г. Тарскій (влюбленный въ Нелли старый предводитель дворянства) шаржировалъ и въ гримѣ и въ исполненіи. Хотѣлось бы видѣть менѣе сгушенныя краски и у даровитаго г. Лося (Голошаповъ). Г. Хворостовъ—неудурный художникъ Харченко—нѣсколько „сырой“, но благородный представитель артистической богемы. Поставлена пьеса г. Главацкимъ очень жизненно и эффектно. Особенно хорошъ залитый солнцемъ уголокъ Ялты.

Шедшій „для сѣзда“ граціозный, одноактный „эпизодъ“ изъ жизни Бенвенуто Челлини, А. Федорова—построенный на той же темѣ „любви“—написанный граціозными стихами и проникнутый тонкимъ пониманіемъ эпохи—не былъ достаточно оцѣненъ „большой“ публикой, что, конечно, нисколько не умаляетъ его достоинствъ. Изъ исполнителей на мѣстѣ здѣсь оказался только г. Вастуновъ, одинъ изъ немногихъ артистовъ, умѣющихъ носить костюмы всѣхъ временъ и народовъ

З. В.

* * *

Невскій Фарсъ. Для бенефиса г-жи Антоновой поставленъ былъ новый, веселый, остроумный фарсъ „Нанси и Армонъ“, идущій одновременно и на французской Михайловской сценѣ,—„Теодоръ и К^о“.

Тема его—„на нашъ вѣкъ хватитъ дураковъ“, которыхъ будутъ обчищать ловкіе „наполеоны“ въ области легкой наживы. Главнаго „наполеона“ играетъ г. Смоляковъ. Роль даетъ массу комическихъ положеній; артистъ представляется то лакеемъ, то полицейскимъ, то пожарнымъ, то сводней—маленькой мнимой „этуали“. Игралъ г. Смоляковъ прекрасно. Изащно, съ мягкимъ юморомъ играетъ г. Вадимовъ роль слабовольнаго мужа, а г-жа Вал. Линъ бойко исполняетъ его жену, прибѣгающую для сокрытія интрижки къ невинному самозванству и морочащую мужа, увѣреннаго, что онъ увлекается модной пѣвчичкой, „какъ двѣ капли воды“ похожей на жену. Взрывы смѣха вызываетъ сцена, когда мужъ стоитъ на границѣ измѣны женѣ... съ ней самой. Смѣшить и г. Николаевъ, въ роли ловеласа, которому необходима „постепенность“ въ увлеченіяхъ и который пасуетъ при внезапныхъ „возможностяхъ“. Изъ остальныхъ, кромѣ способнаго г. Вронскаго, некого выдѣлить. До унынія слаба передѣлка по Оскару Метенье—„Реваншъ борца“ на тему, родственную „Пяццамъ“ и „Страшному кабачку“. Сюжетъ для „Гиньоля“ среди об-

становки кафе-шантана, на почвѣ ревности одинъ борецъ душилъ другого. Пьесу поставили, очевидно, для того, чтобы эффектная бенефициантка, г-жа Антонова могла протанцевать въ испанскомъ костюмѣ, что она и сдѣлала съ успѣхомъ, получивъ и цвѣточныя и ювелирныя подношенія. Она-же выступала и какъ имитаторша „босыхъ“ танцевъ въ малоинтересномъ обзорѣ „Веселый Петербургъ“. Н. Тамаринъ.

* * *

Пятый симфоническій концертъ Русскаго Музыкальнаго Общества вышелъ довольно скучнымъ и блѣднымъ. Симфонія московскаго композитора Гедике обличаетъ хорошаго техника и серьезнаго музыканта, но не согрѣта огнемъ вдохновенія. Написанная подъ влияніемъ Гетевскаго Фауста, она не является однако, ни программою, ни пьесою настроенія, ни музыкою духа. Эта неопредѣленность придаетъ ей нѣкоторую безцѣльность. Темы недостаточно ярки и даже искусная обработка не способна придать имъ жизненность. Изъ четырехъ частей наилучше слѣдуетъ считать третью. Здѣсь, въ формѣ скерцо, композитору удалось создать музыкальный пейзажъ поразительной красоты, въ которомъ ярко схвачены не только внѣшнія черты ландшафта, но и настроенія, навѣваемые природою. Расхолаживающее впечатлѣніе, къ сожалѣнію, въ ней производитъ тріо. Увертюра Чайковскаго къ „Ромео и Джульеттѣ“ хорошо извѣстна своими первоклассными красотами. Она давно вошла въ репертуаръ лѣтнихъ оркестровъ. Чтобы произвести впечатлѣніе на публику, она должна быть виртуозно исполнена. Въ данномъ случаѣ, этого не было. Г. Кусевицкій дирижировалъ безъ особаго подъема и не вполне увѣренно. Такъ же заурядно была исполнена увертюра Берлиоза „Бенвенуто Челлини“. вмѣсто заболѣвшей Айно Актъ, выступилъ баритонъ берлинской королевской оперы, Ванъ-Хульст. У него не особенно содержательный голосъ, матовый по тембру, лишенный металла и звучности. Въ декламационной сторонѣ исполнения пѣвецъ проявилъ много вкуса и музыкальности, но, въ чисто вокальномъ отношеніи, подобно большинству нѣмецкихъ пѣвцовъ, оставляетъ слушателя неудовлетвореннымъ. Арію изъ „Тангейзера“ онъ исполнилъ блѣдно. Гораздо лучше спѣты были три пѣсни Рихарда Штрауса, изъ которыхъ „Standchen“ является истиннымъ перломъ созданія. Артисту пришлось биссировать. Нельзя умолчать о чудесномъ аккомпаниментѣ г. Дулова, который не только умѣетъ сливаться съ духомъ произведенія, но и съ индивидуальностью пѣвца. Его аккомпаниментъ органически сплетается съ передѣлкою артиста въ одно гармоничное цѣлое.

И. Кнорозовскій.

* * *

Курсы Полланъ. На драматическомъ отдѣленіи курсовъ преподаетъ, наряду съ гг. Юрьевымъ, Дарскимъ и Ждановымъ, и г. Мейерхольдъ. Передъ первымъ своимъ спектаклемъ (2-го курса) онъ сказалъ вступительное слово, въ которомъ, заявивъ, что придаетъ жесту и позѣ первенствующее значеніе и учениковъ прежде всего упражняетъ на выраженіи исполняемаго пластическимъ путемъ, идя отъ него къ рѣчи...

Г. Мейерхольдъ проповѣдуетъ сценическую рѣчь, въ которой слова должны монотонно падать, „какъ капли дождя“ (см. его статью въ книгѣ „Театръ“ изд. „Шиповника“).

Ученики его просто не умѣютъ читать, и если музыка, ритмъ стиха, по мнѣнію учителя, должны устранить логическія и художественныя ударенія, экспрессию интонацій, можно только пожалѣть о ложномъ направленіи молодежи, гипнотизируемой мишурнымъ авторитетомъ г. Мейерхольда.

Программа его ученическаго спектакля—опять „вывертъ“ и претензія. На ней нѣтъ заглавій пьесъ и авторовъ. Зрители должны отгадывать ихъ по „либретто-шарадамъ“ г. Мейерхольда, весьма сомнительнымъ съ точки зрѣнія литературности и художественности. Выписываю:

„Онъ полюбилъ ее. Ее любитъ его другъ. Онъ это знаетъ. Они слышатъ голосъ, который возвышается, что на кораблѣ поднятъ черный парусъ (черный парусъ означаетъ смерть его друга, находящагося больнымъ на кораблѣ). Онъ, услышавъ про черный парусъ, мучается, проситъ презирать его. Она его успокаиваетъ. Оказывается голосъ былъ не правъ—на кораблѣ поднятъ бѣлый парусъ“.

Понимайте, что это—изъ „Принцессы Грезы“ Ростана.

Очаровательны: „друга, находящагося больнымъ“, „проситъ презирать его“, „голосъ былъ не правъ“!

Еще перлъ г. Мейерхольда:

„Они любятъ другъ друга. Онъ подозрѣваетъ свою невесту въ измѣнѣ, отравляетъ ее, затѣмъ отравляется и самъ. Изъ предсмертныхъ ея словъ онъ узнаетъ, что она невиновна въ его подозрѣніи“.

Это—„Коварство и любовь“ Шиллера. „Невиновна въ подозрѣніи“—превосходно!

На ученическомъ спектаклѣ ученики лазали по задрапированнымъ столамъ, изображавшимъ храмы и горы, принимали позы, замаскированные изъ изображеній на „саркофагахъ“ и все-таки съ такимъ учителемъ, какъ бы ученики „ни вставали, ни сажались“, они не погодятся въ „музыканты“. Позы

были неумѣлы и „нарочны“, часто совершенно не соответствуя положеніямъ и переживаніямъ. *Н. Тамаринъ.*

* * *

Придворный оркестръ далъ два концерта подъ управленіемъ Никиша. Нужно-ли говорить, что концерты представили огромный художественный интересъ? Первый вечеръ былъ посвященъ русскимъ авторамъ и, несмотря на участіе Никиша, не собралъ полного зала. Большую публику, повидимому, пугала третья симфонія (Божественная поэма) Скрябина. Хотя около имени этого композитора, въ послѣднее время, возникъ цѣлый культъ, но поклоняется ему лишь тѣсный музыкальный кружокъ. Большая же публика относится къ его новѣйшимъ сочиненіямъ съ недоумѣніемъ, а то и съ протестомъ. Это только временное явленіе. Скоро Скрябинъ сдѣлается такимъ же общепризнаннымъ авторитетомъ, какъ Рихардъ Штраусъ и другіе музыкальные новаторы нашего времени. Огромный талантъ композитора чувствуется всѣми, но лишь немногіе способны разобратъ въ сложности его замысловъ и изощренности его фигуры. Въ „Божественной симфоніи“ Скрябинъ еще не отрѣшился отъ подражанія Вагнеру и Штраусу, онъ еще не вышелъ на свою самостоятельную дорогу, но онъ уже въ преддверіи „Поэмы экстаза“, гдѣ мощное дарованіе Скрябина сразу кристаллизуется, становится самобытнымъ и создаетъ свой собственный языкъ, полный захватывающаго краснорѣчія и яркости красокъ. „Божественная симфонія“ состоитъ изъ трехъ весьма объемистыхъ частей, исполняемыхъ непрерывно. Это предъявляетъ чрезвычайныя требованія выносливости слушателя. Трудно такъ долго слѣдить за произведеніемъ съ неослабвающимъ вниманіемъ, — тѣмъ болѣе, что все время требуется крайнее напряженіе, чтобы не быть подавленнымъ сложною полифоническою тканью, изысканностью гармоній и ухищреніями инструментальной. Это подлѣ силу лишь немногимъ, да и то только послѣ тщательнаго изученія партитуры или многократнаго слушанія симфоніи. Не осилили произведенія и самъ дирижеръ, даромъ что Никишъ такой крупный талантъ. Давно замѣчено, что Никишъ великъ только въ опредѣленномъ репертуарѣ, соответствующемъ индивидуальному складу его души, — какъ, напримеръ, въ произведеніяхъ Чайковского, Вагнера и, отчасти, Бетховена. Конечно, онъ не испортилъ произведенія, къ какому-бы стилю оно ни принадлежало, но онъ и не придаетъ ему яркаго художественнаго рельефа. Такъ было и со скрябинскою симфоніею. Все было корректно, гладко, на своемъ мѣстѣ, но не хватало души. Такъ же добропорядочно — не болѣе — были исполнены: вступленіе къ оп. „Le Flibustiere“ Кюи и увертюра „Гамлетъ“ А. С. Танѣва. Послѣдняя увертюра — одно изъ наиболѣе зрѣлыхъ и продуманныхъ произведеній г. Танѣва. Правда, композиторъ не бѣжалъ всесторонне личности несчастнаго датскаго принца. Въ его музыкѣ есть трагическая сила, но недостаетъ сарказма, изыщанной грусти и болѣзненной порывистости, столь свойственныхъ шекспировскому герою. Но если на эту увертюру смотрѣть исключительно съ музыкальной точки зрѣнія, безотносительно къ какому-бы то ни было идейному содержанию, то произведеніе слѣдуетъ признать заслуживающимъ серьезнаго вниманія. Въ немъ есть цѣльность настроенія и богатство музыкальнаго выраженія. Во всѣхъ упомянутыхъ вѣщахъ, какъ я уже сказалъ, Никишъ не возвышался надъ уровнемъ строгой корректности. Но за то онъ развернулся во весь ростъ во „Франческа да Римини“ Чайковского. Здѣсь знаменитый дирижеръ выказалъ стихійную мощь темперамента, тонкое пониманіе оркестровыхъ красокъ, замѣчательное мастерство дирижерской техники и глубину художественной интерпретации. Это было поистинѣ гениальное исполненіе. Яркимъ заревомъ вспыхнули сердца слушателей. Весь залъ трепеталъ въ умиленіи восторга. По окончаніи концерта, публика устроила своему любимцу горячую овацію. Апплодисментами и вызовами не было конца.

Гораздо удачнѣе былъ второй концертъ. Онъ привлекъ уже полный залъ. Во главѣ программы стояла четвертая симфонія Брамса. Творчество этого композитора мало родственно дарованію г. Никиша. Поэтому, и исполнена была симфонія, что называется, изъ кулъка да въ рогожку. Но уже съ третьей увертюры къ „Леонорѣ“ Бетховена Никишъ вступаетъ въ свою стихію. Онъ увлекаетъ страстно порывистостью истолкованія, яркостью образовъ и обиліемъ тонкихъ, весьма художественно задуманныхъ деталей. „Донъ-Жуанъ“ Р. Штрауса даетъ дирижеру новый поводъ выказать во всемъ блескѣ виртуозность его капельмейстерской техники и проникновенность истолкованія. Въ берліозовскомъ переложеніи для оркестра „Aufforderung zum Tanz“ Вебера Никишъ заставлятъ сердца то тихо млыть въ сладкой истомѣ, то нѣжно грустить, то радостно трепетать въ упоеніи счастья. Восхищенная публика не могла удержаться отъ выраженія восторговъ и шумными апплодисментами заставила преждевременно окончить пьесу: виолончелисту такъ и не пришлось окончить своей послѣдней фразы. Но восторги публики достигли своего апогея въ увертюрѣ къ „Тангейзеру“. Это произведеніе — конекъ г. Никиша. Онъ, дѣйствительно, исполняетъ увертюру неподражаемо, съ массою красивыхъ и оригинальныхъ эффектовъ. Особенно

эффектно выдѣленіе валторнами фразы, контрапунктирующей основной темѣ. Трудно передать энтузіазмъ публики. Залъ Дворянскаго Собранія стоналъ отъ неистовыхъ рукоплесканій и грохота стульевъ. На растроганнаго дирижера сыпался дождь цвѣтовъ.

Грандиозный успѣхъ Никиша былъ-бы немислимъ, еслибъ онъ не управлялъ такимъ замѣчательнымъ оркестромъ, какъ Придворный. И дѣйствительно: оркестръ чутко проникался внушеніями своего руководителя, угадывалъ его намѣренія, подчасъ самая тонкія и неуловимыя, и осуществлялъ ихъ съ виртуознымъ блескомъ, доступнымъ только первокласснымъ музыкантамъ. Было-бы желательно, чтобы этотъ прекрасный оркестръ, превосходно дисциплинированный и проникнутый серьезными художественными стремленіями, почаще выступалъ на концертной эстрадѣ.

И. Кнорозовскій.

* * *

146 симфоническій концертъ Шереметьева состоялъ изъ произведеній Кюи, по случаю исполняющагося 50-лѣтняго юбилея его музыкальной дѣятельности. Въ началѣ было сыграно скерцо F-dur, съ которымъ дебютировалъ авторъ въ 1853 г. Въ немъ много свѣжести и бодрого настроенія. Затѣмъ послѣдовала общеизвѣстная сюита „A. Argenteau“ и двѣ части изъ „концертной сюиты“ для скрипки. Второе отдѣленіе заняла вокальная музыка. Лучшая его послѣ „Анжело“ опера, „Вильямъ Ратклифъ“, была представлена въ нѣсколькихъ отрывкахъ. Понравился дуэтъ, спѣтый Тобукъ-Черкасъ и Каргашевымъ. Имѣли успѣхъ хоры „Грозныя тучи“ и „Ноктюрнъ“, послѣдній повторенъ. Маститый юбиляръ, при долго несомлавленныхъ апплодисментахъ, былъ встрѣченъ „Славой“ въ оркестрѣ. Потянулся рядъ вѣнковъ... Юбилейное чествованіе закончилось новинкой семидесятилѣтняго автора — пѣсней изъ „Капитанской дочки“, недавно оконченной имъ оперы. Въ ней есть русскій колоритъ, но яркостью она не блещетъ.

В. С.

* * *

Юбилей „Вампуки“. 17 декабря въ „Кривомъ Зеркалѣ“ состоялось сотое представленіе „Вампуки“ (всего, съ гастролемъ, „Кр. Зеркало“ сыграло „Вампуку“ — 152 раза). Авторъ В. Г. Эренбергъ, написавшій музыку и обработавшій фелетонъ кн. Волконскаго въ остроумное либретто, получилъ вѣнокъ и жетонъ отъ дирекціи театра. Режиссеръ бар. Унгернъ сказалъ въ своемъ привѣствіи, что никакая критика не могла такъ подорвать оперныя условности, какъ это сдѣлала „Вампука“, ставшая нарицательнымъ именемъ. Всѣ исполнители „Вампуки“, числомъ 15, получаютъ также жетоны. Изъ исполнителей г. Шалковский выступалъ 100 разъ, Н. Ф. Икаръ — 99 разъ. Въ юмористическихъ стишкахъ ходившихъ по рукамъ, въ стилѣ „Вампука“ воспѣвается „о, ком! о по! о композитору!“

* * *

Мы получили цѣлую кипу вырѣзокъ изъ англійскихъ газетъ по поводу гастролей Л. Б. Яворской въ Лондонѣ.

Лондонскія газеты отзываются съ большою похвалою о гастролѣхъ артистки. При этомъ очень большое вниманіе газеты обращаютъ на княжескій титулъ Л. Б. Яворской и признаютъ ее „достойной носить его“, какъ „женщинѣ умной, красивой и полной очарованія“. Очень любезно, какъ видите. О „Дамѣ съ камеліями“ читаемъ:

„Г-жа Яворская не побоялась сравненія съ Дузъ и С. Бернаръ и сумѣла освѣтить роль новымъ свѣтомъ, толкуя ее по своему. Передъ нами была большая актриса, владѣющая сценой и своимъ темпераментомъ“.

„Г-жа Яворская несомнѣнно одна изъ крупнѣйшихъ актрисъ нашего времени. Игра ея проста и естественна. Она сибется на сценѣ отъ души и плачетъ такъ искренно, что мы ей вѣримъ“.

Очень хорошо игралъ Дювалъ г. Кельхъ. Г. Радолинъ, игравшій Армана, былъ, пожалуй, нѣсколько неуклюжъ, но можетъ быть, это создавало иллюзію молодости.

Изъ остальныхъ отмѣтимъ г-жу Вертеръ, мило игравшую Нанину. Какъ видите, все очень мило.

Въ другой газетѣ находимъ такіе подзаголовки: „Русскій реализмъ“. *Княгиня Барятинская торжествуетъ еще одну побѣду. Гнѣхъ ея жуежъ.*

Далѣе слѣдуетъ:

„Князь Барятинскій сдѣлалъ честь прочтя передъ поднятѣмъ занавѣсы вступительную рѣчь на англійскомъ языкѣ о новой роли своей очаровательной жены въ пьесѣ Островскаго „Іоаннъ Грозный“ (Вас. Мелентьева)“.

Князь Барятинскій говоритъ по-англійски лучше любого англичанина; онъ принялъ своей рѣчи оттънокъ тонкаго юмора, овладѣлъ и покорилъ аудиторію также всецѣло, какъ и его жена. Князь Барятинскій говорилъ въ продолженіе четверти часа и ему была оказана аудиторіей рѣдкая честь для конферента — онъ былъ вызванъ апплодисментами и выходилъ кланяться. Затѣмъ шелъ послѣдній актъ „Іоанна Грознаго“. Царственные одежды очень шли къ артисткѣ. Можетъ быть роль не давала ей матеріала для полного проявленія ея высокаго дарованія, но въ общемъ въ зрителяхъ осталось впечатлѣніе рѣдко удачнаго сліянія поэзіи и реализма“.

И пр. въ такомъ же родѣ.

Въ Петербургъ уже возвратились актеры, ѣздившіе съ Л. Б. Яворской: гг. Реутовъ, Радолинъ, Кельхъ и др. Отъ джентльмэнства англичанъ актеры въ чрезвычайномъ восторгѣ. Встрѣчали апплодисментами не только г-жу Яворскую, но и актеровъ, напримѣръ, г. Реутова, игравшаго Грознаго. Образцы джентльмэнскихъ рецензій мы уже привели выше. По словамъ актеровъ, предупредительность нѣкоторыхъ рецензій доходила до того, что онѣ появлялись *до спектакля*. А вотъ на условія жизни въ Лондонѣ и на климатъ очень жалуются. Сборы были умѣренные.

Письма въ редакцію.

М. г. 20-го января 1910 г. исполняется тридцатилѣтіе сценической дѣятельности артиста и режиссера Александра Иосифовича Краснова.

Коммисія по организациі чествованія юбиляра приглашаетъ всѣхъ лицъ, желающихъ присоединиться, направлять всякаго рода привѣтствія по адресу: Каменецъ-Подольскъ. Театръ. Коммисіи.

Члены коммисіи: Н. Е. Кожевникова-Егорова, В. А. Дюбюкъ, Надежда Мрозовская, Е. А. Панифоновская, Н. Е. Бѣльскій, Л. М. Гологовскій, П. П. Дубовицкій, А. К. Мирскій, Н. Плесковъ, А. Раскинъ-Дниксаръ.

М. г. Мы нижеподписавшіеся артисты херсонскаго городского театра, глубоко возмущенные некультурной выходкой режиссера орловскаго театра Невѣдомова, выражаемъ свое сочувствіе суфлеру Леониду Алексѣевичу Грау.

Антрепренеръ Н. Д. Лебедевъ, режис. К. Н. Фелоровъ, администраторъ М. Пламъ, К. Чернышевъ, Евгений Норскій, Борисъ Путята, А. Крамовъ, Лидія Лѣсная, Н. Н. Волохова, И. Волинъ, Евгений Герцманъ, С. Городецкій, В. Ремеръ, К. А. Давидовскій, І. Кувицинскій, Н. Алексѣева, Н. Н. Кручининъ, Елена Романова, Р. Долина, М. Сковская, П. Яковлевъ, О. Яновская, М. Хижниченко.

Прим. ред. Послѣ извинительнаго письма г. Невѣдомова въ № 50 инцидентъ, казалось бы, вполне исчерпанъ.

М. г. 20-го декабря 1909 года исполнится пятнадцать лѣтъ служенія на сценѣ артиста и антрепренера Владиміра Семёновича Генбачева-Долина.

Лицъ, желающихъ почтить въ этотъ день юбиляра привѣтствіями и поздравленіями, покорнѣйше просятъ адресовать таковыя по слѣдующему адресу: Гельсингфорсъ. Русскій театръ, коммисія. Н. П. Райская-Доре, Бэлла Арбелина, В. Н. Петрова-Волина, Г. Ф. Демуръ, С. М. Тарасовъ, Г. В. Кудрявцевъ, К. Н. Сахаровъ.

М. г. Нѣчто о терпимости нашей корпораціи. Исторія, которой я хочу подѣлиться со своими товарищами, едва ли будетъ новостью... (Какихъ только исторій! мы не читали на страницахъ „Т. и Иск.“!) Меня занимаетъ она не столько сама по себѣ, но, главнымъ образомъ, по отношенію къ тому, какъ реагируетъ—и реагируетъ ли?—на такіе факты наша среда. Самый фактъ, можно сказать, необычайный. Нынче осенью, познакоившись въ бюро съ г-жей Правдичъ (фондёръ Лауницъ), и имѣя въ виду снять небольшой городъ на предстоящій зимній сезонъ, я предложилъ ей войти въ компанію, на что она и согласилась. Я поставилъ неслучайнымъ условіемъ нашего соглашенія—единоличное мое режиссерство и выборъ репертуара. Рѣшили снять театръ въ Ржевѣ, я остался въ Москвѣ формировать труппу. Кому неизвѣстно, что за трудъ составить труппу для небольшого дѣла поздней осенью? Наконецъ, театръ снятъ; труппа пріѣхала, причемъ почти всѣ получили авансы изъ моихъ рукъ. Не буду вдаваться въ подробности. Скажу лишь, что при выборѣ пьесы для второго спектакля мы окончательно разошлись, и я принужденъ былъ согласиться на предложеніе г-жи Правдичъ остаться только актеромъ на худшихъ условіяхъ. Дѣло повелось, конечно, плохо. 7-го ноября окончился срокъ уплаты жалованья, однако въ теченіе 9 дней, несмотря на мои неоднократныя напоминанія, жалованія я не получилъ. Когда же обратился къ администраціи, г-жа Правдичъ, „обидѣвшись“ на мой поступокъ, отозвала мнѣ отъ службы и я принужденъ былъ обратиться въ судъ, гдѣ я дѣло хотя и выигралъ, но Богъ вѣсть, когда получу деньги. Исторія, какъ видите, довольно обыкновенная для нашей среды. И меня сейчасъ занимаетъ не она, а та широкая терпимость, съ которой относится большинство моихъ коллегъ къ такимъ фактамъ; терпимость, которая часто переходитъ въ прямое содѣйствіе. Среди 10—11 человекъ нашей труппы не нашлось ни одного, который бы счелъ себя обязаннымъ,

въ той или иной формѣ, протестовать противъ поступка г-жи Правдичъ, хотя всѣ знали, что дѣло создано моими руками; почти всѣ приглашены были мной и отъ меня получали деньги; знали, что я теряю цѣлый сезонъ... Нынче лѣтомъ въ „Русск. Сл.“ было напечатано письмо въ редакцію студента о томъ, какъ онъ и его товарищи потеряли весь свой студенческій гардеробъ, благодаря тому, что выручили проѣзжую труппу, поставившую „Дни нашей жизни“ и уѣхавшую, не возвративъ костюмовъ. Тужурки, пальто въ карманъ вѣдь не спрячешь; объ этомъ фактѣ не могла не знать вся труппа. Въ каждой корпораціи есть, конечно, нечестные люди, но вѣдь тутъ не лицо, а цѣлая труппа, 10—12 человекъ, изъ которыхъ ни одинъ ни въ театральномъ, ни въ общей печати, насколько я помню, не отозвался на это грязное обвиненіе и оно осталось пятномъ на цѣлой корпораціи. И такихъ фактовъ нравственной нечистоплотности можно бы указать много. Каждая труппа, съ какой я ни встрѣчался въ теченіе двѣнадцати лѣтъ сценической дѣятельности, заставляла меня задумываться надъ вопросомъ: почему эти люди, говорящіе публично такъ много красивыхъ фразъ,—въ буквальной смыслъ слова представляющие собою „общественныхъ дѣятелей“—такъ безпринципны; такъ чужды всякой общественности?

Въ каждой корпораціи некорректный поступокъ одного члена вызываетъ коллективный протестъ остальныхъ: суды чести корпораціи адвокатуры, врачей, журналистовъ и друг. И каждое оскорбленіе, каждое нарушеніе правъ одного члена корпораціи, заставляетъ реагировать цѣлыя группы: коллективные протесты нашей и заграничной адвокатуры по дѣлу прис. пов. Гиллерсона, коллективные уходы со службы всего медицинскаго персонала изъ нѣсколькихъ земствъ, руководимыхъ реакціонерами и проч., и проч. Все это повседневные факты. Ничего подобнаго я не встрѣчалъ на сценѣ. Мнѣ скажутъ, что сценические дѣятели менѣе обезпечены и потому въ нихъ „шкурный вопросъ“ говорить сильнѣе... Я съ этимъ не согласенъ. Я думаю, что врачъ, прослужившій на одномъ мѣстѣ десятки лѣтъ и оставляющій службу изъ солидарности со своими коллегами—принимать большую жертву, нежели артистъ, теряющій сезонъ.

И я думаю, что театръ станетъ общественнымъ явленіемъ въ широкомъ смыслѣ этого слова только тогда, когда изменятся не только внѣшнія условія, мѣшающія ему развиваться, но когда онъ изменится и внутренно. Когда актеръ будетъ не только красиво говорить—но и красиво чувствовать.

Вас. Бродскій.

М. г. Позвольте мнѣ черезъ посредство вашего уважаемаго журнала, выразить мою искреннюю благодарность товарищамъ и знакомымъ, не забывшимъ меня въ день моего 15-лѣтняго юбилея.

Б. В. Цетковъ.

Малехья хрочика.

*** Въ послѣднее засѣданіе сѣзда германскихъ сценическихъ дѣятелей было внесено, какъ сообщаетъ „Deutsche Theaterzeit“, слѣдующія юмористическія, однако съ привкусомъ горечи, предложенія:

1) Въ каждомъ театрѣ изъ членовъ Союза учреждается особый наблюдательный комитетъ, члены котораго обязательно присутствуютъ при всякомъ разговорѣ директора съ актрисой въ его кабинетѣ.

2) Полученіе разрѣшенія отъ властей на постройку новаго театральнаго зданія можетъ быть выдано лишь въ канцеляріи, которой стѣны сдѣланы изъ чистаго стекла.

„Pour la bonne bouche“—это очень недурно. Полагаемъ, что у насъ можно было бы еще съ большимъ успѣхомъ внести эти предложенія.

*** Изъ писаній г. Андрея Бѣлаго объ „Анатэмѣ“. Въ контуры этой симфоніи ворвался Леонидъ Андреевъ со своими экскламаціями. Экскламаціи, ламентации и сентенціи чорта, обращенныя къ міровому разуму о двухъ ногахъ и съ мечемъ въ рукѣ, напоминаютъ экскламаціи, ламентации и сентенціи захмѣлѣвшаго приказчика, обращенныя къ зеленому змію, а поведеніе этого чорта до мелочей напоминаютъ намъ поведеніе сыщика отъ желтой прессы, имѣющаго порученіе скомпрометировать депутата въ предвыборной агитаціи.

Отъ бѣловато-бѣлесоватаго критика, впрочемъ, иныхъ заключеній и нельзя было ожидать. А любопытно здѣсь вотъ что. Г. Андрей Бѣлый даетъ одинъ изъ образчиковъ своего дубовато-стоеросо-нѣмецко-швабскаго языка. Портить г. Бѣлый русскій языкъ своими „экскламаціями“ нещадно, а пишетъ о засиліи инородцевъ! Да такимъ стоеросовымъ языкомъ, какъ г. Бѣлый, ни одинъ инородецъ не писаль, и хотя, правду сказать, пишутъ они часто по-русски—не по-русски, но не въ такой мѣрѣ, какъ г. Бѣлый.

*** Въ Нью-Йоркѣ пошла новая мода—устройство театральнаго помѣщенія въ подвалахъ высочайшихъ нью-йоркскихъ

домовъ. 1 декабря открыть первый такой театр на 1,800 человекъ.

Дешево, сердито, да и безопасно.

*** Въ копилку курьезныхъ театральныхъ анонсовъ. Кострома. Въ бенефисъ артиста г. Зорина пойдетъ пьеса знаменитаго *мѣстнаго* писателя Н. Потѣхина „Злоба дня“.

Минскъ Губ. Со 2 дня Рождества въ городскомъ театрѣ начнутся спектакли драматической труппы Е. А. Бѣляева. Въ репертуаръ включены новинки сезона: „Анатэма“, „Бѣлая кость“, „Ню“, „Madame Пошлость“ и др.

„М-ме Пошлость“—она же и мамзель...

*** Изъ Бердянска въ „Крымскій Вѣстникъ“ пишутъ объ юбилейномъ спектаклѣ—„Грозѣ“ въ исполненіи труппы М. П. Тамарова.

„Г-жа Истомина въ заглавной роли (Катерина) была очень хороша. Она играла съ большимъ воодушевленіемъ и будто (?) переживала на самомъ дѣлѣ трагическіе моменты Катерины Кабановой“.

*** По поводу запрещенія священникамъ присутствовать въ театрѣ во время университетскихъ торжествъ въ Саратовѣ. „Утро Россіи“ дѣлаетъ слѣдующую справку:

„Въ 1902 г. въ Иркутскѣ, во время празднованія 50-лѣтняго юбилея вост.-сибирскаго отдѣла И. Русск. Геогр. общества, въ городскомъ театрѣ, гдѣ происходило засѣданіе общества, и гдѣ играли два оркестра музыки,—присутствовали въ ложѣ генералъ губернатора архіепископъ Тихонъ, викарный епископъ, настоятель иннокентіевскаго монастыря и ректоръ семинаріи архимандритъ. Многіе представители городского духовенства также занимали мѣста въ креслахъ и ложахъ, и никто не находилъ въ этомъ ничего предосудительнаго“. Любопытно, что объ этомъ говорится, какъ о фактѣ исключительномъ.

*** По поводу снятія „Анфисы“ Андреевъ заявляетъ въ газетахъ: „Театральное чиновничество, основательно невѣжественное, являющееся высшей ступенью капелъдинера, обличено властью губить дѣло. Большие не имѣю дѣла съ казенными театрами“. Лаконично, и quantum satis

По провинціи.

Александрія. Во время представленія въ циркѣ вспыхнулъ пожаръ. Приизошла паника. Къ счастью, публика успѣла спастись. Желтвъ не было. Циркъ сгорѣлъ.

Астрахань. Антрепренеръ театра Плотникова Е. М. Долинъ объявляетъ:

„Въ понедѣльникъ 14 декабря представлена будетъ по усиленнымъ заявленіямъ публики въ 6-й разъ „Неизвѣстная“ („Госпожа Х.“)“.

Неужели еще въ Астрахани „усиленные заявленія публики“ производятъ впечатлѣніе!..

Асхабадъ. Труппа М. М. Петипа закончила свои гастроли 6 декабря постановкой „Анатэмы“. Представленіе закончилось въ... 3 1/2 ч. ночи!

Бѣлостокъ. Намъ пишутъ: Пожарное общество задумало, наконецъ, построить народный театръ въ центрѣ города. Постройка начнется съ весны. Можетъ быть, тогда представится возможность существовать въ Бѣлостокѣ порядочной труппѣ, а то дороговизна и, больше всего, отлаженность отъ центра города театра „Гармонія“ мало заманчивы. А. III.

Воронежъ. На второй и третьей недѣлѣ поста въ городскомъ театрѣ состоятъ гастроли оперной труппы, играющей въ настоящее время въ Харьковѣ.

Вятка. Старая, но вѣчно новая исторія. Въ „Вятск. рѣчи“ помѣщено открытое письмо рецензента газеты къ гг. артистамъ труппы С. З. Ковалевой. Дѣло обычное и заключается оно въ томъ, что артистъ г. Баятинскій, недовольный отзывомъ газеты, пригласилъ рецензента въ контору и въ грубой формѣ потребовалъ отъ него „разъясненія“ по поводу рецензии и благоодно предудредилъ, что если повторится подобная рецензія, то онъ учинитъ надъ рецензентомъ кулачную расправу. Милая бесѣда эта происходила въ присутствіи режиссера г. Краснова и администратора г. Яковбова. Рецензентъ обращается къ артистамъ съ вопросомъ: считаютъ ли они вышеуказанный поступокъ г. Баятинскаго недостойнымъ артиста, набрасывающимъ тѣнь на всю ихъ корпорацію, или же кулачная расправа также можетъ входить, какъ принципъ, въ ихъ отношенія къ прессѣ? „Вопросъ“—нечего сказать...

Екатеринодаръ. На лѣто театрѣ снятъ Н. И. Соболевичевымъ-Самаринымъ. Въ настоящее время Н. И. формируетъ труппу. Уже кончили къ нему г-жа Вульфъ и г. Карѣевъ изъ московскаго театра Незлобина.

Иркутскъ. Намъ пишутъ: Опера вступила на путь гастролей и пополнила свой составъ; приглашены пока: Добрынинъ (теноръ), Томскій (драматическій баритонъ) и для гастролей г-жа Друзякина (сопрано). Спектакли съ участіемъ г. Томскаго привлекаютъ въ театръ публику.

Прекрасные сборы дѣлаетъ и г-жа Друзякина.

Нельзя обойти молчаніемъ, что городская дума въ виду печальныхъ дѣлъ опернаго товарищества дала субсидію въ 5,000 руб., чѣмъ окрылила надежды артистовъ. Затѣмъ хоръ оперы съ марокъ перевели на жалованье послѣ устроенной имъ забастовки. Пополненіе труппы дало также приливъ въ кассу сборовъ, и есть теперь надежда на благополучный исходъ сезона.

П. П. Колотиловъ.

Нишинецъ. На гастроли въ театрѣ Благороднаго Собранія приглашена С. Т. Строева-Сокольская.

Кіевъ. Первое представленіе „Анатэмы“ на „Соловцовской“ сценѣ, по отзывамъ мѣстныхъ газетъ, прошло съ безусловнымъ успѣхомъ. Исполнитель главнѣйшихъ ролей г. Леонтьева (Анатэму) и г. Павленкова (Давида Лейзера) много вызывали. Вызывали также нѣсколько разъ г. Савинова, ставившаго пьесу. Театръ былъ переполненъ.

— Спектакль въ пользу Театр. Общ. въ театрѣ далъ сбора 7,000 руб.

Новороссійскъ. По сообщенію „Баку“, въ Новороссійскѣ постановка „Анфисы“ запрещена губернаторомъ. Подготовившійся „литературный сулъ“—гдѣ „судима“ должна была быть „Анфиса“, губернаторомъ не разрѣшенъ.

Одесса. Драма „забракована“ и въ гор. театрѣ снова водворяется столь милая сердцу и пониманію одесситовъ итальянская опера.

Ходатайство М. Ф. Багрова объ освобожденіи его въ будущемъ сезонѣ отъ совмѣстнаго веденія драмы и итальянской оперы и о разрѣшеніи ему давать, какъ и въ нынѣшнемъ сезонѣ, съ сентябля до поста одну только драму, въ засѣданіи управы разрѣшено слѣд. образомъ: въ ходатайствѣ М. Ф. Багрова о разрѣшеніи ему давать въ сезонѣ 1910—11 гг. одну только драму—отказать, но разрѣшить г. Багрову, въ случаѣ, если онъ пожелаетъ, давать съ сентябля до поста только оперу, а драму въ необязательномъ сезонѣ.

Т. О. съ сентябля до поста въ Гор. театрѣ будетъ опера (русская или итальянская), а съ поста—драма.

Въ виду такого постановленія Думы, г. Багровъ приступилъ къ переговорамъ о снятіи на будущій сезонъ Сибиряковскаго театра для драмы. Г. Багровъ предполагаетъ создать общедоступный театръ, назначивъ цѣны на мѣста при котоыхъ полный сборъ достигаетъ всего 1,000 руб. Въмѣстѣ съ тѣмъ, труппа будетъ составлена съ бюджетомъ въ 12,000 руб.

— Присланное намъ и помѣщенное въ прошломъ № сообщеніе о назначеніи ревизіи дѣлъ трезвости не соответствуетъ дѣйствительности.

— Распоряженіемъ учебнаго начальства въ Одессѣ воспрещено воспитанникамъ учебныхъ заведеній посѣщать пьесу „Дѣти XX вѣка“.

Пенза. Намъ пишутъ: Вся надежда на рождественскіе праздники. Сейчасъ по прежнему сборы ничтожны, и артисты труппы г-жи Ризъ, по слухамъ, согласились удовлетворяться только третьей частью обусловленнаго содержанія.

Репертуаръ самый пестрый и безалаберный: ни плана, ни системы; доигрались даже до „Веселой вдовы“. Неловко было видѣть героиню г-жу Троицкую, выплывающую „гопъ-ля, гопъ-ля“ въ дуэтѣ съ княземъ Данилой, и при томъ подъ духовой оркестръ военной музыки.

Но грѣшно осудить, потому что „нужда научить пѣсни пѣть“. Но и этотъ спектакль сбора не далъ.

П. Ф.

Рига. К. Н. Незлобинъ, по сообщ. „Рижск. Вѣд.“, отказался отъ дальнѣйшей антрепризы въ Ригѣ. Г. Михайловскій, какъ извѣстно, велъ дѣло самостоятельно, является лишь представителемъ г. Незлобина въ Ригѣ.

Ростовъ-на-Дону. А. Ф. Швамъ, снялъ у И. В. Чернова, кромѣ „Буффа“, еще и зимній машинкинскій театръ срокомъ на 5 лѣтъ.

— Съ 26 декабря въ машинкинскомъ театрѣ начинаются спектакли оперной труппы В. М. Миллера, которая сейчасъ играетъ въ Царицынѣ.

Саратовъ. Н. И. Соболевичевъ-Самаринъ ведетъ переговоры объ арендѣ городского театра.

Томскъ. „Сиб. Отг.“ отмѣчаютъ отсутствіе сборовъ на спектакляхъ оперной группы. „Два бенефиса двухъ лучшихъ артистовъ труппы прошли безъ сборовъ. Неужели и на бенефисѣ Софіи Марковны Тиманиной—даровитой, талантливой артистки оперной труппы не будетъ публики?“

Но, къ ужасу газеты, и бенефисъ „Софіи Марковны“ сбора не слѣпалъ: „театръ былъ на половину пустъ“.

„Какой же антрепренеръ поѣдетъ въ Томскъ на будущее время при такомъ равнодушіи ко всѣмъ почти сценическимъ зрѣлищамъ!“ восклицаетъ газета.

„Очень грустные подобные факты... Можетъ быть, виной всему то, что у насъ нѣтъ театра, а публика неохотно идетъ въ собраніе, гдѣ нѣтъ ни ложъ, ни галерки... Все можетъ быть: тѣмъ не менѣе, бенефисъ такой артистки, какъ г-жа Тиманина, слѣдовало бы почтить и не отнестись къ нему столь грубо равнодушно (другого названія не придумаемъ)“.

Тула. Въ номерахъ Тихонова повѣсилъ артистъ Чаплинскій.

Харьковъ. Странное письмо въ редакцію владѣльца театра „Колизей“ г. Муссури напечатано въ мѣстныхъ газетахъ:

„Появившееся 15 сего декабря объявление о томъ, что съ 26 декабря 1909 г. въ моемъ театрѣ „Колизей“, начнутся спектакли товарищества русско-малорусскихъ артистовъ подъ управленіемъ и режиссерствомъ Алексѣя Львовича Суходольскаго, пока не соответствуетъ дѣйствительности, ибо театръ мой никому не сданъ“.

— 14-го декабря, въ Михайловской церкви священникъ продалъ Л. Андреева за „Анатѣму“ проклятiю.

— Съ 26 декабря въ Маломъ театрѣ начнутся спектакли оперной труппы С. И. Крылова.

— Бенефисы въ драматическомъ театрѣ даютъ очень плохіе сборы. Пьесы ставятся кое-какъ, на спѣхъ, и это до известной степени подорвало довѣріе къ рядовымъ новинкамъ: публика знаетъ, что пьеса ставится на одинъ разъ и не ожидаетъ поэтому тщательнаго исполненія. Но пришедшая публика очень тепло принимаетъ артистовъ, поднося цѣнты и подарки. Въ бенефисъ г-жи Славичъ возобновлена была ком. „Въ обществѣ скуки“, г. Надеждинъ поставилъ „Фею-капризъ“ „Кавалерійскую атаку“, г-жа Васильчикова—„Золотую свободу“, г-жа Кварталова—„Орленка“, г. Двинскій—„Дмитрія Самозванца“, г. Маликовъ—„Эльгу“ и г. Брошлѣ—„Г-жу Пошлость“. Нѣкоторыя изъ этихъ пьесъ поставлены были крайне небрежно, безъ надлежащихъ костюмовъ и декораций... Въ „Орленкѣ“, напр., дошло до того, что французскій повѣреннѣйшій явился въ видѣ гусарскаго вахмистра русскаго полка... Изъ всѣхъ этихъ пьесъ удержалась „Фея капризъ“, въ которой мило играетъ г. Надеждинъ.

— Въ „Колизеѣ“ Муссури съ Рождества по великій постъ будетъ подвизаться труппа г. Суходольскаго, путешествующая сейчасъ по Румыніи съ хорошимъ успѣхомъ. Труппа играла въ Букарештѣ въ присутствіи короля и удостоилась большихъ похвалъ.

— На будущій сезонъ театръ г. Муссури снимаетъ г-жа Зарайская подъ драму. Пермская антрепренерша имѣетъ въ виду создать здѣсь большое дѣло, не останавливаясь передъ затратами. Въ театрѣ Муссури столько огромныхъ преимуществъ передъ другими здѣшними театрами, что въ успѣхъ этого новаго дѣла можно не сомнѣваться, было-бы оно поставлено только какъ слѣдуетъ.

— Концерты Губермана и Кубелика прошли при переполненныхъ сборахъ. Концертъ Долиной не имѣлъ матеріальнаго успѣха.

Херсонъ. Антрепренеръ гор. театра Н. Д. Лебедевъ, какъ сообщаетъ газета „Югъ“, ѣздитъ на-дняхъ въ Николаевъ для заключенія контракта на будущій сезонъ.

— Намъ пишутъ: Концертъ А. Д. Вальцовой собралъ всего половину театра. Давля цѣны до 7 руб. за кресло и 2 руб. 60 к. за входной билетъ и рассчитавъ взять 2,000 руб., г-жа Вальцева ошиблась ровно на половину: херсонцы не могли „переварить“ такіа цѣны.

Провихціалъная лѣтопись.

САРАТОВЪ. Идутъ бенефисы... Первымъ отпраздновалъ традиціонныя актерскіе именины г. Рудницкій въ „Израилѣ“. Пьеса хорошо разошлась, старательно подготовлена, отлично разыграна въ главныхъ роляхъ и вызвала въ интеллигентныхъ кружкахъ теоретическіе споры на тему по европейскому вопросу. Когда пьеса сопровождается живымъ обсужденіемъ въ кулуарахъ театра—это значитъ, что вниманіе публики затронутъ серьезно. Бенефициантъ игралъ аристократа-юлофа Тибо и тонко изобразилъ его въ деталяхъ. Съ такой же отдѣлкой и съ сильнымъ драматическимъ подъемомъ г-жа Шебуева представила герцогиню де-Круси; психика матери Тибо, позволившей себѣ когда-то увлечься евреемъ Гутлибомъ, разработана артисткой вполне, до всѣхъ мелочей. Г. Стоуйскій въ Гутлибѣ тоже далъ цѣльно обрисованный образъ. Однимъ словомъ, три роли, на которыхъ держится пьеса, нашли въ нашей труппѣ рѣдкихъ исполнителей, и „Израиль“ представилъ выдающійся интересъ. Успѣху содѣйствовали и артисты, стоявшіе на второмъ планѣ,—особенно гг. Южный (де-Саллазъ) и Кореневъ (де-Греженуа).

Г-жа Моравская возобновила „М-те Санъ-Жень“. Артистка вела роль бойко и оттѣнила наиболѣе выгодныя мѣста съ чувствомъ мѣры. Очень неупорно играетъ Наполеона Струйскій и съ нужнымъ комизмомъ г. Смирновъ создаетъ изъ Фушѣ типичную фигуру.

Г-жа Шебуева для своихъ „именинъ“ остановилась на „Предразсудкахъ“ М. Чайковскаго Дарья Алексѣевна Вѣлова въ репертуарѣ заслуженной артистки—одна изъ многочисленныхъ ролей, исполняемыхъ съ выдающимся успѣхомъ. Тепло играетъ г-жа Бодегаръ Сашенку, прекрасно идетъ роль Ду-нечки у г-жи Кряжевой. Бойко и неподдѣльно волнуются и спорятся Лена и Зоя въ передачѣ очень способной г-жи За-

рѣцкой и опытной исполнительницы вторыхъ ролей г-жи Петровской.

Въ бенефисъ г-жи Кряжевой шли „Дочь улицы“ и „Ню-беа“. Бенефициантка съ большимъ успѣхомъ сыграла Ашантку и еще разъ засвидѣтельствовала передъ публикой о разнобразности своего дарованія. Гг. Рудницкій и Южный дали характерныя и совершенно живыя лица въ Лонскомъ и Кренцкомъ.

Отъ всѣхъ бенефисныхъ спектаклей театральная касса получила, можно сказать, полные вклады. Публика выразила, кромѣ того, свое вниманіе въ видѣ цѣточныхъ и цѣнныхъ подношеній. Приѣмъ былъ оказанъ сердечный, дружный, да и, прибавимъ, вполне заслуженный. На очереди — бенефисъ г. Струйскаго.

Въ заключеніе сего краткаго сообщенія о праздничныхъ радостяхъ не могу умолчать о печальномъ событіи... 11-го декабря поставили юбилейнымъ спектаклемъ „Грозу“ и провалили ее такъ, что и разсказывать не хочется. За исключеніемъ двухъ-трехъ ролей, все было плохо, невѣрно или вовсе скверно.

ВИЛЬНА. Нынѣшній сезонъ является исключительно благодарнымъ для антрепренерскаго, благодаря двумъ-тремъ гвоздямъ, покрывающимъ своими сборами дефициты менѣе привлекательныхъ спектаклей. Такъ, „Обыватели“, „Звѣзда нравственности“ и „Анфиса“ даютъ въ Вильнѣ по шести и семи полныхъ сборовъ,—рѣдкое у насъ явленіе,—тогда какъ на „Вопросъ“, „Женахъ“, „Большомъ челоуѣкѣ“, песахъ уже до нѣкоторой степени, потерявшихъ свой пикантный привкусъ, театръ почти пустуетъ.

Изъ поставленныхъ за послѣднее время пьесъ слѣдуетъ отмѣтить на первомъ мѣстѣ „Анфису“, въ которой среди общаго ансамбля—къ 3-му 4-му представленію даваго очень стройное исполненіе—выдѣлились ярко и рельефно три центральныя роли: Анфисы, Ниночки и Саши въ исполненіи г-жъ Саранчевой, Грандской и Кремневой.

Довольно безцвѣтно прошли „Жоны“ Айзмана и безслѣдно исчезли изъ репертуара послѣ 1-го представленія. „Вопросъ“ далъ всего 140 рублей сбора, а „Большой челоуѣкъ“ и того меньше.

Въ бенефисъ г-жи Саранчевой поставленъ былъ „Эросъ и Психея“. Это былъ несомнѣнно одинъ изъ удачныхъ спектаклей сезона. Полнымъ сборомъ, подношеніями публика отмѣтила свою симпатію къ лучшей артисткѣ труппы. Кромѣ г-жи Саранчевой—Психеи, слѣдуетъ отмѣтить г. Поплавскаго Бласка. Въ небольшой роли Стефана выдѣлился тепловой исполненія г. Освѣщимскій. Какъ всегда, постановка г. Строгонова отличалась красивыми деталями.

Я оставилъ наконецъ свои впечатлѣнія о „Дняхъ нашей жизни“, такъ блестяще прошедшихъ у насъ въ прошломъ сезонѣ. Слишкомъ еще свѣжи въ исполненіи образы, полные жизни и красоты, Онуфрія и Оль-Оль, что дали намъ въ прошломъ году г. Зотовъ и г-жа Львовичъ; быть можетъ въ силу этого неудовлетворенность отъ нынѣшняго спектакля чувствовалась сильнѣе, чѣмъ это было бы при новомъ впечатлѣніи. Говорятъ, что пьесу втиснули въ репертуаръ среди пребенефисной горячки и съ недостаточной подготовкой. Жаль все же, что для этого не выбрали пьесы, къ которой можно было бы отнестись менѣе бережно.

Евдокія Антоновна—г-жа Алинская, Григорій Ивановичъ—г. Михаленко, фонъ-Ранкенъ—г. Танскій, Блохинъ—г. Данильскій и Мишка—г. Смоленскій,—вотъ, единственные, которыхъ можно выдѣлить въ спектаклѣ, единственные, на которыхъ отдыхали чувства; остальные отягощали свои роли неискренними слезами и нервозностью. Страданія и муки однообразнымъ мотивомъ звучали отъ первой и до послѣдней фразы Оль-Оль, неврастеникъ—Глуховцевъ, голодный неврастеникъ—парень Гриша, и даже неврастеникъ—городовой, укоризненно качающій головой, вслѣдъ за уходящей съ офицеромъ Оль-Оль, все это лишало пьесу ея свѣжести и искренности. Рѣшительно не удалась на этотъ разъ роль Онуфрія даровитому г. Строганову—какъ ни грустно мнѣ констатировать это; не хватало главного ея очарованія—молодости.

Нѣсколько словъ pro domo sua:

Отмѣченные мною два-три неудачныхъ спектакля, отнюдь не порочатъ труппы, какъ это часто склонны думать гг. актеры. Я уже неоднократно отмѣчалъ въ своихъ корреспонденціяхъ тѣ тяжелыя условія, въ которыхъ приходится работать нашей труппѣ: съ быстротой калейдоскопа смѣняющіяся пьесы въ двухъ театрахъ, отсутствіе мѣста для репетицій, строгая цензура театральнаго совѣта, какъ Дамокловъ мечъ висѣщая надъ каждымъ спектаклемъ, все это ведетъ къ тому, что къ концу сезона актеръ превращается въ истерзаннѣйшій заморенный комокъ нервовъ. Тѣмъ болѣе велика заслуга актера, когда можно отмѣтить цѣлый рядъ удачныхъ спектаклей: „У моря“, „Гелда Габлеръ“, „Звѣзда нравственности“, „Анфиса“... Еще половина сезона впереди, поживемъ—увидимъ.

М—ръ.

СИБИРСНЪ. Циркъ, циркъ и циркъ... Циркъ и, въ особенности, „французская борьба“ стали для симбирянъ чуть не откровеніемъ. И старые, и молодые прямо-таки осаждаютъ циркъ

г. Суръ, любятъ мясистыми тушами слоноподобныхъ атлетовъ, безумно хлопаютъ „чемпионамъ мира“ и восхищаются звѣрскими туръ-де-бра и туръ-де-тэтъ. Дирекція цирка, конечно, идетъ навстрѣчу вкусамъ толпы: кончился чемпионатъ мужской борьбы, — приглашенъ дамскій. Публика въ восторгѣ, и цирковой вестибюль ломится отъ желающихъ взять билеты на представление... Да здравствуетъ циркъ!

А театр? Театръ, разумѣется, по большей части, представляетъ собою пустыню. Дирекція прилагаетъ всѣ силы, чтобы заинтересовать публику, но, увы! — до сихъ поръ труды ея остаются тщетными. Неудивительно поэтому, если театръ дѣлаетъ сборы ниже средняго. Впрочемъ, здѣсь виновато и то обстоятельство, что въ Симбирскѣ никогда не было такого обширнаго выбора различныхъ зрѣлищъ и увеселеній, какъ въ нынѣшнемъ году: театръ, циркъ, три синематографа, концерты, катки и танцы, танцы безъ конца. И это для города, въ которомъ еле-еле насчиталось 40 тысячъ населенія.

Театръ въ нынѣшнемъ году сняла г-жа Неволлина, которая и раньше держала антрепризу въ Симбирскѣ подрядъ три года. Труппа для провинціи довольно сильная и въ исполненіи чувствуетъ ансамбль. Изъ исполнителей слѣдуетъ отмѣтить прежде всего г-жу Петрову. Она вноситъ въ свою игру жизненность и задушевность. Лучшія ея роли: Лидія Борисовна („Строители жизни“), Оль-Оль („Дни нашей жизни“), Софья („Горе отъ ума“), Марина Мнишекъ („Борисъ Годуновъ“), „Анфиса“, „Сафо“ и Марикка („Огни Ивановой ночи“). Въ игрѣ г-жи Кондоровой (гр.-кокетъ) есть живость и неподдѣльное веселье. Лучшей ролью ея является за текущій сезонъ „Благотворительница“ Персіяниновой. Хорошая комическая старуха — г-жа Охотина. Значительнымъ успѣхомъ пользуется знакомая симбирцамъ по прежнимъ сезонамъ г-жа Стоянова. Въ ея лицѣ бытовые и характерныя роли имѣютъ очень и очень хорошую исполнительницу. Удаются г-жѣ Стояновой и роли энженю. Изъ другихъ лицъ женскаго персонала слѣдуетъ отмѣтить г-жу Лихтинскую и г-жу Дадіанъ.

Изъ мужского персонала успѣхомъ у публики пользуются: гг. Деметевъ, Дехтревъ, Либаковъ-Ильинскій и Леоновъ. Пальму первенства изъ нихъ безусловно заслужилъ г. Деметевъ. Больше всего ему удаются бытовые роли; но очень хорошъ онъ и въ другихъ. Лучшія роли его — Теркинъ въ „Непогребенныхъ“, Самозванецъ въ „Борисъ Годуновъ“, „Анатэма“, Чацкий и Онуфрій въ „Дняхъ нашей жизни“. Г. Дехтревъ — любовникъ. Благодарная внѣшность, и голосъ, и красивая манера игры. Недостатокъ артиста — недостаточно чистая

дикція. Г. Либаковъ-Ильинскій несетъ на себѣ почти всю тяжесть характерныхъ ролей. Г. Либакову удалось роли Фамусова, Обломова и Щеглова въ „Непогребенныхъ“. Г. Леоновъ — комикъ. Онъ не однообразенъ. Лучшія его роли — Варлаамъ въ „Борисъ Годуновъ“ и Аркашка въ „Лѣсъ“. Въмѣстѣ съ г. Либаковымъ-Ильинскимъ г. Леоновъ несетъ обязанности режиссера. Изъ его постановокъ заслуживаетъ вниманія „Анатэма“ Л. Андреева. Полезные артисты въ труппѣ — гг. Родюковъ, Роговской, Горскій.

Что касается репертуара, то, какъ я уже сказалъ, дирекція прилагаетъ всѣ усилія, чтобы заинтересовать публику. Въ этихъ цѣляхъ дирекція волей-неволей принуждена составлять репертуаръ, что называется, на всѣ вкусы. И дѣйствительно, репертуаръ нынѣшняго сезона поражаетъ своимъ разнообразіемъ. Прошли: „Строители жизни“, „Непогребенные“, „Звѣзда нравственности“, „Ивановъ“, „Дни нашей жизни“, „Анатэма“, „Анфиса“, „Гроза“, „Волки и овцы“, „Лѣсъ“, „Горе отъ ума“, „Обрывъ“, „Обломовъ“, „Власть плоти“, „Ню“ („Трагедія каждаго дня“), „Борисъ Годуновъ“, „Камо грядеши“, „Дѣти XX вѣка“, „Царица Тамара“, „Ревизоръ“, „Каширская старина“, „Вожжи“ и др. Вообще же доминируетъ легкая комедія и фарсъ. Наибольшее количество публики наблюдалось на премьерахъ пьесъ: „Звѣзда нравственности“, „Анатэма“, „Анфиса“, „Дѣти XX вѣка“, „Вожжи“.

Состоялись бенефисы г-жѣ Петровой, Охотиной и г. Яковлева (дирижеръ театральнаго оркестра). Г-жа Петрова въ свой бенефисъ ставила „Сафо“ (по роману А. Додэ), г-жа Охотина — „Орелъ“ Червинскаго, а г. Яковлевъ — „Снѣгурочку“ Островскаго. Наибольшій матеріальный успѣхъ имѣлъ бенефисъ г-жи Петровой.

Н. Державинъ.

ГЕЛЬСИНГФОРСЪ. Уже прошло больше мѣсяца, какъ у насъ начались спектакли русской драматической труппы подъ управленіемъ г. Генбачева-Долинова.

Сезонъ открылся „Ревизоромъ“, который привлекъ много публики, затѣмъ были поставлены пьесы: „Дуракъ“, „Звѣзда нравственности“, „Гувернеръ“, „Власть плоти“, „Шелковичные черви“, „Познай самого себя“, „Приличія“, „Милый Жоржъ“, „Горькая сульбина“, „Жаръ-птица“, „Анфиса“, „Лѣсъ“, „Гибель Содомъ“, „Пробужденіе льва“, „Медвѣдь“, „На всякаго мудреца довольно простоты“, „Свѣтлая личность“.

Спектакли идутъ три раза въ недѣлю. Публика охотнѣе всего посѣщаетъ воскресные и праздничные спектакли, но новыя пьесы, какъ напримѣръ „Анфиса“, „Власть плоти“, „Дуракъ“ и т. п., дѣлаютъ тоже сборы.

О Б Ъ Я В Л Е Н І Я.

МИЛАЯ МАМОЧКА!

Покупай мнѣ **шоколадъ съ лецитиномъ Леопольда Столкинда**, — мнѣ тоже хочется поздоровѣть, какъ Коля, Лиза и Петя. Они были такіе худые, блѣдные, слабенькіе, плохо бѣгали, а теперь смотри, какіе они румяные, толстые, сильные, а все отъ того, что ѣли много **шоколаду съ лецитиномъ Леопольда Столкинда**.

Складъ у Торговаго Дома **Л. СТОЛКИНДЪ и К^о**
МОСКВА, Никольская. БЕРЛИНЪ О. 27/6.

2—2

Спб. Женская Электро-Водо-Грязелечебница.

5 я Рождественская ул., д. № 4. Тел. 73-03.

По назначенію какъ врачей лечеб., такъ и другихъ врачей примѣн. всѣ виды водолечения, электризаціи, токи д'Арсонваля, рентген. лучи, леч. свѣтомъ, тепломъ (паровыя ванны), грязелечение (фаго, лиманная грязь), ручн. и вибрац. массажъ, гимнастика. Амбулаторное лѣченіе ежед. отъ 11 до 5 ч. дня. Съ 1 го сентября открыто отдѣленіе пост. янныхъ кроватей съ общими и отдѣльными палатами. Для страдающихъ хроническими (незаразными) заболѣваніями внутреннихъ органовъ болѣзней питанія и нервной системы. Плата отъ 4 руб. въ сутки.

М-ме АЛЕКСАНДРИНЪ

(ШОБЕРЪ).

Баскова ул., 8. Гелеф. 51-43.

СТАРИННАЯ ФРАНЦУЗСКАЯ ФИРМА

ДАМСКИХЪ НАРЯДОВЪ.

Элегантное и скорое исполненіе. Цѣны умѣренныя.

АРТИСТКАМЪ СКИДКА.

Иногор. заказы высылаются наложенн. платежемъ. 26—6

ВНИМАНІЮ гг. АРТИСТОВЪ.

Всѣ необходимое для грима изымается въ громадномъ выборѣ лучшихъ заграничныхъ фабрикъ, а также парфюмерныя и косметическіе товары всѣхъ фабрикъ.

Полный приборъ для грима въ изящной коробкѣ съ зеркаломъ 10 руб. **Получены послѣднія новости парфюмерій Парижа и Лондона.**

АПТЕКАР. и ПАРФЮМ. МАГАЗИНЫ

В. БЮЛЕРЪ.
1) Невскій пр., уг. Владимирской № 47—2. 2) Кузнечный пер., уг. В. Московской № 1—2. Телефонъ № 1066. С.-Петербургъ

ВНИМАНІЮ ДАМЪ.

КРЕМЪ АМИКОСЪ

(CRÈME AMYKOS) ГИГИЕНИЧЕСКОЕ СРЕДСТВО ДЛЯ КОЖИ ЛИЦА

употребляется съ успѣхомъ при всѣхъ легкихъ болѣзняхъ кожи лица, какъ-то: веснушкахъ, прыщахъ, угряхъ и проч. Въ особенности рекомендуется гг. артисткамъ и артистамъ послѣ снятія грима, какъ средство, уничтожающее жаръ и прочія послѣдствія гримировки. Цѣна банки 1 р. 25 к., 2 банки высылаются почтою за 3 руб. прямо отъ изобрѣтателей: Торг. домъ „Парфюмерная лабораторія І. ГОЛЛЕНДЕРЪ“, С.-Петербургъ, Разъѣзжая ул., № 13.

Такъ какъ русской публики не хватаетъ на двойную постановку, то приходится каждый спектакль ставить новую пьесу, а труппѣ много работать.

Наиболѣе интересными артистами являются: гг. Дюмюръ (онъ же и режиссеръ труппы), Тарасовъ и Кудрявцевъ. Г-жи Райская-Доре, Ароелина, Лаврова и Петрова-Болдина.

Не могу не отмѣтить интереса финновъ къ русской литературѣ: уже второй годъ „Ревизоръ“ идетъ въ финскомъ театрѣ, Островскій дѣлается ихъ любимымъ драматургомъ; недавно въ финскомъ театрѣ шла „Анфиса“ и, какъ мы слышали, готовится къ постановкѣ „Анатэма“.

„Вилли“.

„ЕРДЯНСКЪ“. Драма М. П. Тамарова въ гор. театрѣ за пять недѣль поставила 25 спектакля, изъ коихъ 3 утренника.

„Джентльменъ“, „Чужие“, „Цыганки Занда“, „Освобожденные рабы“, „Цѣна жизни“, „Наоатъ“, „Кашир. старина“ „Ихъ четверо“, „Власть плоти“, „Поцѣлуй Іуды“, „Ревизоръ“, „Женитьба“ (утромъ), „Дѣти Ванюшина“ (вечеромъ), „Темный боръ“, „Хлѣба и зрѣлище“, „Мораль лани Дульской“, „Горе отъ ума“, „Поцѣлуй Іуды“ (утромъ), „Измаилъ“ (вечеромъ), „Анатэма“, „Бѣлая кость“, „Измаилъ“ (2-ой разъ), „Анатэма“ (2-ой разъ), „Мелкій бѣсъ“, „Дѣти XX вѣка“, „Парижские нищие“ (утромъ), „Дѣти XX вѣка“ (вечеромъ). Наивысшій

сборъ 380 руб. дало первое представлѣніе „Анатэмы“. Были сборы, доходившіе до 30—40 руб.

Труппа и оркестръ обходятся въ 2.200 руб. ежемѣсячно. Антрепризой за это время понесено убытку около 1500 рублей. Принимая во вниманіе скромный составъ труппы, трудно ожидать улучшенія сборовъ и на будущее время. Но утѣшительно то, что съ матеріальной стороны, труппа совершенно гарантирована, такъ какъ во главѣ этого дѣла состоитъ извѣстный интеллигентный купецъ Г. Дракинъ, который безусловно всѣмъ уплатитъ до конца сезона.

Пьесы, съ режиссерской точки зрѣнія, обставлены очень хорошо. Лучшія силы труппы: гг. Томоровъ, Агаповъ, Дмитриевъ и г-жа Карендова.

Надо, впрочемъ, и то сказать, что въ этомъ театрѣ убытки терпятъ труппы съ лучшимъ составомъ, что объясняется слишкомъ тяжелыми условіями аренды театра и крайнимъ неблагоустройствомъ его. Гастрольныя труппы на 5—6 спектаклей дѣлаютъ хорошіе сборы, сезонныя же предпріятія гибнутъ.

Объявленная на 10-е ноября пьеса „Анфиса“, наканунѣ спектакля снята съ репертуара по независящимъ отъ дирекціи обстоятельствамъ.

С. Виткинъ.

ИСКРѢННЕЕ ЖЕЛАНІЕ

всякаго имѣть нѣжное, чистое лицо, румяный юношески-свѣжій видъ, бѣлую, мягкую, какъ бархатъ, кожу и ослѣпительно-прекрасный цвѣтъ лица. Все это придаетъ настоящее **МЫЛО ИЗЪ МОЛОКА ЛИЛІИ „КОНЕКЪ“** Бергмана и Ко. въ Радебейль-Дрезденѣ съ клеймомъ конекъ. По 50 коп. можно получить вездѣ.

Главный складъ для Россійской Имперіи:
КОНТОРА ХИМИЧЕСКИХЪ ПРЕПАРАТОВЪ
С.-Петербургъ, Невскій 28, д. Зингера.

Карандаши для грима

**ПУДРА
БѢЛАЯ
РУМЯНА
ГУБНАЯ ПОМАДА
Т-во А. РАЛЛЕ и К^о.**

ФАБРИКАНТЫ СПЛОШНО-ГНУТЫХЪ БУКОВЫХЪ ИЗДѢЛІЙ.

БРАТЯ ТОНЕТЪ изъ ВѢНЫ

главный фабричный складъ для всей
РОССІИ:

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ВѢНСКАЯ, гнутая-буковая: ==

Невскій просп., № 16-7. Телефонъ 12-39.

СТИЛЬНАЯ, художеств. столярная

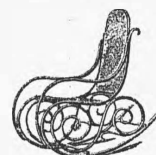
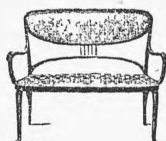
Улица Гоголя, № 9 Телефонъ 49-35.

ПОСТОЯННЫЙ ГРОМАДНЫЙ ВЫБОРЪ ОБРАЗЦОВЫХЪ КОМНАТЪ:

будуаровъ, кабинетовъ, гостиныхъ, столовыхъ, спальныхъ, переднихъ, дѣтскихъ и др. комнатъ, а также и отдѣльных предметовъ.

ПРІЕМЪ ЗАКАЗОВЪ НА ПОЛНЫЯ УСТРОЙСТВА

квартиръ, клубовъ, офицерскихъ собраний, правленій, присутствій, учебныхъ заведеній и казенныхъ учреждений всѣхъ вѣдомствъ—во всѣхъ стиляхъ и изъ разныхъ деревъ.

Иллюстрированные каталоги, планы и смѣты высылаются бесплатно.

КУРСКЪ. За ноябрь, второй мѣсяцъ антрепризы З. А. Малиновской, валовой сборъ, при 23 спектакляхъ, выразился въ суммѣ около 7,000 руб., не считая 2-хъ гастролей бр. Адельгеймъ („Казнь“ и „Трильби“), давшихъ нѣсколько свыше 1,200 руб.

Такой относительный матеріальный успѣхъ — явление небывалое въ Курскѣ, такъ какъ обыкновенно ноябрь въ смыслѣ сборовъ проходилъ значительно ниже октября.

Репертуаръ: „Сергѣй Сатиловъ“, „Вѣшенныя деньги“, „Царь Борисъ“, „Бригадиръ“, „Неронъ“, „Горькая судьбина“, „Мертвая душа“, „Цыганка Занда“ и „Большой человѣкъ“.

10 ноября былъ данъ шиллеровскій спектакль „Разбойники“. Спектакль былъ обставленъ съ нѣкоторою торжественностью: передъ началомъ былъ прочитанъ рефератъ о Шиллерѣ, составленный нашимъ покорнымъ слугою; затѣмъ передъ декорированнымъ „живыми“ лаврами и пальмами портретомъ великаго поэта (бюста его не нашлось въ городѣ!) хоромъ любителей была исполнена „слава“ и къ подножью портрета былъ возложенъ однимъ изъ членовъ труппы вѣнокъ.

Публики на этотъ спектакль собралось не густо; особенно поражающе отсутствіе учащейся молодежи.

Были слухи, что въ виду объявленнаго въ театральныя афишахъ реферата о лѣвцѣ свободы, нашими „Флаксманами“ не рекомендовалось учащимся посѣщеніе этого спектакля.

Изъ новыхъ и не шедшихъ на нашей сценѣ пьесъ были даны: „Дѣти XX вѣка“, давшіе два битковыхъ сбора, „Хлѣба и зрѣлищъ“, „Звѣзда нравственности“ и „Анфиса“.

Послѣдняя пьеса прошла дважды и, вопреки ожиданіямъ, сдѣлала средній сборъ.

Съ половины ноября начались бенефисы. Первый бенефисъ данъ былъ г-жѣ Дукшинской (молодая героиня), выступившей въ пьесѣ „Цыганка Занда“. Бенефисъ прошелъ незамѣтно: сборъ достигъ лишь 152 рублей. Надо сказать, что выборъ такой заигранной здѣсь пьесы, какъ „Цыганка Занда“, если только это зависѣло отъ самой артистки, былъ сдѣланъ неудачный, а между тѣмъ г-жа Дукшинская, какъ актриса, заслуживала большаго вниманія со стороны нашей публики.

Вторымъ былъ бенефисъ г-жи Кодионецъ-Пясецкой (gr. coquette). Публика отсутствовала и на этомъ бенефисѣ (156 р. сбора), хотя одна изъ мѣстныхъ газетъ приняла всѣ мѣры къ тому, чтобы подготовить публику къ бенефису артистки.

Кстати, два слова о мѣстной прессѣ.

Въ одной изъ газетъ совершенно умалчивается о театрѣ, такъ какъ редакция „не раздѣляетъ“ взглядовъ дирекціи театра на репертуаръ, который, по мнѣнію этой редакціи, долженъ быть подчиненъ извѣстному направленію, тенденціи. И только „Дѣти XX вѣка“ вызвали эту газету на восторженный отзывъ!

Въ предыдущихъ моихъ корреспонденціяхъ я писалъ о нѣкоторыхъ артистахъ труппы г-жи Малиновской, — продолжаю характеристику другихъ исполнителей.

Очень способный молодой актеръ г. Рустумовъ. Полезная, трудящаяся, но еще мало опытная актриса г-жа Васильева (дочь извѣстныхъ Васильевыхъ), несущая на себѣ ампулу отсутствующей въ труппѣ грандъ-дамъ. Довольно яркій актеръ на характерныя роли г. Незнамовъ. Съ хорошимъ будущимъ (герой-любовникъ) г. Глубоковский, подвизающійся на сценѣ всего третій годъ.

Общанная на ноябрь дирекціей новая актриса, въ которой чувствуется острая необходимость, пока... не пріѣхала и, какъ мнѣ кажется, при настоящихъ хорошихъ въ матеріальномъ смыслѣ дѣлахъ, она такъ и не пріѣдетъ!

29 ноября въ залѣ дворянскаго собранія состоялся концертъ „несравненной“ А. Д. Вяльцевой въ соучастіи гг. Тапкина, Поляева (баритонъ) и Носкова (теноръ).

Сборъ съ концерта выразился въ суммѣ 2,846 руб.

На 12 декабря объявленъ концертъ Яна Кубелика.

Въ городѣ циркулируютъ слухи, что страховое общество „Россия“ намѣревается купить здѣсь мѣсто для постройки театра. Въ настоящее время въ Курскѣ нѣтъ уполномоченнаго Театрального Общества, каковымъ до октября состоялъ Ильясъ Абрамовичъ Дынинъ (управляющій с.-петербургскимъ торгово-промышленнымъ банкомъ), выбывшій изъ Курска за уходомъ со службы.

И. А. Дынинъ почти за 7-лѣтнюю дѣятельность свою въ качествѣ уполномоченнаго Т. О. снискалъ общія симпатіи. Корректный, вѣжливый, отзывчивый на всѣ сбрашаемыя къ нему просьбы, страстно любящій театръ, г. Дынинъ былъ, что называется, своимъ человѣкомъ въ актерской средѣ.

Ни одинъ спектакль не проходилъ, чтобы на немъ не присутствовалъ г. Дынинъ, и когда онъ не былъ почему-либо на спектаклѣ, это обстоятельство уже вызывало недомѣлки, разговоры. Какъ человѣкъ состоятельный, г. Дынинъ не скупился на подношенія артистамъ: всякій бенефисъ сопровождался непремѣннымъ подношеніемъ отъ Дынина.

Кто замѣститъ у насъ г. Дынина, какъ уполномоченнаго Т. О. — неизвѣстно.

Но одно могу сказать, что съ отъѣздомъ г. Дынина у насъ не стало страстнаго театралла!

Bon am!

ЕЛИСАВЕТГРАДЪ. Вотъ уже прошло почти два мѣсяца со дня открытія сезона драматической труппы А. Т. Поляковой и В. Л. Арбенина. Приходится констатировать, что не всѣ спектакли обставляются и сходятъ гладко. Наряду съ хорошими постановками („Анатѣма“, „Большой человѣкъ“, „Казенная квартира“, „Дни нашей жизни“, „Обыватели“) были спектакли ужъ очень плохіе. Взять хотя бы „Союзъ молодежи“. Ни основная мысль, ни идея пьесы не уловлены ни актерами, ни режиссеромъ. Ни одинъ актеръ, кромѣ, впрочемъ, г. Половцева, вообще хорошаго комика, не удовлетворилъ самаго нетребовательнаго зрителя. Мнѣ казалось, что на сценѣ не Ибсенъ, а Сабуровъ. Единственная поставленная пока пьеса Чехова „Вишневый садъ“ („Чайка“ шла для утренника) прошла вяло. И Лопахинъ (г. Аркановъ) и Гасевъ (г. Костюковъ) и Трофимовъ (г. Сумароковъ) и Фирсъ (г. Половцевъ) и Яша (г. Востоковъ) и Пищикъ (г. Яновичъ) взяли вѣрный тонъ, но женщины г-жа Хвалынская (Раневская), г-жа Пальмина (Варя) и г-жа Лоранская (горничная) были слабы, ибо и роли не соответствовали имъ. Обидно и за г. Востокова. Онъ — хорошій артистъ (его я отмѣтилъ въ прошломъ отчетѣ), но несмотря на молодость, въ немъ мало жизни. Чувствуешь, что онъ можетъ дать въ своихъ роляхъ больше, но чѣмъ-то обломовскимъ отдаетъ отъ него.

„Анатѣма“ прошла уже 5 разъ при хорошихъ сборахъ и пойдеть, вѣроятно, еще столько же. Красивый Анатѣма г. Сумароковъ. Хорошій Давидъ Лейзеръ г. Аркановъ. Не понимаю, зачѣмъ г-жа Нѣгина для Розы взяла мелодраматическій тонъ и такъ вела всю роль. Большое впечатлѣніе производитъ ролью Ознобишиной въ „Обывателяхъ“ г-жа Полякова.

Красиво идутъ легкія комедіи: „Которая изъ трехъ“ и „Гусарская лихорадка“. Натянутость чувствуется въ фарсахъ, которыхъ лучше бы не ставили, ибо они и сборовъ не даютъ. Достойнъ подражанія принципъ утренниковъ. За полтора-мѣсячный промежутокъ времени прошли для утренниковъ: „Безъ вины виноватые“, „Доходное мѣсто“, „Гроза“, „Лѣсъ“, „Вѣдность не порокъ“, „Свѣтитъ, да не грѣетъ“. Почти весь Островскій. И наряду съ этимъ Богъ знаетъ зачѣмъ „Сыщикъ Арсенъ Люпенъ“ для утренника. Для чего въ сущности? Вѣдь „Арсенъ Люпенъ“ далъ утромъ 51 рубль, а Островскій все время при посылкѣ многихъ бесплатныхъ ложъ въ учебныя заведенія даетъ между 220 и 100 рублями.

Не нравится мнѣ въ труппѣ система режиссерствъ. На предварительномъ анонсѣ г. Аркановъ былъ названъ главнымъ режиссеромъ, а г. Сумароковъ очереднымъ. Теперь же г. Сумароковъ ежедневно играетъ и ежедневно ставитъ пьесы. Вообще, когда режиссеръ играетъ главную роль въ пьесѣ, послѣдняя не можетъ обставляться тщательно. Не лучше ли было бы завести систему очередныхъ режиссеровъ.

Матеріальная сторона дѣла пока далеко неблестяща. Приходъ за первый мѣсяцъ 5161 р. 50 к., расходъ 6767 р. 72 к. Приходъ третьяго полумѣсяца 2821 р. 43 к., расходъ — 3358 р. 37 к. Дефицитъ за полтора мѣсяца 2821 р. 43 к. Конечно, въ расходъ вошло и жалованіе А. Т. Поляковой, какъ артисткѣ, г. Арбенину, какъ администратору и ежемѣсячная неустойка г. Мандельштаму и проч.

Вообще вечеровой расходъ для Елисаветграда большой: 270 рублей. За одну аренду театра г. Элькинъ беретъ по 100 рублей за вечеръ.

Вотъ точная цифра сборовъ: „Джентльменъ“ (601 р. 25 к.), „Чайка“ (155 р. 52 к.), „Потонувшій колоколь“ (веч. 118 р. 50 к., ут. 218 р.), „Бюрократъ“ (92 р.), „Безъ вины виноватые“ (ут. 96 р.), „Большой человѣкъ“ (4 раза. 359 р., 197 р. 15 к., 213 р. 8 к., 147 р. 7 к.), „Сильные и слабые“ (64 р.), „Израиль“ (81 р.), „Доходное мѣсто“ (ут. 214 р.), „Дни нашей жизни“ (2 р. 172 р. и 117 р.), „Казенная квартира“ (152 р. 8 к. и ут. 160 р.), „Бѣлая кость“ (2 раза. 232 р. и 80 р. 32 к.), „Арсенъ Люпенъ“ (155 р., 98 р. 94 к., ут. 51 р.), „Которая изъ трехъ“ (91 р. 5 к.), „Царь природы“ (271 р. 91 к., 96 р.), „Гусарская лихорадка“ (308 р. и 118 р.), „Обыватели“ (134 р.), „Союзъ молодежи“ (277 р. 85 к. и 81 р.), „Лѣсъ“ (167 р.), „Анатѣма“ (4 раза. 367 р., 486 р., 315 р., 328 р.), „Гроза“ (ут. 252 р.), „Дама изъ кафешантана“ и „Нюбеля“ (136 р.), „Вишневый садъ“ (74 р.), „Вѣдность не порокъ“ (136 р.), „Колдунья“ (329 р.), „Власть тьмы“ (53 р.), „Царь природы“ (спектакль, проданный женской гимназіи Ефимовской за 250 руб., сборъ 474 рубля). *Левъ Котляровъ.*

НАДЕЖДЕНСКИЙ ЗАВОДЪ. Нашъ заводъ съ 7 или 8 тысячами населеніемъ давно нуждался въ хорошей труппѣ. Въ нынѣшній сезонъ въ Народномъ домѣ играетъ труппа И. В. Максимовича. Труппа небольшая, но хорошо сыгравшаяся. Сборы средніе по буднямъ и хорошіе въ праздники. Труппа, побывъ почти 2 мѣсяца, отправилась въ дальнѣйшее турнѣ.

И. М. 3-ій.

Открыта подписка на 1910 годъ на

САРАТОВСКИЙ ЛИСТОКЪ

(48-й годъ изданія).

Подписная цѣна. Съ пересыл. въ другіе города: На годъ 8 р., на 6 мѣс. 4 р. 50 к., на 5 мѣс. 4 р., на 4 мѣс. 3 р. 50 к., на 3 мѣс. 3 р., на 2 мѣс. 2 р. 40 к., на 1 мѣс. 1 р. 20 к.

Редакторъ-издатель М. О. Лебедевъ.

ВОЛЖСКОЕ СЛОВО

въ г. Самарѣ. — IV годъ изданія.

Подписная цѣна: Для иногороднихъ: На годъ 7 р. На 1/2 года 3 р. 60 к. На 1/4 года 2 р. На 1 мѣсяцъ 75 к.

Адресъ конторы и редакціи: Самара, Дворянская, д. Журавлевой.

Редакторъ-издатель В. Вѣтровъ.

Редакторъ К. Троицкій.

Годъ изданія сорокъ пятый

АСТРАХАНСКИЙ ЛИСТОКЪ

будетъ выходить въ 1910 году подъ прежней редакціей и при томъ же составѣ постоянныхъ сотрудниковъ.

Подписная цѣна съ пересылкой: 1 годъ—7 руб. 50 коп., 1/2 года—3 руб. 75 коп., 3 мѣс.—2 руб. 50 коп., 1 мѣс.—1 руб.

Редакторъ-издатель В. И. Скабинскій.

V-й годъ изданія.

4 р. въ годъ съ перес.

Еженедѣльный иллюстрированный журналъ для самообразовательнаго и нравственно воспитательнаго чтенія русскаго воинства и народа.

Варшавскій Военный Вѣстникъ

Подписная цѣна въ годъ—4 руб. съ перес. Для народныхъ учителей и запасныхъ унтер-офицеровъ допускается разсрочка платежа: при подпискѣ 2 руб., къ 1 марта—1 руб. и къ 1 мая—1 руб.

Адресъ редакціи—Варшава, Новый-Свѣтъ 62.

Редакторъ Издатель С. В. Тиминскій.

Харбинскій Вѣстникъ

VIII Годъ изданія.

Газета торгово-промышленная, экономическая, литературная и общественная.

Выходитъ ежедневно, кромѣ дней послѣ-праздничныхъ.

Главное вниманіе обращено на изученіе Дальняго Востока въ торговомъ, экономическомъ и политическомъ отношеніяхъ.

Подписная цѣна: для городскихъ и иногороднихъ подписчиковъ на 1 годъ—10 руб.

За границу разсрочка не допускается.

На 1 годъ—14 руб. На полгода—8 руб.

новую ежедневную, литературно-политическую газету

Приазовская Рѣчь

издаваемую въ г. Таганрогѣ.

Подписная цѣна: На годъ съ доставкой и пересылкой 7 руб., на 6 мѣс.—4 руб., на 3 мѣс.—2 р. 25 к., на 1 мѣс.—85 к. За пересылку за границу добавляется ежемѣсячно по 60 к.

За перемѣну адреса—25 к.

Объявленія: За строку петида передъ текстомъ—20 коп. и послѣ—10 к. Разсылка приложенийъ при газетѣ по 8 руб. за тысячу.

Газета начнетъ выходить съ 1-го Декабря 1909 г. Годовые подписчики будутъ получать газету до 1 января 1910 г. бесплатно.

Подписка и объявленія принимаются и розничная продажа номеровъ производится:

1) въ Таганрогѣ, въ конторѣ газеты, Итальянскій переулокъ д. № 10.

Редакторъ-издатель А. В. Тархановскій.

ПРИВОЛЖСКИЙ КРАЙ

(Казань)

Подписная цѣна: Съ доставкой и порес. городскимъ и иногороднимъ: На годъ 7 р., на 6 мѣс. 4 р., на 3 мѣс. 2 р. 25 к., на 1 мѣс. 75 к. безъ доставки въ Казани на годъ 6 р., на полгода 3 р., на 3 мѣс. 1 р. 75 к., на 1 мѣс. 65 к.

Контора и редакція помѣщаются на углу Б.-Проломной и Университетской ул. домъ Ключникова.

НОВАЯ ЖИЗНЬ.

Годъ изданія IV-й.

издающуюся въ Харбинѣ (Маньчжурія).

Газета новая жизньъ издается по самой широкой программѣ, съ иллюстраціями въ тексты и еженедѣльными иллюстрированными приложениями. Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой: на одинъ годъ 14 р. 40 к., на полгода 8 р. 40 к., на три мѣсяца 4 р. 30 к. и на одинъ мѣсяцъ 1 р. 50 коп.

Плата за объявленія: впереди текста 25 коп. за строку петида или занимаемое ею мѣсто, позади текста 15 коп.

Редакторы { З. М. Кліорипъ.
Г. О. Левенциглеръ.
С. Р. Чернишскій.

Издатель: Т-во „Новая Жизнь“.

ВЯТСКАЯ РѢЧЬ

(Третій годъ изданія).

Газета выходитъ въ Вяткѣ, по программѣ болшихъ столичныхъ газетъ, виѣнартійная, прогрессивная.

Подписная цѣна: на годъ 6 р.; на 6 мѣсцевъ 3 р. 50 к.; на 3 мѣсяца 1. 75 к.; на 2 мѣсяца 1 р. 30 к.; на 1 мѣсяцъ 65 к.

Конторы газеты: Вятка, уездъ Николаевской и Питтвичской ул., д. Берманъ.

ПОЛТАВСКИЙ ГОЛОСЪ

Виѣнартійный прогрессивный органъ.

Третій годъ изданія.

Выходитъ ежедневно, кромѣ понедѣльниковъ и дней послѣпраздничныхъ.

Годовые подписчики на „Полтав. Голосъ“, въ теченіе 1910-го года, получатъ бесплатно: I. „Колокольчикъ“ 52 номера еженедѣльныхъ иллюстрирован. приложенийъ къ газетѣ II. Празднованіе двухсотлѣтняго юбилея Полтавской побѣды въ Полтавѣ. III. Записки и воспоминанія Д. Иваненко.

Условія подписки: 12 мѣс. 6 р., 6 мѣс. 3 р. 60 к., 1 мѣс. 60 коп.

Подписка принимается въ Полтавѣ, въ конторѣ „Полтавскаго Голоса“. „Полт. Голосъ“ въ 1910 г. будетъ печататься въ собственпой, надежаще оборудов. типографіи. Издатель И. А. Иваненко.

Редакторъ Д. А. Иваненко.

Таганрогскій Вѣстникъ

издающуюся въ гор. Таганрогѣ, Николаевская, 5.

XXIX-й годъ изданія.

Подписная цѣна: Възъ дост. на годъ 6 р., на 6 м. 3 р. 50 к., на 1 м. 80 к. Съ дос. и пер. на годъ 7 р., на 6 м. 4 р., на 1 м. 1 р.

За границу на 12 мѣс.—15 р., на 6 м.—8 р., и на 3 м.—5 р.

Редакторъ-издатель К. Д. Чумаченко.

Издательство „Назбекъ“ Сергѣя Назарова.

ежедневныя обще-политическія, экономическія и литературныя газеты:

Кубанскій край

въ Екатеринодарѣ.

Подписная плата: на годъ 9 руб.

Подписка принимается: въ Екатеринодарѣ—уг. Екатеринин. и Ворзиков. ул., соб. домъ. Во Владикавказѣ—уг. Московск. и Мѣщанской ул., соб. домъ.

Редакторъ-Издатель Сергѣй Назаровъ.

Пензенскія Вѣдомости

(годъ изданія LXXIII-й).

Подписная цѣна съ пересылкой: на годъ—6 р., на 1/2 г. 3 р., на 1/4 г.—1 р. 50 к., на одинъ мѣсяцъ 50 коп.

Подписка высылается въ Пензу, въ Редакцію Пензенскихъ Вѣдомостей.

СИБИРСКІЕ ОТГОЛОСКИ

Литературно-общественная, политическая ежедневная газета.

(Редакція: г. Томскъ, Воскресенская улица, № 1)

XII годъ существованія.

Цѣна въ годъ 4 руб., на 1/2 года 2 р. 50 к.—съ пересылкой и доставкой. За доставку заграничнику добавляется на г. —4 р., на 1/2 г.—2 р.

Цѣна объявленій: для Сибири: въ началѣ текста 1 строка 20 коп., послѣ текста—10 коп.; для Европейской Россіи: 30 к. въ началѣ текста, позади текста—15 к.

Подписка и объявленія принимаются: въ редак. „Сибирскихъ Отголосковъ“ въ г. Томскѣ, Воскресенская ул. № 1 (телеф. № 1).

Редакторъ-Издатель В. А. Долгоруковъ.

Издатель В. Т. Молюковскій.

украинську політичну, економічну і літературну газету

РАДА

(рік видання п'ятий)

яка виходить у Києві щодня, окрім понеділків і днів після свят, українською мовою по програмі звичайнихъ великихъ політичнихъ газетъ.

Напримокъ газети непартіійний демократично-поступуновий. Особливу увагу РАДА звертає на місцеве життя провінції. До співробітництва в „РАДІ“ запрошено визначнімі літерат. і наукові сили.

Ціна „РАДІ“ з пристанкомъ і пересилкою въ Росію на 1910, на рік 6 р., на 6 м. 3 р. 25 к., на 1 м. 65 к.

Пробні числа надсилаються даромъ.

Адреса редакції і головної контори: у Києві, Вел.-Підвала на вул., д. 6, біля Золотихъ Воріт. Телефонъ 1458.

Редакторъ М. Павловскій. Видавець Э. Чикаленко.

большую общественно-литературную газету

Туркестанскій Курьеръ

(годъ изданія пятый)

„Туркестанскій Курьеръ“ выходитъ ежедневно, кромѣ дней послѣ-праздничныхъ, въ форматѣ болшихъ столичныхъ газетъ.

Газета посвящена главнымъ образомъ текущимъ интересамъ Туркестанскаго края.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой: на 1 годъ 8 р., на 6 м. 4 р. 50 к., на 3 м. 2 р. 50 к., на 1 м. 85 к.

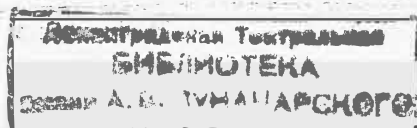
Адресъ: Ташкентъ, редакція газеты „Туркестанскій Курьеръ“.

Поволжскій Вѣстникъ

Подписная цѣна съ пересылкой, на годъ—6 р., 6 мѣс.—3 р. 50 к., на 1 м. 70 к.

Адресъ конторы и редакціи: г. Кострома, редакція газеты Поволжскій Вѣстникъ.

Редакторъ—Издатель И. В. Брюхановъ.

САТАНА и человекъ.

Драма въ 4 д. съ прологомъ Я. Гордина, перев. съ евр.
М. А. Вить (м. 5, ж. 4). Цензурован. экз. 3 руб.
Складъ изданія—коммис. отд. конторы „Театръ и Искусство“.

ЛЮБОВЬ СИЛЬНѢЕ СМЕРТИ

драма въ 2 д. Н. Пружанскаго (ж. 4, м. 2).
Реперт. ОПБ. „Театра Ужасовъ“.
Цѣна 1 руб.
Изданіе журнала „Театръ и Искусство“.

ШАЛЬНАЯ ДѢВЧЕНКА

ком. въ 4 д. П. Гаво, перев. Оедоровича
(м. 10, ж. 4), п. 2 р., книжный отд.
конторы „Театръ и Искусство“.

Последняя новинка ОПБ. Малаго театра:

„ПѢСНЬ ЛЮБВИ И СМЕРТИ“,
др.-ск. 4 д. В. Буренина. Прод. исклѣч. у
насъ печатн. цензур. экз. по 2 р. Вышелъ
полный 3-й дополн. списокъ безусловно
разрѣш. въсѣ за весь 1909 годъ. Цѣна
30 коп. Требуйтѣ каталоги.
Изд. „ТЕАТРАЛЬНЫХЪ НОВИНИ“: ОПБ.,
Мытнинская наб., 5. Пересылка бесплатно

ПѢСНЬ ЛЮБВИ И СМЕРТИ

др.-сказка въ 4 д. В. Буренина.
Репертуаръ Спб. Малаго театра.

Цензур. экз. 2 р.

Коммисіонный отдѣлъ конторы
„Т. и Иск.“

* КЪ СВѢДѢНІЮ *
* ГГ. АНТРЕПРЕНЕРОВЪ. *
* Новая моя пьеса „Трагедія та- *
* ланта“ (Вѣчные странники) въ *
* настоящее время заново перера- *
* ботана и будетъ разослана всѣмъ, *
* кто выписалъ ее въ первона- *
* чальномъ видѣ. А. Кайдаровъ. *

ВСЕ ДЛЯ СЦЕНЫ!

Первое на Югѣ Россіи Художественно-декоративное ателье М. Б. Басовскаго.
Одесса. Риншельевская, 68. Контора: Греческая, 7.
Изготавливаетъ немедленно и по самымъ доступнымъ цѣнамъ: декоратію, обстановку, бута-
форію, полное оборудованіе сцены по послѣднему слову театральной техники.
Особо дешевыя смѣты для народныхъ театровъ, клубовъ и аудиторій.
При требованіи смѣты, просимъ высылать подробный размѣръ сцены.
ВЫРѢЗАЙТЕ НА ПАМЯТЬ — ПРИГОДИТСЯ

М. СОКОЛОВЪ.

Работавшій много лѣтъ у Г. МОЗЕРЪ и К^о.

Какъ специалистъ предлагаетъ по фабричнымъ цѣнамъ
слѣд. его сорта часовъ, лично имъ точно проверенные
съ ручательствомъ на 5 лѣтъ.

Ст. муж. час. отъ 2.50 до 23 р.	Сер. дам. час. отъ 6.75 до 19 р.
Ст. дам. „ „ 3 „ 15 „ Зол. муж. „ „ 35 „ 225 „	Зол. дам. „ „ 18 „ 125 „
Сер. муж. „ „ 7.50 „ 25 „	

МАГАЗИНЫ и МАСТЕРСКІЯ ЧАСОВЪ,
ЗОЛОТО, СЕРЕБРО и БРИЛЛІАНТЫ.

Невскій, 71, уг. Николаевской ул.
Невскій, 59, д. бывшій Г. Блокка.

Телеф. № 55-89.

ЭНЦИКЛОПЕДІЯ

сценическаго самообразованія

Томъ 1-й МИМИКА (232 рис. 222 стр.). Цѣна 2 руб.

Томъ 2-й ГРИМЪ (200 рис., 303 стр.). Цѣна 2 руб.

Томъ 3-й ИСКУССТВО ДЕКАМАЦИИ. (68 рис., 367 стр.). Цѣна 2 руб.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА
Томъ 4-й КОСТЮМЪ. Свыше 500 рис.
Цѣна по подпискѣ, до выхода
въ свѣтъ, 3 руб., съ пересылкой
3 р. 21 к.

ДНИ НАШЕЙ ЖИЗНИ

Оригинальный фарсъ въ 3 д. Л. О. Грейдъ,
къ представленію дозволенъ безусловно,
„Правительствен. Вѣстн.“ с. г. № 204.

Цѣна 2 рубля съ пересылкой.

Съ требованіями обращаться: г. Житомиръ,
Илларионовская улица, 20, Театральная
библіотека Л. О. Грейдъ.

КОРСЕТЫ

новѣйшихъ фасоновъ

МОДЕЛИ ПАРИЖА

Бюстгальтеры

Набрюшники

„Dernière nouveauté“.

ФРАНЦУЗСКІЕ ВЯЗАНЫЕ КОР-
СЕТЫ и БЮСТГАЛТЕРЫ ИЗЯЩ-
НЫЕ и ГИГИЕНИЧНЫЕ.

Корсеты „PLASTIK“

ДЛЯ АРТИСТОВЪ.

СПБ. ФАБРИКИ

МАРКУСА ЗАКСА.

Литейный, 45 прот. Бассейной

Телефонъ 238-40.

Подробныя брошюры по требо-
ванію.

ПРЕЙСЪ-КУРАНТЪ БЕЗПЛАТНО.

ФАБРИКА ПАСТИЖА и

получилъ за выставку въ Парижъ
почетный дипломъ и медаль.

ТЕАТРАЛЬНЫХЪ ПАРИКОВЪ.

за выставку въ Ростовъ на Дону
ЗОЛОТАЯ МЕДАЛЬ.

Гримеръ и Театральный Парикмахеръ СПБ. Народнаго Дома ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ II

и остальныхъ 6-ти Политехническихъ театровъ о народной труппѣ, а также С.-Петербургскихъ и Московскихъ частныхъ театровъ.
Въ С.-Петербургѣ: Лѣтняго и Зимняго театровъ Буффъ, театра „ассажъ“, театра Фарсъ Тулакова, театра Фарсъ Каванскаго, театра Гиньель,
Театрального клуба, Неваго Лѣтняго театра, театра Акваріумъ, ОПБ. Зоологическаго сада, театра Эдмонъ, Шато-де-форе и проч.
Въ Москвѣ: Лѣтняго и Зимняго театровъ Фриматажъ и Дѣтской труппы Частякова.

ГЕННАДІЙ АЛЕКСАНДРОВЪ.

ГЛАВНОЕ ОТДѢЛЕНІЕ ФАБРИКИ, МАСТЕРСКІЯ, КОНТОРА и МАГАЗИНЪ въ С.-ПЕТЕРБУРГѢ, Крохерскій пр., 61. Телефонъ 85-78.
Разсылаю по провинціи опытныхъ мастеровъ-гримеровъ съ полнымъ комплектомъ париковъ.

ДАМСКІЙ ЗАЛЪ

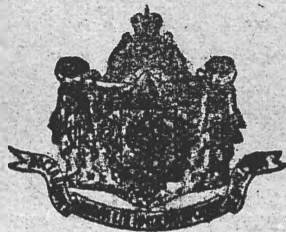
ПРИЧЕСКА ДАМЪ и ВСЕВОЗМОЖНЫЙ ПАСТИЖЪ
(входъ съ отдѣльнаго подъезда съ Гуляевой улицы).

Высылаю въ провинцію налож. платож. всевозможныя парики и бороды всѣхъ вѣковъ и характеровъ.

12 ТЫСЯЧЪ ПАРИКОВЪ.

12 ТЫСЯЧЪ ПАРИКОВЪ.

РОЯЛИ ПІАНИНО

К. М. Шредеръ

С.-Петербургъ.— Невскій, 52, уг. Садовой.

Морская, 27, кв. 11.
(во дворъ, 2-й этажъ).

SPÉCIALITÉ DE COSTUMES

d'Enfants et Fillettes.

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ДАМСКОЕ БѢЛЬЕ, РУЧНАЯ РАБОТА, ДАМСКІЯ БЛУЗЫ

M-me SCHOUSCHINE,

возвратившись въ Петербургъ, послѣ 8-лѣтняго пребыванія въ Ниццѣ и Парижѣ, возобновляетъ свои спеціальныя мастерскія дѣтскаго изящнаго платья, а также мастерскія дамскія блузы и самаго изящнаго дамскаго бѣлья

На выгодныхъ условіяхъ ОДАТСЯ
съ 20-го Декабря с. г.

зимній театръ И. Б. СТАМБОЛИ
въ г. Мелитополѣ (Таврич. губ.).

г. КУРСКЪ

Городской театръ свободенъ и дается
гастрольнымъ группамъ съ 1-й недѣли
Великаго поста, обращаться за справ-
ками: Курскъ, Городской театръ, Ф. Ф.
Бронченко-Левинскому.

ОТНЫНѢ ВСѢ ДАМЫ
ОСВОБОЖДЕНЫ ОТЪ ШИПЦОВЪ.

Красиво вьющіеся во-
лосы достигаются
употребленіемъ

ПОМАДЫ

„ЛОКОНЪ“

Германа Келертъ.

Незамѣнимое совершен-
но безвредное средство
для полученія пышныхъ, красивыхъ и мягкихъ
волосъ, а также для ихъ заправки.

Помада „ЛОКОНЪ“ уничтожаетъ пер-
хоть, способствуетъ
укрѣпленію волосъ.
Помада „ЛОКОНЪ“ дѣйствуетъ одина-
ково успешно на
лицъ обоего пола.

Цена за банку со спос. употребленія
1 р. 50 к.

Продается въ лучшихъ аптекахъ и парфюмер.
магазинахъ и парикмахерскихъ.

Главный складъ помады „Локонъ“ у Г. М.
Лосса-Вальдбергъ. СПб., Разъѣзжая, 32.
Изгороднимъ высылаются валоженными пла-
тежомъ. Пересылка за счетъ покупателей, по
тарифу.

ЦАПЪ-ЦАРАПЪ.

(Искатели счастья).

Ком.-шутка въ 3 дѣйств. С. Сабурова.
(м. 8, ж. 7) п. 2 р. II-ое изданіе.
Контора журнала „Театръ и Искусство“.

ТАМБОВЪ.

Зимній каменный театръ

ЗАНОВО ОТДѢЛАННЫЙ

СВОБОДЕНЪ

на зимній сезонъ 1910—1911 г.

Условія въ Театралън. Агент-
ствѣ Е. Н. Разсохиной.

МОСКВА, Тверская улица.

3-3

МАРШРУТЪ.

ПОѢЗДКА БРАТЬЕВЪ

Роберта и Рафаила

АДЕЛЬГЕЙМЪ

съ собственной труппой.

Съ 15-го Декабря по
14 Января—ВАРШАВА.

*ОБОВРѢНІЕ... С. Трефилова.

Слѣдуетъ названіе города, гдѣ пьеса испол-
няется. Много пѣнія, куплетовъ, комич. элем.
Ц. съ нотами для скрип. 2 р. Разр. без. № 193
с. г. Коптора „Т. и И.“

СТАВРОПОЛЬ-ГУБ.

Новый лѣтній театръ, закрытый, М. С.
Пахалова свободенъ на лѣто 1910 г.
съ 1-го іюля. Новая декорация освѣщ.
электр. Всѣ удобства. Выщ. 600 руб.
опера. дѣн. 1000 р. Желательно оперу
или оперетту. (Съ 19 апрѣля по 1 іюля
сданъ на второй сезонъ малорос. А. А.
Суходольскому). 4-1

КРЕМЕНЧУГЪ

(Полт. губ.).

Отдается въ аренду съ 1 января
1910 года городской садъ съ мураломъ
и другими постройками. Желательна
долгосрочная аренда, при условіи по-
стройки зданія лѣтняго театра. Условія
найма:—Кременчугъ—Городская Управа.

8-5

НѢЖНОСТЬ И ЕСТЕСТВЕННАЯ БѢЛИЗНА ЛИЦА И РУКЪ.

БЕРЕЗОВАЯ ЭМУЛЬСІЯ

Приготовленная въ Лабораторіи А. ЭНГЛУНДЪ.

Завѣдующіе Лабораторіею Докторъ В. К. Панченко и А. К. Энглундъ.

Вѣрное средство противъ веснушекъ, желтизны, пятенъ, красноты и проч.

При употребленіи березовой эмульсіи, кожа лица дѣлается необычно-
венно нѣжной и придаетъ ей ослѣпительную бѣлизну, свѣжесть и нѣж-
ность, она превосходитъ своимъ достоинствомъ всѣ другіе препараты.

Цена за флаконъ 1 р. 25 к., съ пересылкой 2 р. 75 к.

Для предупрежденія поддѣлокъ прошу обратить особенное вниманіе на подпись А. Эн-
глундъ красными чернилами и марку С.-Петербургской Косметической Лабораторіи,
которыя имѣются на всѣхъ этикеткахъ. Получать можно во всѣхъ лучшихъ аптекахъ,
аптекарскихъ, косметическихъ и парфюмерныхъ складахъ Россійской Имперіи. Главныя
агентства и склады фирмы для Европы: Гамбургъ—Эмиль Беръ; Вѣна—Лео Глаубаухъ,
Кертнеръ Рингъ, 3; Ницца—Е. Лотаръ; для Южной и Сѣверной Америки: Нью-Йоркъ—
Л. Мишнеръ. Главный складъ для всей Россіи А. ЭНГЛУНДЪ, С.-Петербургъ,
Новодеревенская набережная, 15.